

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Ледовских Елена Александровна

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.
И РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ)**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич

Воронеж – 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Социально-правовой статус православной церкви накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг.	
1.1. Особенности взаимоотношений Русской Православной Церкви, власти и общества	35
1.2. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., и его влияние на положение религиозных конфессий Центрально-Черноземного региона.....	55
Глава 2. Церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг.	
2.1. Влияние православного духовенства на общественные настроения в провинции в период военных действий.....	68
2.2. Благотворительная работа священнослужителей и прихожан.....	90
2.3. Представители православного духовенства Центрально-Черноземных епархий на фронтах русско-японской войны.....	107
Глава 3. Русская Православная Церковь во время революции 1905–1907 гг.	
3.1. Упадок религиозности в общественном сознании провинциального населения.....	129
3.2. Отношение православного духовенства российской провинции к революционным идеям. Самоидентификация священнослужителей и их детей.....	154
Заключение	178
Список источников и литературы	185

Введение

Актуальность темы исследования

Начало XX столетия сложный – для Российской империи период, насыщенный войнами, революциями и коренными изменениями во всех сферах общественной и государственной жизни. Неудачная кровопролитная русско-японская война 1904–1905 гг. оказала значительное влияние на жизнь в столице и на периферии Российской империи, катализируя революционные процессы в стране.

Происходившие изменения затронули Русскую Православную Церковь (РПЦ), как влиятельный социальный институт и ведущую конфессию империи, которая на данном историческом этапе сама переживала внутренний кризис и нуждалась в реформировании. Синодальная система церковного управления изжила себя и требовала серьезного пересмотра, апогеем которого представители прогрессивного духовенства видели реконструкцию патриаршества. При этом в изменяющихся социальных и политических условиях церкви приходилось выстраивать новую систему отношений с властью и обществом, становившемся все более секуляризованным.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем, что православная церковь как до революции, так и в настоящее время является важным социальным институтом и принимает активное участие в политической жизни страны, выступая в качестве консолидирующей силы общества и хранительницы традиционных духовно-нравственных ценностей. Будучи неразрывно связано с историей и культурой нашего государства, православие выступает в роли ведущего формирующего фактора русской национальной идентичности.

Изучение исторического и духовного опыта взаимоотношений православной церкви и общества позволяет сберечь и приумножить традиционные российские ценности, на которых строится фундамент государственности. Исследование данной проблемы представляется актуальным в условиях становления

гражданского общества, возрождения и активизации роли религиозных конфессий во внутренней жизни страны. Анализ церковно-общественных отношений, в том числе и на региональном уровне, позволяет составить более полную картину политической, социальной и культурной истории. Нарастание исследовательского интереса к церковной проблематике связано также с расколом в русском православии и противоречиями, возникшими во взаимоотношениях поместных церквей.

В данной работе на материалах Центрально-Черноземного региона осуществлен анализ основных направлений социальной и политической деятельности РПЦ в обстановке кризиса, вызванного русско-японской войной 1904–1905 гг. и революцией 1905–1907 гг.

Объектом диссертационного исследования являются православная церковь и российское общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг.

Предмет диссертационного исследования – характер и содержание взаимоотношений РПЦ и российского провинциального общества в исследуемый период.

Степень изученности диссертационной темы. Проблема взаимоотношений православной церкви и общества на рубеже XIX–XX вв. привлекала пристальное внимание исследователей. В отечественной исторической науке представлено достаточное количество материала, отражающего различные аспекты деятельности РПЦ. В некоторых работах общего характера затрагиваются вопросы участия церкви в общественной жизни России в целом и провинции, в частности. Социально-патриотическая деятельность представителей православного духовенства Центрально-Черноземного региона во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. до настоящего времени специально не исследовалась.

Отечественную историографию вопроса целесообразно разделить на два хронологических периода: 1) советский (1917 г. – начало 1990-х гг.); 2) современный (начало 1990-х гг. – настоящее время).

Советский период характеризуется господством атеистической идеологии и тенденциозным подходом к изучению истории православной церкви, за которой прочно закрепляется статус реакционной силы и опоры царского режима. Труды, издававшиеся в ранний советский период, носили ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, а главная цель авторов заключалась в обличении контрреволюционной политики РПЦ. Религия рассматривалась как неотъемлемый элемент правящего класса и главное препятствие в борьбе за свободу трудящихся. Здесь можно отметить работы Н.М. Лукина «Революция и церковь»¹, Б.П. Кандидова «Церковь и 1905 год»², В.Д. Бонч-Бруевича «Живая церковь и пролетариат»³.

Деятельности религиозных конфессий в революционную эпоху и первые годы существования советской власти посвящены некоторые монографии видного исследователя в области религии и атеизма Ф.М. Путинцева⁴. Характеризуя тактику сектантов, как оппозиционную по отношению к самодержавной власти и РПЦ, автор тем не менее подчеркивает ее реакционную сущность.

Особый интерес представляют труды обновленца Б.В. Титлинова⁵, свидетеля и непосредственного участника церковно-общественной жизни исследуемого периода. Несмотря на свои религиозные убеждения, он искренне разделял большинство революционных идей. В своих монографиях автор упоминал о наличии либерально настроенных элементов в среде духовенства, отмечал масштабность и высокую степень организованности революционного движения семинарской молодежи в начале XX в.

В этот период появляются исследования, посвященные истории военного духовенства и его деятельности в вооруженных силах империи. Прежде всего необходимо обратить внимание на труды В.О. Василенко «Офицеры в рясах»⁶ и

¹ Лукин Н.М. Революция и церковь. М., 1923.

² Кандидов Б.П. Церковь и 1905 год. М., 1926.

³ Бонч-Бруевич В.Д. Живая церковь и пролетариат. М., 1927.

⁴ Путинцев Ф.М. Политическая роль сектантства. М., 1929; Он же: Духоборье (Очерк из современной жизни сектантов – духоборов). М., 1928; Он же: Политическая роль и тактика сект. М., 1935.

⁵ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924; Он же: Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л., 1924.

⁶ Василенко В.О. Офицеры в рясах. М., 1930.

Б.Н. Кандидова «Религия в царской армии»⁷. Представленный в них материал лишен объективности и является откровенной антирелигиозной агитацией, демонстрирующей значимую роль представителей духовного сословия в буржуазно-классовом воспитании царской армии. Так, В.О. Василенко называет подвиги духовенства в период русско-японской войны «наглой ложью», при этом не отрицает, что «незначительная часть священнослужителей делала свое гнусное дело и под огнем неприятеля»⁸. Тем не менее работы содержат богатый документальный материал, что определяет их научную ценность.

Проблема взаимоотношений церкви и общества рассматривается в обобщающем труде Н.М. Никольского «История Русской Церкви»⁹. Монография написана с марксистско-ленинских позиций и содержит целый ряд выводов, критикующих религиозную идеологию. Автор ставит перед собой задачу научно-атеистической пропаганды, показывая антинародный характер деятельности Русской Православной Церкви в союзе с самодержавием. Главная конфессия империи выступает в роли крупного феодала, угнетавшего народные массы как духовно, так и экономически.

В 1940–1950-е гг. тема религиозно-общественных отношений в начале XX в. практически не изучалась. Тем не менее определенного внимания заслуживает, изданный в 1942 г. коллективный труд «Правда о религии в России»¹⁰. Авторы анализируют историю взаимоотношений новой власти, церкви и общества в послереволюционный период, с октября 1917 г. по лето 1942 г. Сборник стал одним из немногих, вышедших в советское время изданий, адресованных широкому кругу читателей, где представители духовенства и верующих мирян, рассказывали о гонениях, которые пережила православная церковь после октябрьской революции 1917 г.

В 1960–1980-е гг. появляется все больше исследований, освещающих различные аспекты истории православия. Основная тема публикаций – критика

⁷ Кандидов Б.П. Религия в царской армии. М., 1929.

⁸ Василенко В.О. Офицеры в рясах. М., 1930. С. 51–52.

⁹ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1931.

¹⁰ Правда о религии в России. М., 1942.

церкви, как главного оплота самодержавия и реакции. Здесь следует отметить труд бывшего обновленческого митрополита Н.Ф. Платонова «Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.)»¹¹. Автор доказывал, опираясь на значительную документальную базу, что основная масса духовенства в период революции, за некоторым редким исключением, была едина в своем стремлении сохранить монархию.

Статьи и письма видного советского исследователя религиозных вопросов В.Д. Бонч-Бруевича были собраны и опубликованы в издании «Избранные атеистические произведения»¹². Данный труд включает в себя достаточно объемный статистический и фактический материал, но, как и большинство работ указанного периода отличается крайней тенденциозностью. Православная церковь представляется автором главным препятствием прогресса, консервативной организацией, чрезвычайно враждебной народным интересам.

Среди работ с ярко выраженным антирелигиозным пропагандистским характером можно назвать труды: Н.С. Гордиенко, П.К. Курочкина «Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в.»¹³, П.Н. Зырянова «Церковь в период трех российских революций», «Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.»¹⁴, Н.А. Смирнова «Миссионерская деятельность церкви (Вторая половина XIX в. – 1917 г.)»¹⁵. И.А. Кривелев в монографии «Русская Православная церковь в первой четверти XX века»¹⁶ характеризует общественно-политическую позицию церкви в начале прошлого столетия как неконструктивную и однозначно реакционную.

Интерес для данного исследования представляет издававшийся в 1980-х гг. ежегодник «Религии мира. История и современность»¹⁷, в котором помимо

¹¹ Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. IV. М.; Л., 1960. С. 103–209.

¹² Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973.

¹³ Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. // Вопросы научного атеизма. 1969. Вып. 7. С. 313–340.

¹⁴ Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории. Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 380–437; Он же: Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

¹⁵ Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: веки истории. Науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 438–462.

¹⁶ Кривелев И.А. Русская Православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982.

¹⁷ Религии мира. История и современность. Ежегодник 1983. М., 1983.

публикаций по научному атеизму, истории религии и ее роли в современном мире печатались статьи, посвященные взаимоотношениям православной церкви и государства как в советский, так и в дореволюционный период. Таким образом, общий скептический подход к религии в целом и РПЦ в частности в отечественной исторической науке сохранялся вплоть до 1980-х гг.

В 1969 г. архиепископ Херсонский и Одесский Сергей (Петров) в магистерской диссертации «История Воронежской епархии от ее учреждения и до наших дней»¹⁸, опираясь на материалы церковной периодической печати и архивные документы, изложил ключевые вехи истории Воронежской епархии второй половины XIX – первой половины XX вв., и, безусловно, внес существенный вклад в изучении церковно-общественных отношений в провинции. Как большинство работ, написанных духовенством в советскую эпоху, диссертация долгое время оставалась в машинописном виде, и была переиздана в Воронеже только в 2011 г.¹⁹.

В целом советский период отечественной историографии отличается тенденциозным подходом к оценке роли христианской религии в обществе и государстве. Большинство исследователей опираясь на марксистско-ленинскую идеологию, рассматривали православную церковь с классовых позиций, доказывая главным образом ее антинародную сущность.

Особого внимания заслуживают работы, написанные в эмиграции, свободные от влияния марксистско-ленинской атеистической философии. Зарубежные авторы внесли существенный вклад в историографию православной церкви синодального периода. В первую очередь необходимо отметить некоторые работы Н.Д. Тальберга²⁰ и монументальный труд И.К. Смолича «История Русской Церкви 1700–1917 гг.»²¹. Н.Д. Тальберг монархист по своим убеждениям, считал, что Россия и православие неразрывно связаны. Работа «История Русской Церкви»

¹⁸ Сергей (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от ее учреждения и до наших дней. Магистерская диссертация. МДА. 1969.

¹⁹ Сергей (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от ее учреждения и до 1960- х годов. Воронеж, 2011.

²⁰ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. М., 1994; Он же: Русская быль. От Екатерины II до Николая II. Очерки истории Императорской России. М., 2006.

²¹ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Кн. 8. Ч. 1–2. М., 1997.

представляет собой курс лекций и не претендует на фундаментальное научное исследование. В основу курса положены произведения митрополита московского Макария (Булгакова), Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. В концептуальном плане работы Н.Д. Тальберга представляют собой апологию самодержавия, что обуславливает субъективизм в оценке исторических событий.

Исчерпывающий труд по истории русской церкви синодального периода принадлежит выдающемуся историку И.К. Смоличу. Рассматривая все аспекты взаимоотношений церкви и государства, исследователь дал подробный анализ системы церковного управления, достаточно много внимания уделил вопросом социально-патриотической деятельности духовенства.

Из общего числа работ по истории православия, написанных за границей, можно выделить монографию российского ученого Д.В. Поспеловского²², проживавшего в Канаде. Обобщающий труд «Русская Православная Церковь в XX в.» содержит богатый фактический материал. Автор рассматривал кризисные явления в церкви в начале прошлого столетия, писал о наличии активной оппозиции в среде духовенства после резолюции царя об отмене созыва Поместного Собора, указывал на религиозный индифферентизм и нравственное оскудение широких слоев населения в предреволюционный период.

Переломным моментом в развитии отечественной историографии становятся 1990-е годы – время ключевых перемен в советском обществе. Именно на этот период приходится подъем исследовательского интереса к истории православия и создаются предпосылки для более углубленного изучения церковно-общественных отношений. В 1989 г. выходит сборник статей «На пути к свободе совести» под редакцией Д.Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова)²³. Сборник интересен тем, что включает в себя статьи не только последовательных атеистов, но верующих мирян и рядовых священников. Темы некоторых статей сборника, такие как – В.И. Гараджа «Переосмысление», Валерия Борщева «Возвращение дыхания», Т.А. Добровольской, А.П. Мастеропуло, М.В. Поддубного «О перспективах

²² Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995.

²³ На пути к свободе совести. Под общ. ред. Д.Е. Фурмана, о. Марка (Смирнова). М., 1989.

возрождения христианской благотворительности», свидетельствуют о том, что отношение власти и общества к религии в целом и православию в частности начинает меняться в противоположную положительную сторону. Постепенно просыпается и научный интерес историков к проблеме взаимоотношений церкви власти и общества.

Наиболее заметными исследованиями 1990-х гг. на тему церковно-общественного сотрудничества становятся работы М.И. Одинцова²⁴, В.А. Алексева²⁵, С.Л. Фирсова²⁶, протоиереев Георгия Митрофанова²⁷ и Владислава Цыпина²⁸. М.И. Одинцов и В.А. Алексеев рассматривали главным образом послеоктябрьский период церковной истории, уделяли особое внимание взаимоотношениям советской власти с религией и положению РПЦ в атеистическом государстве. Историк С.Л. Фирсов в книге «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России», отмечал тесную взаимосвязь между кризисными явлениями в обществе и «нестроениями» внутри самой церкви.

Преподаватель Санкт-Петербургской Духовной школы протоиерей Георгий Митрофанов исследовал проблему взаимоотношений Московской Патриархии и Русской Православной Церкви за рубежом в 20-х годах XX в. В более поздний период была опубликована монография «История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг.», в которой, опираясь на широкий спектр архивного и библиографического материала, автор подробно описал историю ведущей конфессии Российского государства накануне и после Октябрьской революции 1917 г., охарактеризовал церковно-государственные и церковно-общественные отношения, осветил жизненный путь видных иерархов РПЦ, уделил достаточно внимания Русской Зарубежной Церкви. Касаясь проблемы

²⁴ Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений: 1917–1938 гг. М., 1991.

²⁵ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991.

²⁶ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.

²⁷ Георгий Митрофанов, протоиерей. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб., 1995; Он же: История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. СПб., 2002.

²⁸ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990 гг. М., 1994; Он же: История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 1700–2005 гг. М., 2006.

синодального управления в начале XX в., историк подчеркивал наличие строгого контроля над ведущей конфессией империи со стороны бюрократического аппарата.

Обобщающий труд протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Православной Церкви, 1917–1990 гг.» носит вводный характер, исследователь сосредотачивается главным образом на описании исторических фактов и людских судеб. Анализ церковно-общественных отношений накануне революции не входил в исследовательскую задачу автора. В более позднее время вышла работа, посвященная истории РПЦ синодального и новейшего периода, в которой рассматривались вопросы миссионерской деятельности духовенства, уделялось внимание религиозно-нравственному состоянию общества на рубеже веков.

Во второй половине 1990-х гг. появляются научные исследования, посвященные деятельности православных священнослужителей в российской армии в конце XIX – начале XX вв. История военного духовенства империи представлена в кандидатской диссертации А.В. Байдакова «Православное духовенство русской армии и флота (Вторая половина XIX – начало XX века)»²⁹ и монографии С.Ю. Чемарова «Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг.»³⁰. Это наиболее полные и основательные работы на постсоветском пространстве, в рамках данного периода, посвященные истории развития института военных священнослужителей.

В современной отечественной историографии следует выделить труды: С.Л. Фирсова³¹, М.В. Шкаровского³², В.А. Федорова³³, М.А. Бабкина³⁴,

²⁹ Байдаков А.В. Православное духовенство русской армии и флота (Вторая половина XIX – начало XX века): дисс. ... к. ист. н. М., 1995.

³⁰ Чемарова С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб., 1999.

³¹ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996; Он же: Русская Церковь накануне перемен (в конце 1890-х – 1918 гг.) М., 2002; Он же: Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007; Он же: Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010.

³² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.

³³ Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период, 1700–1917. М., 2003.

³⁴ Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007; Он же: Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011.

Т.Г. Леонтьевой³⁵. Профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ С.Л. Фирсов, в своих монографиях раскрывает проблему кризисных явлений в православной церкви накануне революционных событий, показывает особенности взаимоотношений главной конфессии империи с властью и обществом в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

О пребывании православной церкви в состоянии глубокого кризиса в начале XX в., итогом которого стали повсеместные атеистические настроения, пишет в своих работах профессор Петербургской духовной академии М.В. Шкаровский. Основное внимание в монографии «Русская православная церковь в XX в.» автор уделяет советскому периоду. Однако именно в начале XX в., по мнению исследователя, началось возрождение церкви, результатом чего стал Поместный Собор 1917–1918 гг., как знаковое событие в истории христианства.

Синодальный период Русской Православной Церкви 1700–1917 гг. представлен в книге профессора Московского государственного университета В.А. Федорова. Автор сосредотачивает внимание на вопросах реформирования церковного управления, миссионерской деятельности священнослужителей, интересуется проблемой подготовки Поместного Собора.

Участию представителей духовного сословия в революционных событиях 1905–1907 гг. посвящены некоторые работы Т.Г. Леонтьевой и М.А. Бабкина. Доктор исторических наук Т.Г. Леонтьева ведет исследования на материалах Тверской губернии. Автор критически оценивает деятельность священнослужителей накануне революции, отмечает их неподготовленность к происходившим в стране переменам, называет «потерянным для модернизации сословием»³⁶. Профессор Российского государственного гуманитарного университета М.А. Бабкин, опираясь на значительную документальную базу, напротив, подчеркивает активную политическую позицию определенной части

³⁵ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43; Она же: Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX века. М., 2002.

³⁶ Там же. С. 43.

священства и указывает на наличие в этой среде немалого числа революционно настроенных лиц.

История протестного движения в духовных школах в период Первой русской революции 1905–1907 гг. отражена в диссертационном исследовании Т.А. Павленко³⁷. Изучив особенности революционной деятельности учащихся нескольких семинарий, историк отмечает, что представители политических партий не играли значительной роли в организации акций протеста церковной молодежи. Развитию общего семинарского движения в начале XX в., по мнению Т.А. Павленко, способствовали архаичная система духовного образования, которая изжила себя и требовала реформирования, революционная «смута», а также укоренившаяся в учебных заведениях в XIX в. традиция протеста.

Социальное положение духовного сословия в конце XIX – начале XX века представлено в двухтомном труде Б.Н. Миронова³⁸. Обширное по объему исследование включает в себя богатый документальный и теоретико-методологический материал. Автор рассматривает священнослужителей как класс в системе с другими социальными группами и отмечает, что все изменения, происходившие в силу развития капиталистических отношений в различных слоях общества, параллельно шли и в церковной среде. Историк главным образом сосредотачивается на мысли о трансформации духовенства на рубеже веков из сословия в профессию.

Правовые аспекты истории взаимоотношений РПЦ и государства на рубеже XIX – XX вв. отражены в некоторых работах А.А. Сафонова³⁹. Исследователь рассматривает законодательную политику власти по отношению к религиозным объединениям, действующим на территории Российского государства. По мнению

³⁷ Павленко Т.А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период первой российской революции (1905–1907 гг.): дис. ...к. ист. н. СПб., 2009.

³⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1–2. СПб., 2003.

³⁹ Сафонов А.А. Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX – XX вв. Тамбов, 2006; Он же: Правовые аспекты политики российской власти по отношению к старообрядцам в период третьей ионьской монархии // Вопросы правоведения. 2015. № 2. С. 140–161; Он же: Государство и конфессии в позднимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017.

автора, Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. способствовал оздоровлению религиозной ситуации в стране⁴⁰.

Таким образом, говоря о современном изучении проблемы, следует отметить, что исследователи освещают весь комплекс вопросов церковно-общественных отношений, что позволяет им сформировать более объективный взгляд на роль РПЦ в социальной, политической и культурной жизни Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Основные этапы исторического пути православной церкви с 1900 г. до Февральской революции 1917 г. рассмотрены в книге «Русская церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников»⁴¹ под редакцией А. Богословского. Двухтомник представляет собой антологию выдержек из дневников, писем, воспоминаний, многие из которых опубликованы впервые. В работе уделяется внимание духовно-нравственному состоянию общества на рубеже веков, затрагиваются вопросы реформирования синодальной системы церковного управления и участия представителей духовного сословия в политической жизни страны. Издание содержит богатый материал, посвященный социально значимым инициативам православных священнослужителей на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг.

Истории становления и развития института военного духовенства в имперской армии посвящены труды известного исследователя К.Г. Капкова⁴² и профессора Военной академии связи В.М. Коткова⁴³. Авторами проанализирован и опубликован основательный архивный материал периода русско-японской войны 1904–1905 гг., собрана информация о кадровой структуре, материальном обеспечении, обязанностях и системе награждения военных священнослужителей.

⁴⁰ Сафонов А.А. Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX – XX вв. Тамбов, 2006. С. 171.

⁴¹ Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Отв. ред. А. Богословский. Т. 1. Кн. 1–2. М., 2014.

⁴² Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008.

⁴³ Котков В.М. Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии // Журнал московской патриархии. 1999. № 8. С. 70–80; Он же: Военное духовенство России. СПб., 2003; Котков В.М., Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие. СПб., 2005.

Рассмотрены особенности мобилизации, а также виды и формы деятельности представителей духовного сословия в действующей армии в конце XIX – начале XX вв.

В 2002 г. вышел исторический сборник протоиерея Георгия Полякова «Военное духовенство России»⁴⁴. Основываясь на обширном архивном материале и воспоминаниях очевидцев, автор описывает историю военного духовенства армии и флота с X в. до настоящего времени. Будучи духовником военнослужащих Черноморского флота, свидетелем и непосредственным участником возрождения института военных священников о. Георгий провел большую работу по увековечению духовно-нравственного подвига священнослужителей. В книге содержится информативный фотоматериал о буднях флота и церкви.

Проблема взаимоотношений РПЦ с Вооруженными силами империи получила свое развитие в кандидатской диссертации А.В. Дробышева «Православная Церковь и русская армия в XIX веке»⁴⁵. Рассматривая разностороннюю деятельность военного духовенства, автор делает вывод о том, что представители духовного сословия являлись нравственной опорой армии и поддерживали на высоком уровне ее боевой дух.

Патриотическая деятельность провинциальных священнослужителей во время военных событий начала XX в. отражена в работах доктора исторических наук П.П. Щербинина⁴⁶. По мнению автора, провинциальное общество в исследуемый период отличалось глубокой религиозностью, а служение церкви, отвечало запросам паствы и потребностям развития российской государственности.

Общественно-политической инициативе духовенства Центрального

⁴⁴ Георгий Поляков, протоиерей. Военное духовенство России. М., 2002.

⁴⁵ Дробышев А.В. Православная Церковь и русская армия в XIX веке: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2018.

⁴⁶ Щербинин П.П. Социальная ориентация православного духовенства в городах черноземного центра в период первой русской революции // IV Питиримовские чтения. Тамбов, 1998. С. 79–85; Он же: Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004; Он же: Православное духовенство и провинциальное общество Центрального Черноземья в период войн начала XX в. // Провинциальное духовенство дореволюционной России: Сб. науч. тр. Вып. 1. Тверь, 2005. С. 147–155; Щербинин П.П., Радецкий С.В. Тамбовская епархия накануне и в период Русско-японской войны 1904–1905 годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. Вып. 2. С. 164–172.

Черноземья на рубеже веков посвящены исследования, В.Ф. Лисюнина⁴⁷, О.Ю. Левина⁴⁸. Авторы дают оценку деятельности представителей церковной власти в провинции, характеризуют состояние приходской жизни, затрагивают проблему духовного образования в епархиях. Внутренняя жизнь Тамбовской семинарии в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. представлена в научных публикациях историка Р.Ю. Просветова⁴⁹.

Деятельность религиозных конфессий на территории Центрально-Черноземного региона в конце XIX – начале XX в., а также особенности работы внутренней миссии рассматриваются в статьях Б.А. Ершова⁵⁰, А.Г. Лозовского⁵¹, А.В. Апанасенка, К.В. Симоненкова⁵², А.А. Секирина⁵³. Исследователи указывают на заметное повышение активности религиозных деноминаций в связи с принятием царского Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г.

Эволюция религиозного сознания провинциального населения на рубеже XIX – XX вв. показана в некоторых работах историков В.Б. Безгина⁵⁴ и В.Д. Орловой⁵⁵. Авторы отмечают достаточно высокий уровень религиозности

⁴⁷ Виктор Лисюнин, иерей. Общественно-политическая функция духовенства Тамбовской епархии во время революции 1905 г. // Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Тамбов, 2007. С. 76–81.

⁴⁸ Левин О.Ю. Лекции по истории Тамбовской епархии. Обновленческий и григорианский раскол в Тамбовской епархии // История Тамбовской митрополии: документы, исследования, лица. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6668/> (дата обращения: 26.12.2018).

⁴⁹ Просветов Р.Ю. Тамбовская духовная семинария в годы первой русской революции // IV Питиримовские чтения 14–15 мая 1997 г. Тамбов, 1998. С. 85–93; Он же: Тамбовская духовная семинария при ректорах Федоре (Поздеевском) и Семиионе (Холмогорове) в 1904–1907 годах. [Электронный ресурс]. URL: <http://собор.narod.ru/txt/Feodor/index.html> (дата обращения: 17.05.2017).

⁵⁰ Ершов Б.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Воронежской губернии в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–2 (68). С. 81–85.

⁵¹ Лозовский А.Г. Тамбовские миссионеры в борьбе с религиозным сектантством: 1875–1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. 2007. Вып. 2 (46). С. 152–155.

⁵² Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905–1916 гг. (на материалах Курской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Вып. 3. Т. 4. С. 109–118.

⁵³ Секирин А.А. Статистика сектантства и старообрядчества в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Курского губернского статистического комитета) // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3. С. 253–263.

⁵⁴ Безгин В.Б. Религиозность тамбовского крестьянства на рубеже XIX – XX веков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2017. Вып. 4. С. 203–213; Он же: Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. Вып. 2. С. 189–196.

⁵⁵ Орлова В.Д. Духовно-нравственное воспитание в условиях модернизации общества // Тамбовские епархиальные ведомости. 2010. № 9. С. 14–17; Она же: На рубеже эпох. Мнения отцов благочинных о нравственности прихожан в Тамбовской епархии в конце XIX – начале XX в. // Тамбовские епархиальные ведомости. 2014. №3. С.25–27; Она же: Тревоги тамбовского духовенства о нравственности прихожан в конце XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. Вып. 2. С. 183–188; Она же: Проявление религиозности тамбовского

среди населения Центрально-Черноземных епархий в исследуемый период, несмотря на революцию и активную агитационную работу членов левых партий.

В монографии доктора исторических наук Б.А. Ершова⁵⁶ рассматривается деятельность православной церкви в системе общественно-государственных отношений на региональном уровне. Автором на материалах четырех провинциальных епархий (Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской) освещаются некоторые вопросы социально-экономического положения церкви, ее роли и места в сфере государственного законодательства Российской империи на рубеже XIX – XX вв. По мнению исследователя, РПЦ в указанный период представляла собой влиятельную общественную силу.

Особое место в рамках рассматриваемой проблемы занимают диссертационные исследования, которые условно можно разделить на две группы. К первой относятся работы раскрывающие различные стороны общественно-религиозной жизни Центрально-Черноземных губерний в конце XIX – начале XX в.: В.Ф. Лисюнина⁵⁷, М.Г. Ковалевой⁵⁸, Л.А. Шуклина⁵⁹. Интерес представляет кандидатская диссертация С.А. Иконникова, в которой дана социокультурная характеристика провинциального приходского духовенства второй половины XIX – начала XX века⁶⁰. Анализируя общественно-политическую деятельность епархиальных клириков, автор отмечает, что в среде воронежского духовенства были лица, принявшие самое деятельное участие в революционном движении. Историк указывает на спад общего уровня религиозности крестьянского населения Воронежской губернии под влиянием событий 1905–1907 гг.

Вторую группу составили исследования, в которых рассмотрены

купечества в XIX – начале XX в. // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2016. Вып. 3. С. 174–184.

⁵⁶ Ершов Б.А. Русская Православная Церковь в структуре государственного управления в XIX – начале XX вв. Воронеж, 2013.

⁵⁷ Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ...к. ист. н. Тамбов, 2006.

⁵⁸ Ковалева М.Г. Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): дис. ...к. ист. н. Белгород, 2006.

⁵⁹ Шуклина Л.А. Культурно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв.: По материалам Курской губернии: дис. ...к. ист. н. Курск, 2005.

⁶⁰ Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2015.

особенности взаимоотношений церкви и общества в различных регионах Российской империи: Г.М. Платонова⁶¹, Н.Г. Зарембо⁶², О.А. Курбатова⁶³, Е.М. Есиковой⁶⁴. Представленный в них материал, позволяет сравнить социальную политику православной церкви в начале XX в. в Центрально-Черноземном регионе не только с соседними, но и отдаленными губерниями.

Проблема взаимоотношений православной церкви с властью и обществом в Российской империи в начале XX в. получила свою разработку и за рубежом. Поэтому в отдельную категорию историографических источников следует отнести труды иностранных исследователей. Так, американский историк Джон Куртис в работе «Церковь и государство в России: в последние годы империи, 1900–1917»⁶⁵ дает объективную оценку событиям, происходившим в России в начале прошлого столетия. Характеризуя общественно-политическую работу церкви, автор пишет о существовании в среде духовного сословия в последнее дореволюционное десятилетие либерально настроенных лиц, желающих коренной ломки синодального строя.

Джеймс У. Каннингем в труде «Побежденная надежда: движение за обновление церкви в России, 1905–1906»⁶⁶, опираясь на широкую документальную базу, подчеркивает стремление прогрессивно настроенных иерархов и православной интеллигенции к реформированию системы церковного управления и восстановлению патриаршества. Работа посвящена участию духовенства и мирян в подготовке созыва Поместного Собора.

В монографии, американского историка Лори Манчестер «Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в

⁶¹ Платонов Г.М. Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг.: На материалах Саратовской губернии: дис. ...к. ист. н. Саратов, 2003.

⁶² Зарембо Н.Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга: дис. ...к. ист. н. СПб., 2011.

⁶³ Курбатов О.А. Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: дис. ...к. ист. н. СПб., 2003.

⁶⁴ Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии (1859–1917 гг.): дис. ...к. ист. н. Челябинск, 2010.

⁶⁵ Curtiss, John. Church and State in Russia: The Last Years of the Empire, 1900–1917. New York, 1972.

⁶⁶ James W. Cunningham, A Vanquished Hope, the Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906. New York, 1981.

России»⁶⁷ дан анализ жизнь выходцев из духовного сословия, которые сознательно оставили церковь и ушли в мирские сферы деятельности. Тем не менее автор указывает на сохранение многими «поповичами» традиционных мировоззренческих ориентиров, характерных для данного социального класса. Исследователь обращает внимание на факт тесного сотрудничества революционеров и монархистов.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии представлено достаточное количество работ, отражающих отдельные аспекты деятельности Русской церкви в начале XX в. Тем не менее, приведенный историографический обзор, показывает, что при всем многообразии существующих научных публикаций, специальные труды, посвященные патриотическим инициативам православной церкви в Центрально-Черноземном регионе в период русско-японской войны 1904–1905 гг. в настоящее время отсутствуют. Механизмы мобилизации священнослужителей на Дальний Восток и последующее их социальное служение в действующей армии на региональном уровне не рассматривались. Недостаточно изучена религиозность провинциального населения и степень участия представителей духовного сословия в революционных событиях 1905–1907 гг. В связи с этим исследование приобретает теоретическую и практическую значимость и представляется необходимым.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования изучить особенности церковно-общественных отношений в Центрально-Черноземном регионе в условиях русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

– дать характеристику общественно-правового положения Русской Православной Церкви в начале XX в.;

⁶⁷ Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

– проследить изменения в конфессиональном составе населения Центрально-Черноземного региона в связи с принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г.;

– оценить отношение церкви к русско-японской войне 1904–1905 гг. и эффективность влияния православного духовенства на формирование общественных настроений в провинции;

– рассмотреть особенности мобилизации представителей духовного сословия в Центрально-Черноземном регионе и виды деятельности военных священнослужителей на фронте;

– проанализировать процесс распространения антиклерикальных идей среди населения провинциальных губерний Российской империи;

– изучить отношение духовенства Центрального Черноземья к революции 1905–1907 гг., степень и характер участия священнослужителей в антиправительственных выступлениях.

Территориальные рамки исследования ограничены четырьмя губерниями Центрально-Черноземного региона – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской, близких по географическому положению и культурно-историческому типу населения. Что обуславливает их сходство по политическому, социально-экономическому и духовному развитию. Территории губерний совпадали с границами епархий. Характерной особенностью региона был большой процент сельского населения, исповедовавшего православную веру, что определяло специфику данной территории в рамках церковно-общественных отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1904 г. по 1907 г. Нижней границей является 1904 г., характеризующийся началом войны России с Японией, вызвавшей широкий общественный резонанс, что, безусловно, отразилось на взаимоотношениях духовенства и провинциального населения. Верхняя граница соответствует окончанию революции 1905–1907 гг. и началу нового этапа в истории государства, связанного с ключевыми политическими и социальными изменениями во всех сферах российской действительности, в том числе и церковной. Значимыми событиями изучаемого периода стали Указ «Об

укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г.

Источниковая база. Используемые в диссертации источники по своему происхождению и содержанию можно разделить на следующие группы: нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию, статистические данные, мемуарную литературу и прессу.

В процессе исследования изучены фонды центрального и четырех региональных архивов: Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), Государственный архив Курской области (ГАКО) и Государственный архив Орловской области (ГАОО).

К нормативно-правовым актам относятся Указы Его Императорского Величества (РГИА. Ф. 806 – «Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства»)⁶⁸, Высочайшие Манифесты (ГАТО. Ф. 181 – «Тамбовская духовная консистория»; ГАВО. Ф. И-6 – «Канцелярия Воронежского губернатора»; ГАОО. Ф. 580 – Канцелярия Орловского губернатора)⁶⁹. Документы этой группы отражают официальную позицию власти в сфере взаимоотношений с религиозными конфессиями и обществом. Они позволяют проследить реализацию принятых государственных решений и их результативность на местах.

Наиболее многочисленную группу источников составили делопроизводственные документы. К ним относятся: Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания⁷⁰; ежегодные отчеты губернаторов (ГАТО. Ф. 4 – «Канцелярия Тамбовского губернатора»)⁷¹; рапорты командиров, ведомости воинских частей и военно-врачебных заведений, справки, телеграммы (РГИА. Ф. 806)⁷²; циркуляры, рапорты благочинных, настоятелей монастырей, градоначальников (ГАТО. Ф. 181; ГАВО.

⁶⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755.

⁶⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1; ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2523.

⁷⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1907; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910.

⁷¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634.

⁷² РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755.

Ф. И-6)⁷³; уставы и инструкции миссионерских обществ, ведомости о количестве сектантов и раскольников в губерниях (ГАТО. Ф. 181; ГАКО. Ф. 33 – «Курское губернское правление»; ГАОО. Ф. 580)⁷⁴; протоколы и документы губернских жандармских управлений (ГАТО. Ф. 272 – «Тамбовское губернское жандармское управление»; ГАВО, Ф. И-1 «Воронежское губернское жандармское управление»)⁷⁵.

В отчетах губернаторов содержится ценная информация о настроениях провинциального общества во время военных действий и положении дел на местах, благотворительной деятельности сельских и городских жителей, об организации и проведении мобилизации в губерниях и ее влияние на материальное положение населения и состояние народной нравственности.

Рапорты командиров подразделений, благочинных, ведомости воинских частей и госпиталей включают данные о количестве священнослужителей, отправленных на фронт, их наградах, заслугах и правонарушениях. А также о церквях, монастырях и светских учреждениях, предоставлявших свои услуги по организации госпиталей в тылу и в условиях боевых действий.

Особый интерес представляют, сохранившиеся материалы миссионерских обществ, свидетельствующие о составе действующих религиозных конфессий, их количестве и деятельности в пределах Центрально-Черноземного региона в начале прошлого столетия.

В протоколах жандармского управления размещены сведения о противоправительственных акциях со стороны представителей духовного сословия и мирян: документы по обвинению воспитанников духовных семинарий, донесения жандармских унтер-офицеров, листовки и прокламации революционных партий.

В процессе исследования было рассмотрено и проанализировано более пятидесяти рапортов командиров пехотных полков, военных священников, благочинных и настоятелей монастырей. В работе представлены мобилизационное

⁷³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2436, Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 592, Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1019.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2485; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 742; ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2063.

⁷⁵ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 619, Ф. 272. Оп. 1. Д. 349, Ф. 272. Оп. 1. Д. 580; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 135, Ф. И-1. Оп. 1. Д. 397.

расписание № 18⁷⁶ и две ведомости о назначении священнослужителей в военные госпитали и пехотные полки с началом мобилизации⁷⁷, в которых содержится важная информация о наименовании епархий, нумерации воинских частей и количестве назначенных духовных лиц в пределах исследуемого региона. В результате проведенного анализа послужных списков, было выявлено, как духовенство Центрально-Черноземных епархий проявило себя на фронте.

Изучено несколько десятков дел по обвинению граждан, главным образом священнослужителей, в политической неблагонадежности, что позволило сделать вывод об отношении представителей духовного сословия к революции. Большинство из представленных архивных материалов впервые введены в научный оборот.

Среди источников, иллюстрирующих особенности взаимоотношений православной церкви и общества, и представляющих важность для настоящего диссертационного исследования, отметим опубликованные «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»⁷⁸. В них отражены взгляды православных иерархов, исследуемых четырех губерний, по ключевым вопросам церковных преобразований начала XX в. – отделения ведущей конфессии от государства и созыве Поместного Собора с целью восстановления канонической системы церковного управления.

К справочно-статистическим источникам относятся Адрес-календари, Памятные книжки и Обзоры губерний, данные которых позволили дать комплексную характеристику различным аспектам церковно-общественной жизни исследуемого периода. Проследить количество учебных заведений, монастырей и богаделен в епархиях, выявить изменения в духовно-нравственном облике населения, определить число и характер религиозных сект и методы работы с ними.

В диссертации использовались воспоминания, дневники, письма и другие источники личного происхождения, с помощью которых удалось составить более

⁷⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 10; 10-об.

⁷⁷ Там же. Л. 20; 26.

⁷⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004.

объективную характеристику религиозной жизни Центрального Черноземья, показать, как в реальности оценивали происходившие в стране события представители духовного сословия и верующие миряне.

Прежде всего необходимо отметить воспоминания двух выдающихся иерархов Русской Православной Церкви митрополита Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох»⁷⁹ и митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни»⁸⁰. Труды представляют историческую ценность, так как авторы были непосредственными свидетелями и участниками многих ключевых событий Российской истории начала XX в. В мемуарах Митрополита Вениамина (Федченкова), содержится важная информация о морально-нравственном состоянии провинциального населения, быте, нравах и материальном положении сельского духовенства, подпольных организациях и протестных движениях в духовных семинариях накануне и во время революции 1905–1907 гг.

Жизнь и служение митрополита Евлогия (Георгиевского), после окончания Тульской семинарии и Московской духовной академии, были связаны с западными епархиями. Тем не менее его воспоминания имеют большое значение для диссертации, как видного иерарха Русской Православной Церкви и депутата Государственной думы, отстаивавшего консервативную позицию и разделявшего мнение большинства представителей духовного сословия по отношению к революционным событиям.

В работе использовались «Автобиографические заметки» священника Сергея Булгакова⁸¹, личность которого заслуживает особого внимания, в первую очередь как выходца из духовного сословия, увлекшегося марксистской философией и ступившего на революционный путь. В заметках отражен взгляд автора на многие ключевые события в стране на рубеже XIX – XX вв. Спустя годы, С.Н. Булгаков переосмыслил свои взгляды и вернулся в лоно церкви. В воспоминаниях священник указывал на широкое

⁷⁹ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. Можайск, 1994.

⁸⁰ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994.

⁸¹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. М.; Берлин, 2016.

распространение антиклерикальных идей в семинарской среде, что в значительной степени повлияло на его уход из церкви.

Важным источником являются «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота» о. Георгия Шавельского⁸². Свой труд автор начал с 1911 г., то есть с момента назначения на пост Протопресвитера военного и морского духовенства. Для настоящей работы, о. Георгий Шавельский представляет интерес, прежде всего, как участник русско-японской войны 1904–1905 гг. в должности полкового священника 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. В воспоминаниях отражены реалии фронтовой жизни военного духовенства на Дальнем Востоке. Во время боевых действий Г.И. Шавельский проявил себя достойно, после чего был отмечен наградами и саном протоиерея. Опыт, который священнослужитель получил на фронте, был использован им впоследствии на посту протопресвитера.

Особое внимание стоит уделить Запискам петербургского священника Георгия Гапона⁸³. В тексте, записанного со слов самого Гапона британскими журналистами, представлена история жизни священнослужителя и причины его вступления на революционную дорогу. Будучи религиозным человеком, талантливым и образованным для своего времени, он с головой ушел в социальное служение, однако стал жертвой обстоятельств и трагически закончил свою жизнь. Личность Георгия Гапона привлекает внимание историков, как священника и революционного деятеля в одном лице, организатора январской рабочей забастовки, положившей начало событиям 1905–1907 гг. Указанный источник важен для диссертационного исследования тем, что в провинции были священнослужители, которые, так же как Гапон, разделяли революционные идеи и приняли непосредственное участие в освободительном движении.

В воспоминаниях сестры-волонтерки Н.В. Козловой «Под военной грозой»⁸⁴ показаны тяжелые трудовые будни работников военных госпиталей: сестер-

⁸² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. М., 1996.

⁸³ Записки Георгия Гапона. Очерк рабочего движения в России 1900-х годов. М., 1918.

⁸⁴ Козлова Н.В. Под военной грозой (воспоминания сестры-волонтерки) // Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11, 12. С. 533–562.

милосердия, врачей, священнослужителей. Автор подробно описала моральную обстановку в армии, все трудности и лишения фронтовой жизни, упоминала об агитационной работе радикально настроенного медперсонала в солдатской среде.

К источникам личного происхождения относится дневник полкового священника 51-го Драгунского Черниговского полка Митрофана (Сребрянского)⁸⁵, в котором он рассказал о своей жизни на фронте начиная с момента отправления на Дальний Восток 11 июня 1904 г. и до благополучного возвращения обратно в г. Орел 2 июня 1906 г. Отец Митрофан родом из Воронежской губернии, в 1892 г. окончил Воронежскую духовную семинарию, а в 1897 г. получил назначение в Орловскую епархию на должность полкового священника. Изначально отрывки из дневника печатались в «Вестнике военного духовенства», частично в епархиальных ведомостях, а со временем вышли отдельной книгой. Из написанного можно сделать вывод, что помимо прямого священнического долга: совершение богослужений, треб, утешение тяжелобольных и раненых воинов, обязанности представителей духовного сословия, в условиях боевых действий, входило много дополнительной работы, от помощи врачам в госпиталях до оповещения родственников убитых нижних чинов. Священнослужитель упоминал о моральном состоянии бойцов и настроениях, царивших на фронте, указывал на высокий уровень патриотизма в войсках, несмотря на неудачи российской армии.

Значительный интерес для данной научной работы представляют воспоминания, воспитанников Тамбовской духовной семинарии, в которых содержатся важные сведения о внутреннем устройстве учебного заведения, порядках, традициях и настроениях учащихся, накануне и во время революции. Видный общественный деятель советской эпохи К.В. Островитянов в книге «Думы о прошлом»⁸⁶, вспоминая годы, проведенные в стенах духовной семинарии, упоминал об акциях протеста церковной молодежи в 1905–1907 гг. Будучи убежденным революционером, автор подчеркивал, что незначительная часть воспитанников принадлежала к радикальным партиям.

⁸⁵ Сребрянский Митрофан, свящ. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996.

⁸⁶ Островитянов К.В. Думы о прошлом. М., 1967.

В автобиографической повести бывшего семинариста А.К. Воронского «За живой и мертвой водой»⁸⁷, несмотря на присутствие художественного вымысла заключена достоверная информация о повседневной жизни учеников и преподавателей, быте и нравах «бурсы» в начале XX в.

Большую ценность представляет дневник воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907 г.)⁸⁸. Этот уникальный источник дает представление о событиях, происходивших в Тамбовской духовной семинарии во время революции, участником и очевидцем которых автору суждено было стать. Будучи глубоко верующим человеком, М.Г. Сперанский не разделял вольнодумных взглядов своих товарищей и пронес эти убеждения через всю свою жизнь. Тем не менее некоторые революционные идеи ему были близки, в силу тесного общения с самого раннего детства с крестьянским населением.

Важным источником являются слова, речи и проповеди иерархов РПЦ, в которых отражено мнение церкви на события, происходившие в стране в начале XX в. В данной работе использовались высказывания митрополита Владимира (Богоявленского)⁸⁹ и архиепископа Феодора (Поздеевского)⁹⁰.

Отношение представителей духовного сословия к русско-японской войне 1904–1905 гг. прослеживается в проповедях и дневниковых записях священника Иоанна Кронштадтского⁹¹ и архиепископа Николая Японского⁹². Иоанн Кронштадтский рассматривал внешнюю политику царского правительства сквозь призму религиозности, оценивая поражения русской армии как наказание за грехи. Архиепископ Николай Японский отмечал, что недалёковидная политика царского правительства на Дальнем Востоке привела Россию к бедствию.

⁸⁷ Воронский А.К. За живой и мертвой водой. Воспоминания. М., 1927.

⁸⁸ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 24.12.2018).

⁸⁹ Владимир (Богоявленский), митр. О труде и собственности. М., 1912; Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Проповеди, слова, поучения. Т. 1. Тверь, 2008.

⁹⁰ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002.

⁹¹ Новые грозные слова о. Иоанна Кронштадтского, произнесенные в 1906 и 1907 годах «О Страшном поистине Суде Божиим, грядущем и приближающемся». СПб., 2000; Моя жизнь во Христе. Дневник отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1905.

⁹² Дневник святого Николая Японского. Т. V. СПб., 2004.

В диссертации использовались письма обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева к императору Николаю II⁹³. Переписка содержит важную информацию о церковной политике самодержавия накануне и во время Первой русской революции 1905–1907 гг. Большое внимание отводится проблеме установления религиозной свободы в Российской империи и подготовке Указа «Об укреплении начал веротерпимости».

В процессе исследования были изучены материалы периодической печати. В первую очередь официальные печатные органы Святейшего Синода – «Церковные ведомости» и «Богословский вестник», периодические церковные издания – губернские «Епархиальные ведомости», официальное издание по ведомству протопресвитера армии и флота «Вестник военного духовенства» (с 1911 г. «Вестник военного и морского духовенства»), а также губернские ведомости и сборник «Воронежская старина». К этой группе источников также относятся агитационные брошюры и листовки.

Общероссийские церковные издания носили официозный характер и включали в себя статьи с религиозно-нравственным уклоном, проповеди и поучения, направленные на поддержание патриотизма, самодержавной власти императора и незыблемости православной веры. С 1905 г. в журналах стали появляться статьи на общественно-политическую тематику, связанные с революционными партиями, деятельностью Государственной думы и предстоящими церковными реформами.

Губернские епархиальные ведомости традиционно представлены двумя частями. В официальной рубрике печатались манифесты и указы императора, постановления Святейшего Синода, всевозможные распоряжения и определения властей. Вторая часть – неофициальная, содержала поучения и проповеди духовенства, статьи по церковной истории и миссионерской деятельности, обзоры духовной литературы. В местной церковной прессе затрагивались вопросы религиозно-общественных отношений, а также внешней и внутренней политики

⁹³ Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1983. М., 1983. С. 163–194.

государства. Однако, выполняя задачу информационной поддержки самодержавия, авторы большинства статей не всегда объективно оценивали происходящее. На страницах печати можно встретить явное искажение некоторых событий как в сторону преувеличения, так и преуменьшения достоверности фактов. Так, в статье, помещенной в Орловских епархиальных ведомостях, события 9 января 1905 г. трактовались автором как попытка нападения на царский дворец, с целью совершения революционного переворота⁹⁴. Однако, в епархиальных ведомостях просматриваются и критические замечания в адрес политического курса власти, главным образом по отношению к церковному реформированию.

Ежемесячный журнал «Вестник военного духовенства», как и другие периодические издания был разделен на две рубрики. В первой публиковались постановления и распоряжения высшей духовной и военной власти, статистические данные, финансовые отчеты. Во второй – проповеди, воспоминания и беседы священнослужителей. Значимость данного источника для настоящего диссертационного исследования заключается в том, что с началом Дальневосточной кампании выходило достаточно много статей, посвященных деятельности военных священников на фронте, в том числе представителей Центрально-Черноземных епархий. В период революционных событий страницы журнала пестрели заметками, содержащими рекомендации духовенству по борьбе с агитационной пропагандой в среде нижних чинов в тылу и на фронте.

В работе использовались официальные периодические издания Российской империи – губернские ведомости. Ежедневная газета, которая на протяжении длительного времени являлась первой и единственной в своем роде во многих городах. В ней печаталась новостная информация о событиях, происходящих в стране и губерниях, сводки о погоде, объявления. Во время войны публиковались списки убитых и без вести пропавших нижних чинов.

⁹⁴ Никон (Рождественский), епископ. Год великих скорбей // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 28–29.

Ценные сведения по церковной истории Воронежской епархии представлены в сборнике «Воронежская старина». В диссертации использовались 4, 5, 6 и 7 выпуски.

Таким образом, комплексный анализ указанных исторических источников позволил эффективно решить задачи, поставленные в диссертационном исследовании.

Научная новизна исследования

Представленная работа является первым в отечественной историографии комплексным исследованием, в котором взаимоотношения церкви и общества Центрального Черноземья рассматриваются в контексте двух важнейших событий начала XX в. – русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг.

Определено, что с принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. в исследуемом регионе имел место переход населения из православия в другие религиозные объединения, особенно в уездах с большим количеством сектантов. Численность вероотступников была сравнительно небольшая, так как вероисповедание поменяли главным образом те, кто считался православными лишь де-юре. Тем не менее сложившаяся конфессиональная ситуация представляла определенную опасность для РПЦ.

Впервые представлена картина разносторонней патриотической деятельности провинциального духовенства, что позволило сделать объективные выводы о религиозно-нравственном воспитании в российской армии в начале прошлого столетия, выявить степень подготовленности священнослужителей Центрально-Черноземного региона к исполнению своих обязанностей как на фронте, в условиях боевых действий, так и в тыловых губерниях.

Выделены особенности проведения мобилизационных мероприятий среди представителей духовного сословия. В научный оборот введены приказы по военному ведомству, рапорты командиров частей и духовенства, на основании которых автором составлены именные списки священников провинциальных епархий, распределенных в войсковые подразделения и госпитали в соответствии с мобилизационным расписанием № 18. Из сохранившихся послужных списков

иеромонахов удалось выяснить, как священнослужители исследуемых губерний проявили себя на фронте и проследить их дальнейшую судьбу в послевоенное время.

Сформировано целостное представление об отношении сельского духовенства к революционным событиям. Так, анализ источников личного происхождения позволил выявить положительное отношение части промонархически настроенного священства к ряду революционных идей. Показано, что малая часть провинциальных клириков приняла непосредственное участие в протестных движениях.

Значительная доля архивных источников была впервые использована для изучения общественного сознания и поведения священнослужителей Центрально-Черноземного региона.

Методология диссертационного исследования

Диссертационное исследование опирается на традиционные методы историзма, научной объективности и системности. Принцип историзма позволил рассмотреть церковно-общественные отношения в российской провинции в контексте исторических перемен, происходивших во внутренней и внешней политике империи в начале XX в.

Метод научной объективности потребовал использования всего корпуса доступных источников и научных исследований. Системный подход обусловил рассмотрение деятельности РПЦ как подсистемы в системе государственных и общественных структур в конкретном регионе в определенный исторический период. Одновременно РПЦ выступила как система внутрицерковных отношений, обладавшая комплексом отличительных черт.

При написании работы были также использованы общенаучные (анализ и синтез) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-хронологический, историко-статистический) методы.

С помощью взаимосвязанных методов анализа и синтеза удалось раскрыть как положительные, так и отрицательные стороны церковной общественно-

политической деятельности и представить целостную картину социального служения православного духовенства в условиях войны и революции.

Историко-хронологический метод позволил показать, как изменялись церковно-общественные отношения с течением времени, в соответствии с особенностями изучаемого периода. Использование историко-сравнительного метода дало возможность рассмотреть губернии Центрально-Черноземного региона в сравнении с центральными и западными территориями. Статистический подход применялся для анализа цифровых данных и количественных показателей.

Применение метода диахронического анализа позволило на основании ряда признаков выделить основные моменты качественных изменений во взаимоотношениях церкви, общества и государства в исследуемый период.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Русская Православная Церковь в начале XX в. переживала внутренний кризис и нуждалась в реформировании существующей синодальной системы управления. Кризисные явления затронули и провинциальные епархии, это выражалось в нарастании противоречий между духовенством и прихожанами, падении авторитета священнослужителей среди крестьянского населения, распространении антиклерикальных идей.

2. С принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. часть населения Центрального Черноземья, большинство из которого составляли крестьяне, перешла в другие религиозные конфессии. Однако в исследуемом регионе это явление не носило массового характера. Вероисповедание поменяли преимущественно лица, лишь формально числившиеся православными.

3. РПЦ поддержала внешнюю политику царского правительства на Дальнем Востоке, организовала и возглавила патриотическое движение. Однако существенно повлиять на отношение провинциального населения к «непопулярной» войне духовенству не удалось. Недовольство в обществе продолжало нарастать, к тому же отдельные представители духовного сословия сами критически оценивали внешнеполитический курс власти.

4. С началом боевых действий священнослужители тыловых губерний были успешно мобилизованы и в указанные сроки зачислены в соответствующие воинские части. Деятельность военных священников на фронте включала в себя богослужebные, воспитательные и просветительские мероприятия. При этом духовенству приходилось выполнять много внештатной работы: уход за больными и ранеными, переписка с родственниками погибших и пропавших без вести. Особо мотивированные представители духовного сословия оказывали поддержку командирам на передовой. Большинство священнослужители исследуемых епархий проявили себя с положительной стороны, добросовестно выполнив, возложенные на них обязанности.

5. Кризис в православной церкви, революция 1905–1907 гг. и агитационно-пропагандистская работа социал-демократической партии способствовали росту среди провинциального населения числа лиц, проявляющих индифферентность к вере, однако общий уровень религиозности в Центральном Черноземье в начале XX в. оставался по-прежнему высоким.

6. Духовенство исследуемого региона в целом не поддержало «революцию снизу» и выступило с призывом к населению встать на сторону правительства. Имели место лишь единичные случаи, когда священнослужители проявляли сочувствие к революционным идеям и даже принимали участие в антиправительственных акциях.

Апробация результатов исследования

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры истории России исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» и рекомендована к защите. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации изложены в докладах на шести научных конференциях. По теме исследования было издано семь статей, пять из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Материалы диссертации использовались в научно-исследовательской работе «Роль Русской Православной Церкви в патриотическом воспитании военнослужащих»⁹⁵.

Практическая значимость исследования заключается в том, что фактический материал и сформулированные выводы могут быть применены при написании обобщающих работ, учебных пособий и лекционных курсов по отечественной истории и истории Русской Православной Церкви синодального периода, а также в дальнейшем изучении истории Центрально-Черноземного региона.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования состоит из введения, трех глав, разбитых на семь параграфов, заключения, списка источников и литературы.

⁹⁵ Роль Русской Православной Церкви в патриотическом воспитании военнослужащих [Текст]: отчет о НИР (заключ.) / ВУНЦ ВВС ВВА (г. Воронеж); рук. И.Ю. Сидоров; исполн.: Е.А. Ледовских [и др.]. – Воронеж, 2015. – 144 с. – Инв. № 2650.

Глава 1. Социально-правовой статус православной церкви накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг.

1.1. Особенности взаимоотношений Русской Православной Церкви, власти и общества

В начале XX столетия православная церковь являлась главной конфессией Российской империи, важнейшим государственным институтом и олицетворением образа самодержавия. В ее структуре насчитывалось свыше 50 тыс. приходских храмов и 1000 монастырей. Численность духовенства составляла более 100 епископов, около 100 тыс. белого духовенства, включая священников и диаконов и 50 тыс. монашествующих лиц⁹⁶.

Государство оказывало церкви значительную финансовую поддержку. Приходы, монастыри, церковно-приходские школы регулярно получали денежные средства. Из сметы доходов и расходов Святейшего Синода известно, что в церковную казну до 1917 г. ежегодно поступали ассигнования в размере двадцати миллионов рублей⁹⁷. По сведениям духовного ведомства за 1910 г. о состоянии церковных и монастырских земельных владениях, монастыри имели 802437 десятин, церкви – 2271086 десятин, а всего церковной и монастырской земли насчитывалось 3073523 десятины⁹⁸.

В исследуемый период наблюдался значительный прирост православного населения. Согласно статистическим данным, оно ежегодно возрастало в среднем на один миллион пятьсот двадцать восемь тысяч человек⁹⁹. В Таблице 1 показана динамика роста числа лиц православного вероисповедания в Российской империи в 1901–1907 гг. Исключение составляет 1905 г. в связи с начавшейся в 1904 г. русско-японской войной и мобилизацией основной части мужского населения, а

⁹⁶ Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. СПб., 2002. С. 8.

⁹⁷ Краткий Статистический Обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Богословский сборник. 1997. № 1. С. 205.

⁹⁸ Там же. С. 218.

⁹⁹ Там же. С. 203.

также революцией, усилившей рост социального напряжения, что в совокупности привело к резкому снижению рождаемости.

Таблица 1 – Прирост православного населения в Российской империи в 1901–1907 гг.¹⁰⁰

Год	Мужского пола	Женского пола	Итого	Прирост
1901	42410850	42257895	84668745	3664237
1902	43231614	43025118	86259732	1590987
1903	43238140	43069997	86308137	48405
1904	44085663	43937143	88022806	1714669
1905	44069066	43824809	87893875	-128931
1906	45558120	45247497	90835617	2941742
1907	46051060	45653520	91704580	868963

Однако, несмотря на свою внешнюю мощь и статусное положение, по сравнению с другими религиозными организациями, православная церковь пребывала в состоянии серьезного внутреннего кризиса. Как отмечал специалист в области истории русского православия М.В Шкаровский, «в церкви созревала своеобразная «революционная ситуация»¹⁰¹. По мнению видного исследователя С.Л. Фирсова, «причина существовавших «нестроений» заключалась в отсутствии нормального соборного строя, который бы позволял ей (церкви. – Е.Л.) самостоятельно, без оглядки на государство, эти нестроения преодолеть»¹⁰².

Данное положение обусловлено наличием в России в начале прошлого столетия неканонической церковной структуры, так называемой синодальной системы, когда во главе православной церкви стоял император, который управлял ею с помощью высшего государственного органа Святейшего Синода. В результате церковь не являлась самостоятельным институтом, а находилась в тесном взаимодействии с властью и в прямой зависимости от нее, а духовенство в епархиях

¹⁰⁰ Составлено по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 14–15; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 14–15; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 35–37; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 30–33.

¹⁰¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 47.

¹⁰² Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 47–48.

осуществляло свою деятельность под строгим синодальным контролем. На местах наряду с властью правящего архиерея существовала духовная консистория, которая, хотя и состояла в ведении архиерея, подчинялась Святейшему Синоду как высшему органу. «Примат светской власти подавлял свободу Церкви сверху донизу, – писал современник событий митрополит Евлогий (Георгиевский), – архиереи зависели от губернаторов и должны были через священников проводить их политику»¹⁰³.

Большинство исследователей синодального периода главным недостатком церковного строения называют излишний формализм, преобладание бюрократических форм служения и контроля за деятельностью населения, корпоративность структуры и разросшийся аппарат управления. Приходской священник на деле становился полицейским чиновником, присягнувшим на верность властям, чтобы своевременно оповещать соответствующие органы о политических устремлениях своей паствы¹⁰⁴.

Таким образом, главная конфессия империи была вынуждена осуществлять религиозную деятельность в контексте государственной политики, что зачастую не являлось целесообразным и полезным для нее самой. Церковь тяготилась сложившимся положением, так как не могла самостоятельно принимать решения и воспринималась обществом, прежде всего, как главная опора правящего режима. Это, в свою очередь, способствовало росту критических оценок деятельности духовенства со стороны общественности. Как справедливо отмечал профессор М.В. Шкаровский, «ложность положения Церкви была в том, что формально она являлась государственной, а потому противники легко могли возлагать на нее долю ответственности за репрессивную политику самодержавия и все социальные несправедливости, творимые государственным аппаратом»¹⁰⁵.

Однако решение проблемы независимости церкви от государственного аппарата требовало серьезного пересмотра и реформирования существующей

¹⁰³ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 181.

¹⁰⁴ См.: Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно–политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ...к. ист. н. Тамбов, 2006. С. 190–191; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁰⁵ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 45.

системы. «Понятый в теории вопрос непросто было перевести в практическую плоскость, – писал С.Л. Фирсов, – ведь на протяжении почти двух веков Православная Церковь существовала в теснейшей взаимосвязи с государством и представить последствия даже частичного пересмотра синодальной системы при всем ее несовершенстве было непросто»¹⁰⁶.

Тем не менее представители высшей церковной иерархии во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) и образованной, сочувствующей интеллигенцией не оставляли надежды восстановления соборности и патриаршества. А в период внутренних потрясений, которые переживала Российская империя в 1905–1907 гг., этот вопрос приобрел особую актуальность. Так, один из постоянных авторов церковной периодической печати констатировал: «События сменяются с головокружительной быстротой... Мы уже не накануне крупных реформ, как говорилось прежде, а в самом их разгаре, и только понимание происходящего кругом может сообщить трезвое отношение к тому, что на первый взгляд кажется только смутой»¹⁰⁷.

По мнению исследователя синодального периода И.К. Смолича, «церковная политика, ориентированная на государство, по сути дела, не имела сторонников ни в иерархии, ни среди приходского духовенства, ни среди мирян»¹⁰⁸. Однако, главным поборником существующей системы был обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, сыгравший ключевую роль в жизни церкви исследуемого периода. Будучи, сторонником консервативно-охранительного направления, он считал православие – основанием государства и видел будущее страны в сохранении традиционных христианских ценностей. «Религия, и именно христианство, – по словам обер-прокурора, – есть духовная основа всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры»¹⁰⁹.

Историки по-разному характеризуют личность К.П. Победоносцева и его политику. И.К. Смолич писал, что он управлял Русской Церковью, но не сделал

¹⁰⁶ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 16.

¹⁰⁷ Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь // Воронежские Епархиальные Ведомости. 1905. № 14. С. 575.

¹⁰⁸ Смолич И.К. Указ. соч. С. 230.

¹⁰⁹ Московский сборник. М., 1901. С. 12–13.

ничего, чтобы исправить ее недостатки¹¹⁰. Канадский историк русского происхождения Д.В. Поспеловский называл консервативную политику обер-прокурора «деспотической диктатурой над Синодом и духовенством вообще»¹¹¹. С.Л. Фирсов в своих работах положительно оценивал фигуру К.П. Победоносцева, «как хорошего государствоведа, учитывающего в своей политической деятельности, в первую очередь, возможные внутригосударственные перспективы – «потрясение умов», «смуту»¹¹².

Обобщая сказанное, отметим, что обер-прокурор К.П. Победоносцев, безусловно, был талантливым и высокоинтеллектуальным государственным деятелем. Как убежденный монархист и глубоко верующий человек, он проводил политику, направленную на укрепление государственной власти, православной веры и «русской народности». В этом он видел силу и мощь Российской империи, и до самого конца оставался верен своим идеалам. Однако с учетом происходивших во внешней и внутренней политике государства, необратимых процессов его деятельность на посту главы Святейшего Синода отличалась излишней архаичностью и консерватизмом.

Обер-прокурор пользовался большим доверием императора и нередко оказывал существенное влияние на его решения. Будучи противником всех нововведений как в церковной, так и в общественной жизни, К.П. Победоносцев недолюбливал либерально мыслящее духовенство. «Все поповство обезумело от пущенной в него свободы» – писал он с явным негодованием члену Государственного совета графу С.Д. Шереметеву¹¹³. По словам И.К. Смолича, «епископы старались избежать любого конфликта со всемогущим обер-прокурором и потому никогда не высказывали открыто своего собственного мнения. Да и трудно предположить, что К.П. Победоносцев хоть в чем-то мог бы считаться со взглядами иерархов»¹¹⁴.

¹¹⁰ Смолич И.К. Указ. соч. С. 167.

¹¹¹ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 22.

¹¹² Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 269.

¹¹³ Цит. по: Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. 1900–1917. Конец Синодального периода. Т. 1. Кн. 1. М. 2014. С. 79.

¹¹⁴ Смолич И.К. Указ. соч. С. 167.

При этом, занимая высокий государственный пост, он достаточно много сделал для приходских священнослужителей: увеличил жалование, поставил под их контроль церковноприходские школы, вернул упраздненные обер-прокурором А.П. Толстым так называемые «малоприходные церкви».

К.П. Победоносцев, пытался отгородить духовенство от общественно-политической деятельности, но православный священник, выступая в качестве связующего звена между народом и властью, а priori становился общественным деятелем. В соответствии с Земским положением от 1890 г. и Городским положением 1892 г. православному духовенству запрещалось принимать участие в выборах и быть избранными в распорядительные органы земских учреждений и иные органы местного самоуправления¹¹⁵.

В академических печатных органах – «Церковном вестнике» и «Богословском вестнике» представители либерального течения в РПЦ резко критиковали зависимое положение священства от официальных представителей власти. Они ратовали за свободу церкви и за ее широкое участие в политической жизни. Духовенство, по их мнению, в силу своего общественного статуса выступало в роли политической силы, поэтому противники данной прогрессивной деятельности священства автоматически становились сторонниками и защитниками политической реакции¹¹⁶.

В провинциальной публицистике также встречались критические замечания в адрес социально-политического курса обер-прокурора. «Как нельзя порвать связи между духовной жизнью и жизнью общественной, – писал в 1905 г. один из авторов Воронежских епархиальных ведомостей, – так нельзя поставить и учительство пастырей вне вопроса общественной жизни, уголок которой и составляет политика»¹¹⁷.

Общественно-политическая деятельность священнослужителей приобретает актуальное значение после получения права на участие в работе Государственной

¹¹⁵ Поспеловский Д.В. Указ соч. С. 22.

¹¹⁶ См.: Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 576.

¹¹⁷ Там же.

Думы. По мнению исследователя данной проблемы Б.А. Ершова, представители духовного сословия независимо от своего положения в церковной иерархии, благодаря статусу РПЦ, пользовались большим влиянием в среде религиозного провинциального населения. В связи с чем духовная жизнь приходов была излишне политизирована, что не могло не отразиться на общественно-политической ситуации в исследуемом регионе¹¹⁸.

Однако, несмотря на высокую степень интеграции церкви в общественно-политические процессы, провинциальное духовенство было крайне аполитично, даже после получения избирательного права представители духовного сословия дистанцировались от подобного рода деятельности. Как справедливо отмечает в своем диссертационном исследовании В.Ф. Лисюнин, «духовенство не было готово к участию в парламентском процессе – подготовке и осмыслению законопроектной деятельности Государственной Думы, инстинктивно боясь политики, как недостойного для священника дела»¹¹⁹. Правящий архиерей Тамбовской епархии Иннокентий (Беляев) обращаясь к духовной консистории писал: «Многие послужившие, опытные и практичные иереи сельских и городских церквей, в большинстве случаев стараются уклониться под разными предлогами от звания депутата»¹²⁰.

Вместе с тем потребность в просвещенных, политически грамотных, рассуждающих о вере священнослужителях в провинции была очевидной. Об этом свидетельствует и местная церковная печать. Так, корреспондент Орловских епархиальных ведомостей писал: «Кругом тьма, невежество народное. Пастырю открывается обширное поле деятельности для его созидательной работы. Просветительно-культурная миссия среди народа прямо-таки необходима»¹²¹. «С каждым годом все настойчивее раздаются голоса, требующие, чтобы священники

¹¹⁸ Ершов Б.А. Русская Православная Церковь в структуре государственного управления в XIX – начале XX вв. Воронеж, 2013. С. 218.

¹¹⁹ Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ...к. ист. н. Тамбов, 2006. С. 190.

¹²⁰ Летопись церковной и общественной жизни в Европейской России и Сибири // Енисейский церковный вестник. 1907. № 6. С. 4.

¹²¹ Священник-гражданин // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 114.

были с высшим образованием», – говорилось в Воронежских епархиальных ведомостях¹²².

Однако власть, в лице обер-прокурора, была заинтересована в традиционном сельском «батюшке», «усердном исполнителе треб». К.П. Победоносцев по-своему был прав, так как исторически в обязанности клириков входила, в первую очередь, забота о духовном состоянии своей паствы. Следовательно, церковное общество, прежде всего, нуждалось в глубоко верующих, духовных «пастырях». А излишняя политизированность шла вразрез с главным призванием священника – служить Богу и людям.

Говоря о просвещении духовенства, необходимо отметить, что многие священно-церковно-служители старались восполнить недостаток своего образования. В отчетах преосвященных за 1903–1904 гг. говорилось об усилившемся стремлении представителей духовного сословия к самообразованию, вызванном не просто любознательностью, а насущными запросами жизни. Помощником для них в этом отношении служили церковные библиотеки¹²³.

В начале XX в. участие провинциального духовенства в общественной и культурной жизни проявлялось, главным образом в образовательной сфере, благотворительности и миссионерской работе. На плечи сельских священнослужителей была возложена государственная задача – введение всеобщей грамотности. Приходы заботились об устройении церковно-приходских школ и школ грамотности. При К.П. Победоносцеве значительно возросло число подобного рода учебных заведений и стали выделяться средства на их содержание. Так, в Воронежской губернии на заседании Общеeparхиального Съезда депутатов в июне 1905 г. было принято решение «об изыскании местных средств на увеличение содержания церковных школ епархии»¹²⁴. Согласно

¹²² Аполлосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 21.

¹²³ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 115.

¹²⁴ Журнал заседаний Общеeparхиального съезда депутатов от духовенства Воронежской Епархии, состоявшегося 8–14 июня 1905 года в г. Воронеже // Воронежские Епархиальные Ведомости. 1905. № 15. С. 308.

всеподданнейшему отчету, в 1904 г. на народное образование в государстве было израсходовано 941.256 р¹²⁵.

В 1880 г. в Российской империи насчитывалось 273 церковно-приходских школы, а к концу 1905 г. их количество возросло до 43696 с 1782883 учащимися¹²⁶. В провинции, в Тамбовской губернии, в 1898 г. было 597 церковно-приходских школ¹²⁷. Для сравнения, в селе Вирятино указанной выше губернии в 1896 г. училось 70 детей, а к 1906 г. количество учащихся увеличилось до 120¹²⁸. Тем не менее церкви не хватало средств для финансирования этих школ, и уровень подготовки учеников был достаточно низок.

В целом процент неграмотного населения в империи и Центрально-Черноземном регионе в начале прошлого столетия оставался высоким. При этом не имели доступа в учебные заведения дети школьного возраста от 8 до 11 лет городских жителей в количестве 5416 чел. обоего пола и сельских жителей 156075 чел.¹²⁹. По сведениям школьной переписи 1911 г., в четырех исследуемых епархиях процент грамотности среди мальчиков и девочек был неодинаковым. Из представленной Таблицы 2 видно, что процентное соотношение грамотных мальчиков по отношению к девочкам составляло приблизительно 2:1. При этом наибольший процент грамотных детей приходился на Курскую епархию.

Вплоть до 1917 г. церковно-приходские школы считались главными распространителями грамотности в сельской местности. Для обер-прокурора они являлись воплощением идеи «об общности цели образования и цели жизни в вере»¹³⁰. Подобно классическим гимназиям, только на ином уровне, церковно-приходские школы должны были в первую очередь иметь воспитательную, а уже затем – образовательную функцию¹³¹.

¹²⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 122–123.

¹²⁶ Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах. М., 2016. С. 13.

¹²⁷ Отчет Тамбовского Епархиального наблюдателя за 1897–98 учебн. год // Тамбовские Епархиальные Ведомости. 1900. № 30. С. 89.

¹²⁸ Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С. 111.

¹²⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 122–123.

¹³⁰ Победоносцев К.П. Государство и церковь. Т.1. М., 2011. С. 11.

¹³¹ Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах. М., 2016. С. 13.

Таблица 2 – Процентное соотношение числа учащихся мужского и женского населения к числу жителей Центрально-Черноземных губерний¹³²

Наименование епархии	Процент учащихся		
	мальчики	девочки	всего
Воронежская	6,71	2,41	9,12
Курская	6,85	2,92	9,77
Орловская	6,91	2,48	9,39
Тамбовская	6,74	2,51	9,25

Обер-прокурор стремился не столько к чрезвычайно актуальной ликвидации неграмотности населения, сколько к воспитанию масс в духе православной культуры, сохранению традиций и укреплению самодержавной власти. В условиях распространения антирелигиозных идей власть пыталась сохранить и укрепить существующее церковное гражданское общество, неотъемлемой частью которого являлась школа. К примеру, в отчете о состоянии церковных школ Тамбовской епархии в учебно-воспитательном отношении говорилось: «Учащие школ старались в учащихся детях воспитывать чувство любви и благоговения к Богу, навык к церковно-общественной и домашней молитве, повиновение уставам святой церкви, – вкоренять в сердца детей чувства верноподданнической преданности Государю Императору, любви к отечеству, почитания и послушания начальствующим и старшим, внушать детям любовь друг к другу и братское обращение между собою»¹³³.

Архиепископ Сергей (Петров) в работе «История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х годов» отмечал, что церковная школа, имевшая своей целью распространять в народе образование в духе Православия и Церкви, придавала своим учащимся типичный облик, замеченный народом, метко окрестившим учеников этой школы «церковниками». Характерной чертой учащихся и выпускников была любовь и усердие к храму Божию¹³⁴. По словам самого обер-прокурора, «в течение 25 лет там

¹³² Составлено по: Краткий Статистический Обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Богословский сборник. 1997. № 1. С. 224–226.

¹³³ Отчет Тамбовского Епархиального наблюдателя за 1897–98 учебн. год // Тамбовские епархиальные ведомости. 1900. № 31. С. 97.

¹³⁴ Сергей (Петров), архиеп. Указ. соч. С. 538.

воспиталось на деле людей, дельных, честных, знающих работников. Ими держится управление. Если где можно, то здесь надобно искать зачатков и элементов истинной русской культуры, которая пропадает везде»¹³⁵.

При К.П. Победоносцеве полным ходом шло строительство храмов, повсеместно открывались новые приходы. В 1905 г. было построено 508 храмов, из них 201 – каменных и 307 – деревянных. А также 204 часовни и молитвенных домов, из них 35 – каменных и 169 – деревянных¹³⁶.

В Таблице 3 показано, что в исследуемых губерниях в период с 1901 г. по 1906 г. было построено 173 храма. Лидирующее положение в этом процессе заняли Воронежская и Тамбовская епархии.

Таблица 3 – Количество построенных храмов в Центрально-Черноземных губерниях в 1901– 1906 гг.¹³⁷

Год	Наименование епархии			
	Воронежская	Курская	Орловская	Тамбовская
1901	7	8	2	13
1902	7	8	9	13
1903	13	3	4	4
1904	8	6	3	8
1905	14	6	3	8
1906	7	8	6	5
Итого	56	39	27	51
	173			

Еще в середине XIX в. вышло Положение о церковно-приходских попечительствах. Они представляли собой общества, которые заботились о благосостоянии прихода в хозяйственном отношении, о благоустройстве школ, а также занимались благотворительной деятельностью. По словам обер-прокурора,

¹³⁵ Из писем К.Н. Победоносцева к Николаю II (1898–1905) // Религии мира: История и современность: Ежегодник. М., 1983. С. 187.

¹³⁶ Там же. С. 95–96.

¹³⁷ Составлено по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 36–39; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 36–39; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 16–23; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 14–21.

«с этими учреждениями соединялись наилучшие надежды на тесное сближение прихожан с пастырями, возбуждения в них усердия к храмам, содействие причтам в пастырской деятельности и вообще нравственный подъем и оживление церковно-общественной жизни»¹³⁸.

В начале XX в. количество церковно-приходских попечительств значительно возросло. Согласно статистическим сведениям, общее число данных учреждений в 1903 г. было 19.498, а к концу 1904 г. увеличилось на 487 и достигло 19985¹³⁹. В исследуемом Центрально-Черноземном регионе лидирующее положение занимала Тамбовская епархия, где в 1905 г. их насчитывалось 1010, а в 1907 г. – 1032. Последнее место занимала Курская епархия, в которой в 1906 г. было 97 обществ, а к 1907 г. их численность увеличилась до 113. В то время как в Воронежской губернии к 1907 г. их количество составляло – 271. В Орловской епархии за указанный период ситуация оставалась без изменения, а именно – 111 попечительств¹⁴⁰.

В империи издавалось огромное количество благочестиво-назидательной литературы, религиозной периодики, главным образом для простого народа. С 1903 г. по 1907 г. количество церковных библиотек увеличилось на 2.045¹⁴¹. Культурно-просветительская деятельность духовенства выражалась в форме проповедей и назидательных бесед, организации читален и трезвеннических обществ.

В провинции представителями духовного сословия для населения устраивались чтения на религиозную тематику. Так, в 1904 г. в Воронежском Митрофановом монастыре иеромонахами было проведено 46 чтений. Религиозно-нравственные чтения действовали также при Алексеевском мужском монастыре¹⁴².

¹³⁸ Из писем К.Н. Победоносцева к Николаю II (1898–1905) // Религии мира: История и современность: Ежегодник. М., 1983. С. 107.

¹³⁹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 84.

¹⁴⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 76–87.

¹⁴¹ Там же. С. 99.

¹⁴² Народные религиозно-нравственные чтения с световыми картинками // Воронежские Епархиальные Ведомости. 1905. № 14. С. 24.

В Тамбовской семинарии в 1904 г. по благословению правящего архиерея были открыты еженедельные воскресные чтения, рассчитанные, в первую очередь, на образованную публику и связанные с духовно-нравственными вопросами. Данные мероприятия носили, главным образом просветительский характер и впоследствии заняли прочное положение в церковно-приходской жизни провинциальных губерний.

В Санкт-Петербурге для образованной общественности в 1901 г. организовывались закрытые религиозно-философские чтения, где собирались представители интеллигенции, просвещенные умы, члены духовного сословия и обсуждали животрепещущие вопросы, касающиеся нового «церковного устройства». Подобное мероприятие задумывалось с целью поиска новых точек соприкосновения просвещенной части общества и образованного духовенства. По мнению В.Д. Поспеловского, «именно на этих собраниях лучшие представители светского общества начали понимать разницу между церковью, с одной стороны, и государственным аппаратом, пленившим ее – с другой»¹⁴³. Исследователь С.Л. Фирсов назвал эти собрания «вехой в истории Православной Российской Церкви Синодального периода, так как они доказали, что богословски просвещенные православные клирики и миряне глубоко заинтересованы в решении церковно-общественных вопросов и не менее, чем «богоискательски» настроенная интеллигенция, желают религиозного возрождения на основе соборности»¹⁴⁴. Но по инициативе обер-прокурора чтения прекратили свою работу, так как он счел их нецелесообразными.

Одной из форм взаимоотношения духовенства с обществом являлась деятельность в области социального призрения. Анализ архивных документов показал, что уровень благотворительности и оказания материальной помощи населению со стороны представителей духовного сословия был достаточно высоким, несмотря на то что данный вид деятельности не являлся для них основным. Священнослужители и приходы стремились оказывать посильную

¹⁴³ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 25.

¹⁴⁴ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 12.

помощь нуждающимся: больным, сиротам, пострадавшим от неурожая и войн. Отметим, что они занимались частной благотворительностью, несмотря на скромные доходы¹⁴⁵.

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев пытался повысить благосостояние духовенства, что выражалось в увеличении денежных затрат на церковь непосредственно из государственного бюджета. Священнослужители особо бедных приходов получали дополнительные материальные средства¹⁴⁶. Тем не менее принятые меры не улучшили в значительной степени материального положения священнослужителей. Уровень жизни клириков, особенно в сельской местности, в начале прошлого столетия оставался весьма низким.

Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. духовенство Центрально-Черноземных губерний оказывало содействие армии и флоту, принимало деятельное участие в организации госпиталей, осуществляло социальную поддержку семьям призванных на фронт воинов. Больницы при церквях и монастырях, в начале XX в. не получили широкого распространения. По статистическим данным, к 1915 г. в Воронежской епархии их насчитывалось 10, а в Курской епархии – 9, притом, что в 20 губерниях Российской империи подобные заведения отсутствовали вообще¹⁴⁷.

Духовенство исследуемых губерний занимало активную позицию в отношении миссионерской деятельности. К началу XX в. проповедническая работа в епархиях приобрела более организованную форму, а именно – оформилась кадровая система, целенаправленно создавались специализированные учреждения, общества, проводились съезды.

Однако, проводимые К.П. Победоносцевым, мероприятия по укреплению социальных позиций главной конфессии империи, оказались малоэффективными. Как справедливо заметил исследователь Б.А. Ершов, «с одной стороны, ведомство обер-прокурора пыталось оживить деятельность православной церкви, с другой

¹⁴⁵ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2523. Л. 4-об.; ГАКО. Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 314. Л. 8.

¹⁴⁶ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 22.

¹⁴⁷ Краткий Статистический Обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Богословский сборник. 1997. № 1. С. 222.

стороны, усилить контроль правительства за этой деятельностью, что ограничивало самостоятельность церкви и привело к кризису»¹⁴⁸.

К тому же политические события, разворачивавшиеся в стране, не могли не затронуть институт церкви. Ситуация серьезно осложнилась накануне и в особенности после принятия царского манифеста «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому все религиозные деноминации империи получали свободу и впредь могли безнаказанно устраивать собрания и заниматься просветительской деятельностью.

Таким образом, проблема излишнего контроля светской власти над духовной и явная потребность в изменении религиозно-общественной жизни приобретала все большую актуальность, в результате чего остро встал вопрос о созыве Поместного Собора. Однако император Николай II по совету обер-прокурора отложил данное мероприятие, объясняя это следующим: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия, и обдуманности каково созвание поместного собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам православных императоров, дать сему делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»¹⁴⁹.

Исследователь Д.В. Пospelовский назвал поступок государя «характерно половинчатым», упрекая его в нерешительности и уклончивости¹⁵⁰. По мнению протоиерея Георгия Митрофанова, «данное решение не являлось отговоркой, так как император действительно поддерживал идею созыва Собора, но ситуация в стране была очень сложной»¹⁵¹. И.К. Смолич отмечал, что «сыграли свою роль политические опасения в придворных кругах и в Министерстве внутренних дел, испугать мог и конфронтационный состав I Государственной думы, что заставляло

¹⁴⁸ Ершов Б.А. Указ соч. С. 111.

¹⁴⁹ Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 582.

¹⁵⁰ Пospelовский Д.В. Указ. соч. С. 25.

¹⁵¹ Митрофанов Г., протоиерей. Указ.соч. С. 37.

ожидать сильную оппозицию и на Поместном Соборе, в котором должны были принять участие и миряне»¹⁵².

В соответствии с указом Святейшего Синода за № 3542 от 27 июля 1905 г. епархиальным архиереям было поручено представить к определенному сроку свои предложения в отношении церковного реформирования и положения главной конфессии в системе общественно-государственных отношений. Обер-прокурор надеялся, что консервативно настроенный епископат поможет спасти синодальную систему от намеченных преобразований. Тем не менее большая часть духовенства выступила в защиту созыва Поместного Собора и реформ. «Восстановление патриаршества будет знаменем освобождения православной русской Церкви от опеки государства, – отмечал епископ Псковский Арсений (Стадницкий)»¹⁵³. «За собор поскорее «ввиду смутного времени», – писал епископ Смоленский Петр (Другов)¹⁵⁴.

Архиереи исследуемых губерний единогласно высказались за изменение существующего порядка, важно, что они выражали не только свое мнение, но и мнения представителей духовного сословия подведомственных им епархий. Так, епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев) выступал за отделение церкви от государства и участие духовенства в политической жизни страны: «Быть гражданином земли Русской и не участвовать в ее строении – положение несправедливое и обидное»¹⁵⁵. Глава Воронежской епархии Анастасий (Добрадин) считал желательным восстановление канонической системы высшего церковного управления, и обязательным созыв Поместного Собора, при этом участие в нем не только членов высшей церковной иерархии, но рядовых клириков и мирян¹⁵⁶. Епископ Курский Питирим (Окнов) стоял на консервативных позициях, и видел решение проблемы только в союзе и взаимодействии государства и церкви, однако

¹⁵² Смолич И.К. Указ. соч. С. 239–240.

¹⁵³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе. Ч. 1. М., 2004. С. 825.

¹⁵⁴ Там же. Ч.2. М., 2004. С. 182.

¹⁵⁵ Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе. Ч. 2. М., 2004. С. 465.

¹⁵⁶ Там же. Ч. 1. С. 191–194.

и он был сторонником Поместного Собора и учреждения института патриаршества¹⁵⁷.

Власть в лице обер-прокурор, естественно, не была готова к такому повороту событий и восприняла происходящее как измену со стороны духовенства. Спустя время К.П. Победоносцев писал в письме своему единомышленнику графу С.Д. Шереметеву: «Что за безумие. Похоть отделения церкви от Государства, от Государя. Это была фантазия мечтателей, и вот теперь ухватились за нее развращенные попы и архиереи. Церковь погибнет у нас без Государства»¹⁵⁸.

Сложившаяся ситуация свидетельствовала прежде всего о том, что главная конфессия империи не только тяготилась своим зависимым положением, но и была готова к переменам, и это понималось не только в столице, но и на периферии, несмотря на острое нежелание консервативно настроенного политика.

Прогрессивные идеи нашли отражение и в провинциальной периодической печати. Так, в Воронежских епархиальных ведомостях, говорилось: «Церкви самой надлежит взяться за проведение реформ церковной жизни на основании заветов Божественного Учителя правил апостольских и канонов соборных. Реформы должны быть проведены при посредстве Всероссийского Поместного Собора, ибо только таким путем можно произвести законные реформы. Необходима реформа всего строя церковной жизни: прихода, духовно-учебных заведений, церковного управления и т.д.»¹⁵⁹.

В провинциальных епархиях, происходящие в высших церковных кругах события, могли адекватно оценить, главным образом более образованные городские священнослужители, приближенные к светской и церковной власти, а также преподаватели духовных учебных заведений как священнослужители, так и миряне. Ректор Тамбовской духовной семинарии Феодор (Поздеевский)

¹⁵⁷ Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе. Ч. 1. С. 253; Там же. Ч. 2. С. 888.

¹⁵⁸ Цит. по: Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. 1900–1917. Конец Синодального периода. Т. 1. Кн. 1. М. 2014. С. 80.

¹⁵⁹ Аполосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 10–11.

констатировал: «И нам думается, что раньше даже и скорее Государственной Думы нужно желать собрания церковного Собора»¹⁶⁰.

После принятия октябрьского манифеста о созыве Государственной Думы обер-прокурор, будучи ярким противником всех нововведений, которые так и не смог принять, ушел со своего поста. Председатель Комитета министров, сторонник церковного реформирования, граф С.Ю. Витте назвал обер-прокурора «врагом созидательного полета», а его политику «кульминацией полицейского режим в православной церкви»¹⁶¹.

По мнению исследователя С.Л. Фирсов, относящегося с некоторой симпатией к личности К.П. Победоносцева, «консерватор во многом был прав, так как практически отделить Церковь от государства значило подорвать империю изнутри, реальная же «свобода» Церкви была возможна только в светском государстве. В отличие от большинства своих современников К.П. Победоносцев смотрел на будущее православной церкви в России, исходя из стратегических задач империи, понимая, что в существовавших условиях обретение Церковью независимости от «симфонического» с ней государства – алогично»¹⁶². В письмах к императору Николаю II обер-прокурор указывал на необратимые последствия, к которым может привести «изобретенная митрополитом» реформа: «Церкви и соединенным с ней учреждениям грозит разрушение, с ним поколеблется и вера»¹⁶³.

В марте 1906 г. состоялось открытие Предсоборного присутствия, которое возглавил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), уроженец Тамбовской губернии. Главной темой, вынесенной на обсуждение членов заседания, являлась подготовка Поместного Собора и восстановление патриаршества. Это был первый в истории синодального периода опыт официального обсуждения представителями духовного сословия и образованными

¹⁶⁰ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002. С. 139.

¹⁶¹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 1. Л., 1924. С. 212–213.

¹⁶² Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 269.

¹⁶³ Цит. по.: Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. 1900–1917. Конец Синодального периода. Т. 1. Кн. 1. М. 2014. С. 187.

мирянами церковных реформ. Материалы Предсоборного Присутствия изначально публиковались в прессе, а затем были изданы в четырех томах. Однако Николай II счел данное мероприятие несвоевременным. По мнению протоиерея Георгия Митрофанова: «Это факт является, безусловно, виной последнего Императора по отношению к Церкви. Он не делал того, что нужно ему было бы делать, как православному христианину: он не восстанавливал каноническое устройство в Церкви, а жизнь вопреки канонам не проходит бесследно ни для Церкви, ни для государства»¹⁶⁴. С.Л. Фирсов назвал произошедшее «трагедией Русской Православной Церкви, которой оказалось не под силу преодолеть «синодальные путы»¹⁶⁵.

Положение осложнялось еще и тем, что необходимость реформирования существовавшего синодального строя понимали многие, но за обсуждение этих вопросов зачастую принимались люди, незнакомые с церковными канонами, нередко стремящиеся к секуляризации и политизации церкви, низведению ее в разряд рядовых общественных институтов. Вместе с тем, реформа церковного управления, поддерживаемая представителями самых разнообразных общественных течений, оказалась яблоком раздора и предметом борьбы лиц и партий. «Церковных людей вопрос о реформе разделил на три партии, – писал корреспондент Воронежских епархиальных ведомостей, – партию монашества, белого духовенства и мирян, причем вторая и третья партии сетовали на первую, будто она реформой хотела усилить свои права в ущерб белому духовенству и мирянам. Как бы мы ни относились к этому разделению, ясно одно: вопрос сдвинулся, так сказать, со своего корня: вместо согласной работы над подготовкой к реформе явилась партийная борьба, унизившая святое дело и, быть может, бывшая одной из причин его приостановки»¹⁶⁶.

Параллельно с этим разгорелась борьба иного содержания. Так, для лиц нецерковных намеченная реформа стала удобным поводом к политическим манифестациям. «Им нет дела до канонического и автономного устройства

¹⁶⁴ Митрофанов Г., протоиерей. Указ. соч. С. 42.

¹⁶⁵ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 10.

¹⁶⁶ Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 582.

Церкви, – говорилось в церковной печати, – им важно, что духовенство пожелало реформ. Это желание в основе своей не имело никакого отношения к антиправительственной агитации; но о нем так удобно и «своевременно» говорить, как о походе против «бюрократии»¹⁶⁷.

Выражая опасение по этому поводу, К.П. Победоносцев писал императору: «Все газеты революционного направления ухватились за эту мысль о Соборе, почуяв в ней новый источник смуты, и раздувают со всех сторон»¹⁶⁸. Возможно, данное обстоятельство заставило представителей консервативных течений с излишней подозрительностью отнестись к вопросу о церковной реформе.

Таким образом, события, происходившие в Российском государстве в начале XX в., оказали значительное влияние на главную конфессию империи, внутри которой, по мере нарастания кризиса, также назревал своеобразный бунт. Впервые за синодальную историю остро встали вопросы о взаимоотношениях православной церкви, власти и общества и нарушении канонического порядка церковного управления. Видными представителями духовного сословия и государственными деятелями была проделана значительная работа по восстановлению соборности церковного управления. И несмотря на нежелание власти продолжать намеченные реформы, были заложены основы и определены тенденции дальнейших преобразований, направленных на обретение церковью самостоятельности.

Провинциальное общество, будучи малограмотным и традиционно религиозным, индифферентно отреагировало на процессы, происходившие внутри церкви. Лишь незначительная часть образованного, преимущественно городского населения, представители власти и сельской интеллигенции могли объективно оценить всю важность и своевременность предстоящих церковных преобразований. Провинциальные священнослужители – приходские сельские «батюшки», по большому счету, также оставались в стороне от политики и готовящихся в высших церковных кругах реформ.

¹⁶⁷ Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 583.

¹⁶⁸ Из писем К.Н. Победоносцева к Николаю II (1898–1905) // Религии мира: История и современность: Ежегодник. М., 1983. С. 186.

1.2. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., и его влияние на положение религиозных конфессий Центрально-Черноземного региона

Российская империя к началу XX столетия являлась многонациональным и многоконфессиональным государством, при этом главенствующее положение было признано за православной церковью. Религиозная политика страны в отношении других вероисповеданий заключалась в стремлении ограничить их сферу влияния. Свободой могли пользоваться только традиционные национальные религиозные общины, рассматриваемые государством как законные. Как отмечают исследователи, наиболее значимым показателем главенства РПЦ являлась ее монополия на миссионерскую деятельность среди населения империи¹⁶⁹.

Границы религиозной свободы были различны в зависимости от меры расхождения того или иного вероучения с догматами и канонами православной церкви. Первыми в иерархическом ряду стояли: лютеранская, армяно-григорианская и римско-католическая церкви, далее шли общины мусульман, евреев и буддистов ламаистского толка¹⁷⁰. Весьма непростым было положение старообрядцев в сравнении с другими религиозными деноминациями, так как они представляли собой раскол, подорвавший духовное единство русского народа. Общины молокан, духоборов, скопцов, субботников, хлыстов и других крайних сектантов являлись незаконными.

Переход из традиционной ортодоксальной церкви в другое вероисповедание законом запрещался, а присоединение к православию, напротив, всячески поощрялось, приветствовалось, совершалось открыто и беспрепятственно.

Однако в начале XX в., положение дел начинает меняться в лучшую для иноверцев сторону. Правительство приходит к мнению, что гонения на

¹⁶⁹ Бендин А.Ю. Испытание свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. XII. С. 189; Сафонов А.А. Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. Тамбов, 2006. С. 39.

¹⁷⁰ Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 12.03.2017).

альтернативные вероисповедания не только противоречат духу православной церкви, но и не приносят желаемых результатов. В официальных миссионерских отчетах отмечалось, что притеснения, напротив, содействуют усилению деятельности раскольников и сектантов¹⁷¹.

Вместе с тем прогрессивно мыслящие представители духовного сословия и интеллигенция сочли несправедливым насильственно ограничивать в правах членов других религиозных конфессий. Так, священник Т. Черкасский в статье «К вопросу о свободе совести», напечатанной в Санкт-Петербургских ведомостях, писал, что «тяжело православию вступать в XX век, не отрешившись от обычая преследовать людей, исповедующих иную веру»¹⁷². Орловский губернский предводитель дворянства М.А. Стахович на очередном съезде миссионеров 24 сентября 1901 г. декларировал: «Где нет свободы для вероисповедания, там нет места для веры, там пребудут бессильными все старания, всякое рвение»¹⁷³.

Как отмечает исследователь данного вопроса А.А. Сафонов: «По мере развития правового сознания и политической культуры российского образованного общества устои конфессионального государства основанные на системе веротерпимости, все менее устраивали его. Неравнозначный правовой статус различных вероисповеданий рассматривался как ослаблявший существующий политический режим и целостность российского государства...»¹⁷⁴.

Новое законодательство было призвано изменить религиозное сознание российского общества и сформировать иное, основанное на толерантном отношении к конфессиональной принадлежности населения и не допускающее насилие над личностью.

17 апреля 1905 г. на Пасху императором Николаем II был издан Указ «Об укреплении начал веротерпимости», изменивший правовой статус большинства религиозных организаций империи, и, безусловно, повлиявший на положение

¹⁷¹ О современном положении православной церкви // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 424.

¹⁷² Цит. по.: Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. 1900–1917. Конец Синодального периода. Т. 1. Кн. 1. М. 2014. С. 178.

¹⁷³ К вопросу о свободе совести (вероисповеданий) // Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 50. С. 2250.

¹⁷⁴ Сафонов А.А. Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. Тамбов, 2006. С. 101.

самой православной церкви. Согласно данному указу, большинство конфессий за исключением «изуверных учений» получали свободу и впредь могли безнаказанно устраивать собрания и заниматься просветительской работой. А старообрядцам были возвращены их молитвенные дома.

Несмотря на то, что приоритет в области миссионерской деятельности оставался за православной церковью, большинству образованного общества стало понятно, что главная конфессия империи оказалась в менее выгодном положении, чем остальные религиозные течения. По мнению исследователей синодального периода, принятое законодательство, конечно не лишало РПЦ главенствующего положения в государстве, но в значительной степени ослабляло ее позиции¹⁷⁵.

Произошедшие события не могли не вызвать недовольство у представителей высшей церковной иерархии и сочувствующих им образованных мирян. Первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), талантливый и перспективный иерарх, придерживавшийся современных взглядов на проблему церковного преобразования, заявил, что «гонения на иноверцев несовместимы с духом православной церкви и государство должно видеть свою главную задачу не в ограничении прав иноверцев, а в том, чтобы как можно больше дать возможностей самой церкви в осуществлении своей деятельности»¹⁷⁶.

По мнению епископа Сергия (Страгородского), ректора Санкт-Петербургской духовной академии, «объявить свободу совести для всех – это значит всем развязать руки, а деятелям церкви оставить связанными»¹⁷⁷.

Архиепископ Феодор (Поздеевский), который на тот момент являлся ректором Тамбовской духовной семинарии, писал о вновь принятом указе следующее: «Дают теперь свободу старообрядцам, вполне естественную в церковном отношении. Они и в загоне-то могли не ослабевать, а возрастать, потому что, озабоченные своим делом, и деятелей старались находить соответствующих, а

¹⁷⁵ Смолич И.К. Указ. соч. С. 382; Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 50–51.

¹⁷⁶ Георгий Митрофанов, протоиерей. Указ. соч. С. 10.

¹⁷⁷ О современном положении православной церкви // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 424.

не случайных, лишь получивших право на то по диплому. А мы остаемся при прежних же условиях, ничего хорошего не создавших и ничего лучшего не обещающих в дальнейшем»¹⁷⁸.

Похожие высказывания можно встретить и на страницах церковной периодической печати. «Крупная реформа в положении инославия, должна была идти одновременно и параллельно с реформой церковного управления», – говорилось в Воронежских епархиальных ведомостях¹⁷⁹.

Таким образом, царский указ 1905 г. о свободе вероисповедания стал первым в ряду российских государственных актов начала XX в., который реформировал складывавшиеся столетиями отношения между церковью, обществом и государством. Он не только дал право населению исповедовать любое христианское вероучение, но и способствовал переходу крестьян, формально числившихся православными в другие религиозные конфессии. Согласно Всеподданнейшему отчету обер-прокурора Святейшего Синода, наибольшее число переходов из православия пришлось на римско-католическую, мусульманскую и лютеранскую церкви. В римско-католическую церковь с 17 апреля 1905 г. по декабрь 1907 г. по девяти епархиям западного и юго-западного края перешло – 170936 человек. В мусульманство в 14 епархиях Поволжья, Приуралья и Западной Сибири – 36299 человек. В лютеранство по 4 епархиям, 3 Прибалтийским и Олонецкой – 10964 человека¹⁸⁰.

В Центрально-Черноземном регионе, как и в других губерниях Российской империи, с вступлением в силу закона о веротерпимости деятельность сектантов заметно активизировалась. Они стали открыто устраивать собрания и проводить агитационную работу среди населения. Состав сектантов в провинции к началу прошлого столетия был довольно разнообразным. Здесь действовали общины баптистов, молокан, скопцов, хлыстов, духоборов, субботников, а также

¹⁷⁸ Служба Богу и России. Новый священикомученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002 г. С. 100.

¹⁷⁹ Церковная и общественная жизнь // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 14. С. 581.

¹⁸⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 29.

раскольников (старообрядцев), которые делились на беспоповцев и признающих священство.

Численный рост раскольников и сектантов в трех губерниях Центрального Черноземья показан в Таблице 4. Из представленных данных видно, что в Курской губернии широкое распространение получили раскольники, а в Тамбовской губернии, напротив, количество сектантов в два раза превышало численность старообрядцев. Видно, что после вступления в силу нового законодательства численность тех и других во всех трех губерниях возрастает, особенно в 1907 г. В Курской губернии, как показано в Таблице 4 количественный состав сектантов к 1907 г. увеличился в два с половиной раза. Этому процессу в определенной степени способствовали революционные события 1905–1907 гг.

Таблица 4 – Количество раскольников и сектантов в трех губерниях Центрального Черноземья в 1903–1907 гг.¹⁸¹

Год	Наименование губернии					
	Воронежская		Курская		Тамбовская	
	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты	старообрядцы	сектанты
1903	12887	5854	21643	558	6397	11478
1904	13389	4351	22589	571	6021	13465
1905	13262	5853	22263	540	5904	13488
1906	13282	5898	22343	563	5819	13960
1907	13658	6600	23814	1380	–	–

Негативное отношение сектантов к власти и РПЦ, сподвигло многих членов религиозных объединений к участию в протестных акциях 1905–1907 гг. Как отмечает исследователь данной проблемы А.Г. Лозовский, «сектанты были всегда социально активны, жили зажиточнее православных и пользовались, как правило,

¹⁸¹ Составлено по: Обзор Воронежской губернии за 1903. Воронеж, 1904. С. 45–47; Обзор Воронежской губернии за 1904. Воронеж, 1905. С. 51–54; Обзор Воронежской губернии за 1905. Воронеж, 1906. С. 50–51; Обзор Воронежской губернии за 1906. Воронеж, 1907. С. 54–55; Обзор Воронежской губернии за 1907. Воронеж, 1908. С. 55–57; Обзор Курской губернии за 1903. Курск, 1904. С. 44–45; Обзор Курской губернии за 1904. Курск, 1905. С. 47–49; Обзор Курской губернии за 1905. Курск, 1906. С. 56–57; Обзор Курской губернии за 1906. Курск, 1907. С. 69–70; Обзор Курской губернии за 1907. Курск, 1908. С. 72–73; Обзор Тамбовской губернии за 1903. Тамбов, 1905. С. 28; Обзор Тамбовской губернии за 1904. Тамбов, 1906. С. 25; Обзор Тамбовской губернии за 1905. Тамбов, 1907. С. 26; Обзор Тамбовской губернии за 1906. Тамбов, 1908. С. 40.

большим уважением»¹⁸². По свидетельству миссионера Курской епархии, сектантство «тем и опасно, что оно сеет плевелы социалистических учений тонко и скрыто, тщательно маскируя их религиозным учением и прикрывая Евангелием. И если среди наиболее горячих последователей секты социальные взгляды находят свое крайнее выражение, то в большинстве рядовых членов противоправительственные тенденции бродят в скрытой, неопределившейся форме, распространяясь среди них путем многочисленных подпольных брошюр и листовок»¹⁸³. В данном случае автор говорит о общине штундистов, численность которой в Курской епархии в 1904 г. по официальным данным составляла 206 человек, а после принятого указа о веротерпимости и революции увеличилась втрое и достигла 610 человек¹⁸⁴.

Следует отметить, что приходские клирики, боясь обвинений со стороны руководства, часто подавали неверные данные о количестве сектантов в подведомственных им приходах, в связи с чем официальная статистика существенно отличалась от реальной. К тому же миссионерам было не так-то просто распознать иноверцев, так как многие из них принадлежали к числу тайных религиозных общин и официально числились православными. Так, согласно статистическим данным, в Воронежской губернии в 1903 г. насчитывалось 464 последователя секты хлыстов. А, по частным сведениям, только в одном Коротоякском уезде проживало «до 1000 душ хлыстов обоего пола»¹⁸⁵. Миссионеры Курской епархии отмечали: «Сектанты настолько искусно и выдержанно прикрываются личиной благочестия, что совершенно ускользают от наблюдения, и только глухой говор народной молвы заставляет думать об их существовании. Особенно трудно установить хлыстовство»¹⁸⁶.

Представителям власти и приходским клирикам было не так просто вести работу по бороться с распространением сектантства и раскола в сельской

¹⁸² Лозовский А.Г. Тамбовские миссионеры в борьбе с религиозным сектантством: 1875–1917 гг. // Вестник Тамбовского университета. 2007. Вып. 2(46). С. 152.

¹⁸³ Шевалеевский В., свящ. Что такое штунда? // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 24. С. 450.

¹⁸⁴ Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905. С. 49; Обзор Курской губернии за 1908 год. Курск, 1909. С. 70.

¹⁸⁵ Обзор Воронежской губернии за 1904. Воронеж, 1905. С. 52.

¹⁸⁶ Курское сектантство. Сектантство мистическое. Хлыстовство и скопчество // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 151.

местности. Так как, в обязанности духовенства помимо миссионерской деятельности входило много дополнительной работы, к тому же им приходилось заниматься домашними делами и натуральным хозяйством, которое, в начале XX в. являлось важным источником продовольственного обеспечения семей священнослужителей.

В качестве вспомогательных проповеднических учреждений в приходах активно действовали миссионерские братства или, так называемые, «кружки ревнителей православия». В их обязанность входило распространение среди населения брошюр и листовок, духовно-нравственной литературы, устройство библиотек, организация народных чтений. Так, в Тамбове с целью работы с представителями различных религиозных течений с 1875 г. действовало Казанско-Богородичное миссионерское братство, в Воронеже было учреждено братство святителей Митрофана и Тихона, а с 1869 г. епархиальный комитет Православного Миссионерского общества. Помощниками духовенства в противостоянии сектантству выступали добровольцы из мирян.

До вступления в силу царского Указа «Об укреплении начал веротерпимости» отношение правительства к иноверцам и меры борьбы с ними были неодинаковыми и зависели от правового статуса того или иного религиозного объединения. В провинции работа с сектантами была возложена на представителей духовного сословия и заключалась главным образом в проведение назидательных бесед с населением в местах наибольшего скопления иноверцев. Духовенство вело миссионерскую работу в своих приходах, а в деревнях и селах с большим количеством сектантов устраивались публичные собеседования с привлечением помощников из благонадежных местных жителей. Отдельные крестьяне, скрывая свою принадлежность к другой религиозной общине пытались избегать подобных публичных мероприятий. Однако большинство иноверцев придерживались активной жизненной позиции и охотно посещали собеседования, вступая в горячие споры с православными священниками. Были случаи многократного перехода некоторых крестьян из одного религиозного течения в другое. При этом в одной

семье можно было встретить представителей разных вероучений¹⁸⁷. К примеру, в городе Рыльске Курской губернии дочь старообрядческого начетчика Петра Овчинникова исповедовала православие, несмотря на неодобрение родственников¹⁸⁸. Согласно миссионерским отчетам, некоторые крестьяне считались православными только по документам, так как боялись открыто заявлять о своем переходе в другую религиозную организацию.

К фанатичным и агрессивно настроенным представителям неофициальных конфессий властями применялись соответствующие меры наказания. Их брали под строгий контроль полиции, а особо «злостных» высылали из губернии. Так, в Государственном архиве Воронежской области сохранилась информация о крестьянине Андриане Ширинкине, который в декабре 1900 г. был выслан из Воронежской губернии за оскорбление православной церкви и «увлечение лжеучениями». Однако если проследить его дальнейшую судьбу, то можно увидеть, что со временем он изменил свои религиозные представления и был возвращен на родину в город Новохоперск¹⁸⁹.

Еще до принятия Указа «Об укреплении начал веротерпимости» правительством были отменены меры наказания в отношении лиц, принадлежащих к тем или иным религиозным деноминациям. В государственном архиве Тамбовской области сохранился циркуляр Министерства внутренних дел от 19 февраля 1905 г. за № 1538, в котором начальнику Тамбовского губернского жандармского управления предписывалось «безотлагательно освободить от надзора полиции или ограничения в праве избрания места жительства всех лиц, подвергнутых сим взысканиям по делам религиозного свойства в административном порядке и не применять на будущее время к подобным делам Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного

¹⁸⁷ Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Миссионерская деятельность духовенства в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской и Воронежской губерний) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2013. Т. 19. № 3. С. 713.

¹⁸⁸ Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905. С. 48.

¹⁸⁹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 390. Л. 1-об.

спокойствия и полицейского надзора, учреждаемого по распоряжению административных властей»¹⁹⁰.

Несмотря на предпринятые православной церковью усилия по борьбе с сектантами, ей не удалось в значительной степени ослабить их социальные позиции и сократить численность. А со вступлением в силу нового законодательства иноверцы почувствовали себя еще увереннее. «Многие, прежде скрывавшие свое сектантство, теперь стали исповедовать его явно, и открыто отступили от православной церкви», – говорилось в «Обзоре Воронежской губернии за 1905 г.»¹⁹¹.

Согласно статистическим данным, в Воронежской епархии значительно возросла численность общины хлыстов, которые отличались резкой враждебностью к православной церкви. Их количество к концу 1905 г. достигло 1220 человек, то есть увеличилось по сравнению с предыдущим годом (692 человека) в два раза¹⁹². Всего за отчетный 1905 г. численность сектантов в Воронежской губернии выросло на 1502 человека¹⁹³. Похожая тенденция наблюдалась и в других губерниях исследуемого региона. Так, к январю 1906 г. в Тамбовской губернии количество сектантов, по сравнению с прошлым годом увеличилось на 1525 человек¹⁹⁴.

Из сохранившихся документов видно, что раскольники исследуемых губерний, получив полную религиозную свободу, заметно активизировали свою деятельность. Епархиальный миссионер Орловской губернии в своем дневнике отмечал, что после принятия Высочайшего указа старообрядцы сел Волкова и Лужков Дмитровского уезда стали совершать свои «богомоленья» на полях и при проводах покойников петь панихиды на улицах, то есть допускать публичное отправление культа¹⁹⁵. В обзоре Курской губернии за 1908 г. говорилось: «Внутренний раскол крепнет и организуется»¹⁹⁶.

¹⁹⁰ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 349. Л. 1.

¹⁹¹ Обзор Воронежской губернии за 1905 год. Воронеж, 1906. С. 51.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Обзор Тамбовской губернии за 1905 год. Тамбов, 1907. С. 26.

¹⁹⁵ Георгиевский А., свящ. Из дневника Епархиального Миссионера // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 373.

¹⁹⁶ Обзор Курской губернии за 1908 г. Курск, 1909. С. 71.

В первую очередь старообрядцы занялись внутренним устройством своего быта: открывали общины и избирали наставников, строили новые и приводили в порядок уже существующие молитвенные дома. Открыто распространяли религиозную литературу, такую как – «Старообрядец», «Старообрядческий Вестник»¹⁹⁷. В Курской епархии до революции было построено более двадцати молелен, при этом некоторые из них, наиболее крупные, отличались красивой архитектурой и имели колокольни¹⁹⁸.

Со временем раскольники добиваются юридического оформления своих религиозных организаций. Так, в Курской губернии в феврале 1907 г. местными органами власти была зарегистрирована Рыльская община старообрядцев¹⁹⁹. Но как отмечают исследователи, это стремление «охватило далеко не всех сторонников «древнего благочестия», а только наиболее организованную их часть в крупных населенных пунктах, где во главе стояли энергичные люди, способные вести делопроизводственные операции новообразованной общины»²⁰⁰.

В Воронежской и Тамбовской губерниях никаких значительных изменений в сторону увеличения количества раскольников не произошло. Согласно архивным материалам, данное обстоятельство объясняется консервативным характером религиозных представлений и бытового обихода старообрядцев²⁰¹.

Складывавшаяся ситуация вызвала серьезные опасения у власти и представителей духовного сословия. Находясь в состоянии внутреннего кризиса, под пристальным контролем государства, а также в условиях быстро распространявшихся антиклерикальных идей, главная конфессия империи постепенно утрачивала авторитет и теряла своих членов.

В Таблице 5 представлены данные о количестве лиц, присоединившихся к православию, в исследуемых губерниях Центрального Черноземья, до и после

¹⁹⁷ См.: Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905–1916 гг. (на материалах Курской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Вып. 3. Т. 4. 2012. С. 113.

¹⁹⁸ ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12644; Д. 12649.

¹⁹⁹ См.: Апанасенок А.В., Симоненков К.В. Указ. соч. С. 113.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Обзор Воронежской губернии за 1905 год. Воронеж, 1906. С. 51.

принятия указа о веротерпимости. Указанные в Таблице 5 цифры свидетельствуют о некотором уменьшении числа желающих перейти в православное вероисповедание после вступления в силу нового законодательства.

Таблица 5 – Число лиц, присоединившихся к православию в Центрально-Черноземном регионе в 1901–1908 гг.²⁰²

Наименование епархии	Присоединившиеся к православию	
	1901–1904 гг.	1905–1908 гг.
Воронежская	150	101
Курская	268	135
Орловская	182	120
Тамбовская	263	223
ИТОГО	863	579

Процесс перехода из РПЦ в другую религиозную конфессию был гораздо сложнее, чем обратный. Согласно определению Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г. за № 12 желающие поменять веру должны были обратиться с заявлением к местному губернскому или уездному руководству. Требовались также обязательства со стороны «инославного духовного начальства» и ответное извещение губернатора о свершившемся акте, который, в свою очередь, немедленно сообщал об этом епархиальному начальству для исключения заявителя из православных метрических списков. Вся процедура перехода могла занимать более месяца²⁰³.

В Таблице 6 наглядно показано, что в ходе последующих трех лет после принятия царского указа о веротерпимости покинувших православную церковь в четырех губерниях исследуемого регионе было ненамного больше, чем

²⁰² Составлено по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1905. С. 50–51; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 50–51; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 58–61; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 66–71; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 72–77.

²⁰³ Определение Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г. за № 12 о правилах, которые должны быть соблюдаемы при переходе из православия в инославные и иноверные исповедания // Курские епархиальные ведомости. 1906. № 5. С. 39–41.

присоединившихся. Данная ситуация главным образом свидетельствует о том, что в Центральном Черноземье были еще достаточно сильны православные традиции, а сектантство, напротив, не имело настолько сильные позиции, чтобы существенно изменить религиозно-конфессиональную картину в свою пользу.

Таблица 6 – Число лиц, присоединившихся и отпавших от православия в Центрально-Черноземном регионе в 1907–1909 гг.²⁰⁴

Наименование епархии	Присоединившиеся к православию			Отпавшие от православия		
	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
Воронежская	18	28	18	61	49	15
Курская	47	50	25	209	2	7
Орловская	35	31	42	3	34	14
Тамбовская	53	102	84	27	9	131
ИТОГО	153	211	169	300	94	167
	533			561		

Таким образом, в религиозной жизни Центрально-Черноземного региона в начале XX в. произошли заметные изменения, не всегда благоприятные для РПЦ. Принятый закон о свободе вероисповедания облегчил переход части крестьянского населения из традиционной конфессии в другие религиозные деноминации. Однако этот процесс, в силу прочных в исследуемом регионе позиций православия, не принял масштабных размеров, как, например, в северо-западных губерниях, где целые приходы переходили в римско-католическое вероисповедание²⁰⁵. Тем не менее даже незначительная утечка прихожан представляла серьезную опасность для православной церкви и стала непростым испытанием для внутренней миссии. Духовенству пришлось справляться с проблемами принципиально нового характера, к появлению которых оно, со всем своим предшествующим опытом, оказалось не готово. Вместе с тем принятое законодательство вело к дальнейшему обострению

²⁰⁴ Составлено по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 66–73; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 72–87.

²⁰⁵ Бендин А.Ю. Испытание свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. XII. С. 189.

внутрицерковных противоречий, так как главная конфессия, в отличие от многочисленных религиозных общин, не получила желаемой свободы, а частичная потеря паствы ставила под угрозу ее экономическое положение.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в Русской Православной Церкви в начале XX в. прослеживались выраженные кризисные явления, для устранения которых требовалось коренное реформирование существующего синодального порядка – отделение церкви от государства и восстановление патриаршества. Вопреки уклончивой позиции власти за изменение системы церковного управления выступило большинство неортодоксальных прогрессивно мыслящих священнослужителей, в том числе и провинциальные иерархи. Вступивший в силу царский Указ «Об укреплении начал веротерпимости» ухудшал положение главной конфессии, делая ее более бесправной в сравнении с прочими религиозными деноминациями. В итоге ослабевшие позиции Русской Православной Церкви в обстановке начавшейся в 1904 г. русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. обусловили нарастание глубокого религиозно-нравственного кризиса российского общества.

Глава 2. Церковь и общество во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

2.1. Влияние православного духовенства на общественные настроения в провинции в период военных действий

Православная церковь, следуя заветам Священного Писания и святоотеческого предания, традиционно оказывала поддержку государству как во внутренней, так и во внешней политике. «Так поступала церковь всегда, более 1300 лет оставаясь неизменно верною духу Евангелия и своим канонам, она и теперь не действует иначе, – комментировал позицию РПЦ по отношению к событиям на Дальнем Востоке корреспондент Орловских епархиальных ведомостей П. Ансеров»²⁰⁶.

В речах и проповедях священнослужителей война со стороны Российской империи представлялась как глобальная религиозная миссия. «Русь снова – перед великой мировой, моральной задачей, ей снова предстоит мученичество, снова реки крови во имя борьбы с язычником-богоборцем», – говорилось в Тамбовских епархиальных ведомостях²⁰⁷. По словам воронежского священника Стефана Мясищева, «русский народ громко, перед лицом всего цивилизованного мира, заявил о полном своем самоотвержении, о совершенной своей готовности пожертвовать решительно всем, до последней капли крови, для защиты своего отечества, его безопасности, спокойствия, чести и достоинства»²⁰⁸. Митрополит Московский Владимир (Богоявленский), уроженец Тамбовской губернии в письме к императору Николаю II писал: «Да будет эта война последней, миротворящей войной и да придут скорее времена мирные, когда раскуют люди мечи свои на орала и ножи свои на серпы»²⁰⁹.

²⁰⁶ Ансеров П. Св. Православная Церковь в отношении к войне // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 262.

²⁰⁷ Из современных вопросов // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 29. С. 806.

²⁰⁸ Мясищев С., священник. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 349.

²⁰⁹ Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Проповеди, слова, поучения. Т. 1. Тверь, 2008. С. 267–268.

Таким образом, с началом боевых действий на Дальнем Востоке представители духовного сословия возглавили патриотическое движение, призывая всех православных христиан встать на защиту Отечества. Такова была неизменная позиция Русской Православной Церкви. «Не пропустим, отцы и братья, благоприятнейшего момента для своего пастырского воздействия на вверенную нам паству в интересах и нашего святого служения и блага дорогого нашего отечества», – заявляло духовенство²¹⁰.

Война с Японией, заставшая, по мнению современников, нашу страну врасплох и приблизившая начало революции, первоначально вызывала у российской общественности весьма неоднозначные оценки. «Тяжелые современные политические события Отечества нашего неодинаково отзываются в сердце русских людей, но у каждого сообразно с его развитием, с его званием и общественным положением», – отмечалось в периодической печати²¹¹.

В зависимости от своего социального положения, образования и воспитания население по-разному воспринимало дальневосточный конфликт, как и внешнюю политику самодержавия в целом. «Наше положение на Дальнем Востоке ужасно, – писал русский и советский военачальник, военный теоретик, уроженец Воронежской губернии А.Е. Снесарев, – те, кому надлежит об этом ведать, по-видимому, далеко не на высоте положения, а масса русская, поглощенная внутренним политиканством и увлеченная домашними счетами, слепа ко всему внешнему»²¹².

Представители провинциального дворянского общества, недооценивая силы противника, указывали на территориальное превосходство Российской империи по сравнению с Японией, перечисляли прошлые военные заслуги и подвиги, уповали на «чудо-богатырей», с которыми, – по их мнению, – никакие японцы не страшны»²¹³.

²¹⁰ Мясичев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 349.

²¹¹ Несколько слов о задравных и заупокойных помянниках // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 27. С. 726.

²¹² Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 72.

²¹³ Речь, сказанная в зале дворянского собрания 23 февраля 1904 г. перед чрезвычайным собранием курского дворянства // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 137.

По словам участника боевых действий генерал-майора Е.И. Мартынова, «большинство образованного общества отнеслось к войне совершенно индифферентно, оно спокойно занималось своими обычными делами; в тяжелые дни Ляояна, Шахэ, Мукдена и Цусимы театры, рестораны и разные увеселительные заведения были так же полны, как всегда»²¹⁴. Притом, что Русская Православная Церковь, выполняя свой нравственный долг, призывала население воздержаться от увеселительных мероприятий. «Театр – общественное развлечение, – говорилось в Тамбовских епархиальных ведомостях, – и всякий серьезный русский человек при полном уважении к театру, по совершенно понятной причине естественно ослабит, если только не совсем прекратит, в настоящие дни посещать его, и, если он человек семейный, расположит к тому и семейство свое»²¹⁵.

Часть либерально настроенной интеллигенции не поддержала экспансионистскую политику царского правительства на Дальнем Востоке и заняла по отношению к войне а priori пораженческую позицию. Современник и непосредственный участник событий, в качестве военного врача, Владимир Станюкович, вспоминая пережитое, писал: «... Они (знакомые. – Е.Л.) смотрели на возможность моего призыва, как на несчастье; на эту войну, как на преступление»²¹⁶. Либералы явно преувеличивали мощь Японии, считая ее сверхдержавой, создавшей образцовый флот и непобедимую армию.

РПЦ подвергла резкой критике либеральную интеллигенцию, которая по ее оценкам оказалась не на высоте своего призвания: «Одни по своему невежеству, вследствие самого поверхностного образования и сами менее любого мужика понимают значение для нас Дальнего Востока и смысл вспыхнувшей там борьбы и с обычною самоуверенностью недоучки поднимают крики против войны, другие вследствие лени и эгоизма не хотят понять величины переживаемого нами момента и что-либо сделать для общего дела, отмечалось в церковной периодической печати»²¹⁷.

²¹⁴ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 163.

²¹⁵ Успенский П., протоиерей. К хронике военных событий // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 43. С. 2099.

²¹⁶ Владимир Станюкович. Пережитое. Воспоминание зрителя войны. СПб., 1907. С. 7.

²¹⁷ Грозная нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 49. С. 1540.

В первые дни военной кампании на Дальнем Востоке изданный императором Николаем II Высочайший Манифест «О начале военных действий с Японией»²¹⁸ по благословению правящих архиереев был прочитан во всех церквях империи, сопровождался молебнами о благополучном завершении войны и проникновенными речами священнослужителей²¹⁹.

Духовенство в своих проповедях побуждало население поддержать Государя Императора и подняться на войну с языческим врагом. Священники, информируя общество о положении дел на театре военных действий, выступали за консолидацию всего населения вокруг общей патриотической идеи: «...Для того чтобы победить желтого врага, угрожающего гибелью нашему государству, необходимо нам сплотиться, дружно встать против грозящей беды и не жалеть ни силы, ни средств для борьбы с нею»²²⁰.

Вместе с тем на страницах церковной периодической печати можно встретить и критические замечания церкви в адрес российской внешней политики. Один из авторов Тамбовских епархиальных ведомостей характеризовал события на Дальнем Востоке следующим образом: «Мы просмотрели пробуждение страны восходящего солнца и превращение ее мирных обитателей в воинственную нацию, вдобавок с немецкой выправкой...Мы были наивны»²²¹. Духовенство указывало и на техническую отсталость русского флота в сравнении с новейшими японскими кораблями: «Настоящее время для нашей отчизны – тяжелое и весьма трудное. Приходится нам вести войну на море с врагом, у которого имеется хороший флот. Мы же нуждаемся в усилении флота»²²².

Во время войны православная церковь открыто выражала сочувствие воинам, проливавшим кровь на Дальнем Востоке и их семьям. Во всех храмах империи не прекращались молебны о скорейшей победе «русского воинства» и призывы к деятельной помощи фронту. Сами представители духовного сословия жертвовали

²¹⁸ Высочайший Манифест // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 140–141.

²¹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Л. 1; ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2351. Л. 3–3-об.

²²⁰ Грозящая нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 49. С. 1544.

²²¹ Там же.

²²² Духовенству Тамбовской епархии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 197.

крупные суммы на военные нужды, принимали непосредственное участие в организации госпиталей в тылу и на фронте, оказывали посильную помощь семьям призванных на воинскую службу нижних чинов. Некоторые священнослужители добровольно отправлялись в места боевых действий, где не только совершали необходимые обряды, но поддерживали и укрепляли моральный дух воинов, сражавшихся за Родину.

Во время мобилизации духовенство оказывало особую поддержку уходящим на фронт нижним чинам, понимая, что многие из них не вернуться домой и в последний раз видят свои семьи. Поэтому священнослужители старались обеспечить им достойные проводы и проявляли настойчивость в соблюдении всех необходимых религиозных церемоний. Так, священнику Нижнедевицкого уезда Воронежской епархии пришлось вступить в конфликт с воинским начальником, который запретил служить молебны для отправлявшихся на Дальний Восток запасных²²³. Этот случай свидетельствует о преданности духовенства своим убеждениям и православному народу, несмотря на то что в обществе распространялось совершенно иное мнение, и деятельность священнослужителей не всегда находила поддержку.

Провинциальное население, большинство которого составляло крестьянство, встретило войну, с одной стороны, в приподнятом настроении, свидетельством чего явились многочисленные пожертвования, молебны, патриотические шествия с хоругвями и иконами для поддержания боевого духа солдат, их уверенности в победе над «языческой Японией». «Война, которую вынужден был принять наш народ, вызвала среди него особенный подъем духа, особенное религиозное возбуждение», – отмечал корреспондент Воронежских епархиальных ведомостей²²⁴. По сведениям Тамбовского губернатора, «население губернии глубоко верило в окончательный успех русского оружия»²²⁵.

²²³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 641. Л. 1–2.

²²⁴ Мясичев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 349.

²²⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 86.

С другой стороны, росли тревога и переживания по поводу предстоящих мобилизаций и отправки родных на фронт. Протоиерей Петр Успенский, вспоминая Тамбовскую мобилизацию, писал: «При всех личных разговорах с этими людьми слышалось в сердце их неодолимое терпение к постигнутому, в лице войны, русскую землю народному горю. Только бы нам одолеть врага», «защитить свою родину», было обычным предметом их общих сердечных желаний. И грусть, и слезы о покидаемых здесь семьях и необыкновенное воодушевление к своему ратному делу, вера в успех – все это как-то сближалось и смешивалось в их настроении»²²⁶.

С началом военных действий жизнь в провинции бурлила, повсюду сами собой возникали патриотические манифестации, толпы народа заполняли улицы. «Энтузиазм овладел массой, – констатировалось в «Летописи войны с Японией», – особенно сильно выразился он среди нашей учащейся молодежи в их горячих неиспорченных молодых сердцах»²²⁷. Во многих городах Центрально-Черноземного региона населением устраивались патриотические шествия в знак поддержки внешнеполитической инициативы царского правительства на Дальневосточных рубежах²²⁸. Император Николай II являлся олицетворением Отечества и «русского воинства».

Участниками происходящих событий были все слои населения, включая духовенство. Автор Воронежских епархиальных ведомостей, священник Е. Белозоров вспоминал: «В Москве я сам был свидетелем и участником грандиозных манифестаций, объединивших всех от кочегара до интеллигенции в широком смысле этого слова»²²⁹.

Газеты и журналы были полны сообщениями о манифестациях как в столице, так и за ее пределами. «А такой чудной, и стройной, и мощной гармонией

²²⁶ Успенский П., протоиерей. Из воспоминаний о Тамбовской мобилизации // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 37. С. 1051–1053.

²²⁷ Летопись войны с Японией. 1904. № 1. С. 13.

²²⁸ Щербинин П.П. Православное духовенство российской провинции в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Макарьевские чтения: материалы третьей международной конференции (21–22 ноября 2004 г.). Горно-Алтайск, 2004. С. 103.

²²⁹ Белозоров Е., свящ. Война с христианской точки зрения // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 287–288.

национального и святого религиозного одушевления звучит теперь вся великая душа русского народа со времени начатой войны с Японией, и это общее одушевление и подъем способны пробудить заснувшую совесть и чувство любви к родине...», – говорилось в Тамбовских епархиальных ведомостях²³⁰.

Современники констатировали, что «захваченные интересами военного времени сердца русских людей стали менее отзывчивы к мелочным интересам суетной будничной жизни. Утихли народные волнения, тише и безмятежнее потекла общественная жизнь, радостнее стало общее настроение»²³¹. Курское духовенство, к примеру, отмечало повышенный интерес населения к подробностям, происходящим на Дальнем Востоке: «Мы горячо любим свое отечество, нам больно за каждую каплю пролитой крови нашего брата»²³². Тамбовский губернатор указывал на повышенный энтузиазм среди населения губернии: «Многие мгновенно откликнулось на призыв Государя и готовы принести на алтарь Отечества свою жизнь и достояние»²³³.

Из материалов к годовому отчету Тамбовского губернатора за 1904 г. известно, что большинство населения Борисоглебского уезда сочувственно и сердечно относилось к войне, о чем свидетельствовали щедрые приношения крестьян и образцовое поведение мобилизованных запасных²³⁴.

В Моршанске во время мобилизации было расквартировано значительное число нижних чинов, при этом спокойствие в городе ни разу не было нарушено. Согласно архивным данным, за все время пребывания в Моршанске нижних чинов «не последовало ни одной жалобы на нарушение ими порядка, на грубое обращение и, вообще, на допущение кем-либо из них какой-либо несправедливости по отношению к обывателям»²³⁵.

Торжественный и сердечный характер носили проводы полков на Дальний

²³⁰ Из современных вопросов // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 29. С. 800.

²³¹ Бельский С., протоиерей. Слово в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 23. С. 598.

²³² Корсуновский Г., священник. Поучение на день Покрова Пресвятой Богородицы // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 40. С. 736.

²³³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 84-об.

²³⁴ Там же. Л. 34-об.

²³⁵ Там же. Л. 14–14-об.

Восток. Большинство населения с глубоким сочувствием отнеслось к нижним чинам, так как многие из них, отправляясь на фронт, оставляли на родине жен, малых детей и престарелых родителей, зачастую без всяких средств к существованию. Так, по сведениям Елатомского городского головы, мобилизация в городе прошла спокойно: «Уходившие уносили с собой самые отрадные воспоминания о добрых и заботливых отношениях к ним горожан и Городского Управления, что неоднократно высказывали при прощании собравшемуся проводить их городскому обществу»²³⁶.

Непосредственно перед отбытием на фронт в Моршанске каждому из полков после напутственного молебствия были вручены от городского общества иконы, а нижним чинам розданы подарки: чай, сахар и кисеты с необходимыми принадлежностями. Подарки были заготовлены средствами земства, города и Дамского Комитета²³⁷. В Тамбове городские учреждения, частные лица и родственники призванных запасных жертвовали уходившим на фронт частям предметы солдатского обихода и разного рода гостинцы²³⁸.

Большое впечатление на жителей Центрально-Черноземного региона произвел проезд императора Николая II, который в первую очередь посетил Моршанск, где встретился с 219-м Юхновским, 220-м Епифановским, 287-м Тарусским, 288-м Куликовским пехотными полками, пожелав им успехов и благополучного возвращения²³⁹. Далее, император проследовал в Пензу, чтобы напутствовать отправляющиеся на Дальний Восток войска. После посещения еще нескольких городов монарх прибыл в Тамбов, где произвел смотр полков и благословил уходящих воинов иконами от имени императрицы Александры Федоровны. Приезд императора и его общение с народом в значительной степени способствовало укреплению боевого духа солдат и патриотического настроения населения. После отъезда императора «любящий, преданный Царю народ густою

²³⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 67.

²³⁷ Там же. Л. 14-об.

²³⁸ Там же. Л. 86.

²³⁹ Там же. Л. 14.

массою бежал за поездом, осенял его крестным знаменем, по-прежнему выражая крики радости...», – писал современник событий²⁴⁰.

Согласно архивным данным, в Воронежской губернии в 1904 г. состоялись две частные мобилизации запасных нижних чинов. Известно, что данные мероприятия прошли без происшествий, за исключением вышеупомянутого неблагоприятного поступка Нижнедевицкого воинского начальника, подполковника Короленко²⁴¹. В 1905 г. состоялась еще одна мобилизация крестьян и рабочих, для ее проведения были привлечены лица, которые исследовали семейное положение нижних чинов, принимали меры по устранению ропота и недовольства населения, то есть обеспечивали образцовый порядок. Впоследствии согласно приказу императора, они все были представлены к наградам²⁴².

Желающих добровольно отправиться на фронт было немного. Из десятков тысяч учащейся молодежи...нашлось (кроме студентов медиков) лишь несколько человек поступивших в ряды добровольцев»²⁴³. Из материалов ГАТО известно, что священник села Глуховки Кирсановского уезда Тамбовской губернии Вячеслав Миловидов изъявил добровольное желание отправиться в места боевых действий, о чем просил благословения местного епископа Иннокентия (Беляева). Прощение было удовлетворено, и клирик назначен на должность священника 285-го полевого подвижного госпиталя при 72-й пехотной дивизии²⁴⁴. В «Летописи войны с Японией» упоминаются заключенные Херсонского дисциплинарного батальона, которые, дабы искупить свои проступки, изъявили добровольное желание вступить в ряды сражавшихся на Дальнем Востоке. Таких желающих было около 1000 человек; из них разрешено вступить в действующую армию – 900²⁴⁵.

Однако не везде мобилизационные мероприятия прошли без происшествий. Имели место случаи враждебного отношения населения к нижним чинам. Известно, что между солдатами и обывателями города Тамбова происходили

²⁴⁰ Приезд Государя Императора в Тамбов // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 28. С. 747.

²⁴¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 541. Л. 1.

²⁴² Там же. Д. 1019. Л. 42.

²⁴³ Настроения в годы русско-японской войны. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2011/12/23/411> (дата обращения: 12.03.2015).

²⁴⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 47–48.

²⁴⁵ Летопись войны с Японией. 1904. № 1. С. 130.

неприятные столкновения, случались даже и драки. Вполне возможно, что многих горожан угнетало присутствие в их среде нижних чинов, и они с нетерпением ожидали их отъезда на фронт. Кроме того, пребывание войск в Тамбове тяжело сказывалось и на городском бюджете, это видно из докладов градоначальников губернатору. Так, Тамбовский городской голова в отчете за 1904 г. писал: «Считаю указать Вашему Превосходительству на чрезвычайное обременение городского бюджета расходами по квартирному довольствию войск, выразившемуся в 1904 г. приплатами из городских средств до 22000 руб., кроме расходов по мобилизации войск в сумме до 20000 руб., которые доселе еще не возмещены казною городу. В этих видах нельзя не пожелать, чтобы город освобожден был от этих расходов»²⁴⁶.

При этом нижние чины не всегда отличались добропорядочным поведением. Возможно, страх грозящей смертельной опасности влиял на их психику, в результате чего, некоторые мобилизованные, вели себя недостойно и даже совершали действия преступного характера. Как отмечала Е.С. Сенявская, специалист в области военно-исторической антропологии, «во время вооруженных конфликтов в массовом бытовом сознании широкое распространение имеет формула «война все спишет», которая используется для оправдания безнравственных поступков и перекладывает всю ответственность с индивида на объективные условия действительности»²⁴⁷. Так, в Воронежской губернии жандармским управлением был зарегистрирован случай неблаговидного поведения мобилизованных, прибывших в воинском поезде на станцию «Лиски». После остановки поезда нижние чины самовольно отправились в село Новопокровское, разбили окна в казенной винной лавке и забрали вина на 69 рублей²⁴⁸.

На фронт отправлялись сельские жители, как правило, среднего возраста, которые оставляли дома хозяйство и большие семьи, поэтому все их интересы и помыслы оставались дома, некоторые из них в отчаянии прибегли к употреблению алкоголя с тем, чтобы забыть о своем горе. По словам российского историка

²⁴⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 64.

²⁴⁷ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999. С. 51.

²⁴⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 135. Л. 65.

П.П. Щербинина, довольно часто в период войны в обществе наблюдался рост психических заболеваний и обострение, так называемых «пограничных состояний»²⁴⁹. Подобные случаи были зафиксированы в среде офицеров и даже духовенства. Из «Летописи войны с Японией» известно, что на фронте душевно заболел священник 123-го пехотного Тамбовского полка Александр Самойлович²⁵⁰. Священники 248-го Осташковского пехотного полка иеромонах Паисий и 316-го Вышневолоцкого пехотного полка иеромонах Агапий были отстранены от исполнения своих прямых обязанностей как лица, подвергнутые алкоголизму²⁵¹.

Однако в большинстве своем на начальном этапе войны провинциальное общество было настроено патриотично и выражало глубокое сочувствие воинам, уходящим защищать родину на Дальний Восток. Один из кладбищенских иереев Тамбовской епархии отмечал, что ему ежедневно приходилось прочитывать обывательские церковные помянники, в которых, наряду с именами родственников, встречались имена новопреставленных воинов.²⁵² Это одно из свидетельств того, что общество в своих молитвенных возношениях за живых и умерших пыталось участвовать в судьбе воинов, защищавших дальневосточные рубежи Российской империи.

Орловские старожилы рассказывали, что они не помнят такого многолюдного стечения молящихся в Кафедральном Соборе, как 29 января, когда там совершалось торжественное молебствие о даровании победы русскому воинству. То же наблюдалось и в уездных городах и селах²⁵³.

Повсюду, в учебных заведениях, на площадях, в домах можно было услышать разговоры о так называемой «желтой опасности». Исследователи отмечают, что представления о японцах, как язычниках и варварах широко распространялись в провинции. Сельское население, в силу своего невежества

²⁴⁹ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 198.

²⁵⁰ Летопись войны с Японией. 1905. № 82–83. С. 1–3.

²⁵¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 311.

²⁵² Несколько слов о зазданных и заупокойных помянниках // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 27. С. 727.

²⁵³ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2351. Л. 3–3-об.; Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 180.

имело несколько искаженное представление о противнике. Многие отзывались о неприятеле в пренебрежительной и оскорбительной форме, называя японцев слабым и отсталым народом²⁵⁴. Особой популярностью пользовались плакаты, на которых они изображались маленькими, неполноценными людьми с ярко выраженными этническими признаками, а армия противника представлялась в самом невыгодном свете. К примеру, поддержанием боевого духа русских воинов служил плакат под названием «Японская кавалерия на походе», с изображением двух кавалеристов, первый тянул за повод едва передвигавшую ноги клячу, а второй с грустью наблюдал эту картину²⁵⁵. Широкое распространение в сельской местности получили патриотические открытки с изображением военных кораблей и сцен боевых действий, которые привозили из города священнослужители или зажиточные крестьяне.

Таким образом, весь интерес общественной жизни сосредоточился на военных событиях, которые отодвинули на задний план многие крупные вопросы, ранее волновавшие общество. По данным Тамбовского губернатора, сельское население проявляло глубокий интерес к военным действиям, верило в успех, не смущалось неудачами русской армии и не падало духом»²⁵⁶.

Для большинства простого народа, проживающего в тыловых черноземных губерниях, война с Японией представляла большую загадку, а Дальний Восток, куда шли проливать свою кровь солдаты, был им малоизвестен. Провинциальное население интересовалось «непонятной войной», потому что она, в первую очередь, затрагивала его семейные и хозяйственные интересы, а новости с фронта проникали в широкие народные массы лишь в виде слухов.

Духовенство в сельской местности выступало в роли главных информаторов. Именно от них крестьяне узнавали о причинах, побудивших правительство развязать войну, о положении дел на фронте, о подвигах русской армии. При этом

²⁵⁴ Канаев И.Н. Особенности деятельности органов контрразведки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 5(61). С. 354–355; Тележников А.Ю. Образ Японии накануне Русско-Японской войны // Молодой ученый. 2018. № 46. С. 233.

²⁵⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 147.

²⁵⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 86–86-об.

священнослужители, следуя своему долгу, поддерживали власть и зачастую в угоду ей могли дезинформировать население, преувеличивая значение некоторых событий или умалчивая о поражениях и невыгодных сторонах внешней политики самодержавия.

Первоначально в Центрально-Черноземном регионе весьма активно распространялись вести о победе наших войск на суше и на море, которые с большой радостью воспринимались населением, несмотря на их очевидную нелепость. Так, среди жителей города Тамбова весной 1904 г. распространялись слухи о невероятных успехах русской армии на Дальнем Востоке, пленении большого числа японских бойцов, включая командование²⁵⁷.

Но постепенно ситуация стала меняться в прямо противоположную сторону. Как отмечала Е.С. Сенявская, с течением времени «эмоциональный компонент становится более адекватным, «оптимальным» в том смысле, что исчезает эйфория начала войны, ломаются пропагандистские стереотипы»²⁵⁸.

Черeda поражений русской армии послужила причиной роста общественного беспокойства и пошатнула веру в скорое и победоносное завершение войны. «Тяжелое горе переживает теперь Россия, – констатировали Курские епархиальные ведомости. – Минул уже год несчастной войны. Флот уничтожен. Наши храбрые воины гибнут десятками тысяч от вражеского оружия. Армия терпит поражение за поражением. Полное уныние в сердцах наших»²⁵⁹. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев) не без тревоги отмечал: «Наши военные действия на Дальнем Востоке, волнующие всю Россию от большого города до малого поселка, к прискорбию нашему, до сих пор не благословляет Господь желанным успехом»²⁶⁰. Негативные тенденции начинают нарастать, вызывая тем самым серьезные опасения властей, боявшихся возможных акций социального протеста.

²⁵⁷ См.: Канаев И.Н. Указ. соч. С. 354.

²⁵⁸ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 47.

²⁵⁹ Антоний (Вадковский), митр. Настоящее горе России // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 10. С. 171.

²⁶⁰ Предложение Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого от 29 апреля 1904 года за № 3621 Тамбовской духовной консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 19. С. 373.

Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в докладе императору сообщал: «...Война на Дальнем Востоке никакой популярностью среди населения не пользуется... Народ только подавлен тяжелыми для него последствиями... и вместе с тем на него самым угнетающим образом действуют слухи о наших военных неудачах... Нельзя не опасаться, что призванный при таком настроении народ в войска внесет деморализацию и в среду самой нашей армии»²⁶¹.

На отношение населения к войне также повлияла недалёковидная политика правительства, пытающегося скрыть истинные реалии событий, дезинформируя население через духовенство и средства массовой информации. Показательной была выдержка из письма военного священника о. Григория Шавельского, впоследствии протопресвитера армии и флота: «Неужели, в самом деле, многие считают наше военное положение критическим? Мы – свидетели и участники событий на Дальнем Востоке – совсем иначе думаем. У нас серьезные люди отказываются признавать за японцами хоть одну победу, как очевидец, могу засвидетельствовать, что я еще не видел (хотя участвовал в 12 сражениях, в том числе и у Вафангоу 1–2 июня, у Ташичао 10–11 июля и у Ляояна 17–18 августа) ни одного поражения наших войск, сколько-нибудь напоминающего исторические поражения»²⁶². Отрывок из письма полкового священника был размещен и в Тамбовских епархиальных ведомостях. На самом же деле из-за многочисленных ошибок и просчетов командования русским войскам не удалось добиться успеха в упомянутых Г.И. Шавельским битвах. Армии приходилось постоянно отступать, оставляя неприятелю стратегически важные территории. В битве при Вафангоу потери России составили около 3,5 тысяч человек, противника – 1,2 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести²⁶³. А возвращавшиеся домой после ранения нижние чины рассказывали правду о неудачах командования, тяготах и лишениях, которые им пришлось пережить на Дальнем Востоке.

²⁶¹ Цит. по.: Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 175.

²⁶² Русско-японская война // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 52. С. 1717.

²⁶³ Вафангоуский бой 1904 // Большая российская энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 666–667.

Народ с неотступным вниманием следил за газетными вестями о ходе военных операций и о расположении наших сил в пределах южной Манчжурии. «С жадностью набрасываются крестьяне на всякую весточку с войны, – писал корреспондент Тамбовских епархиальных ведомостей, – и просят батюшку, учителя, помещика, волостного писаря почитать им газету»²⁶⁴. Газеты выпрашивали мальчишки на станциях у проезжающих. Согласно архивным данным, в 1904 г. зафиксирован рост грамотности и морального духа, у населения пробуждается любовь к чтению и, как следствие, усиливается спрос на книги в библиотеках-читальнях²⁶⁵.

Однако порождаемый войной интерес простого народа к печатному слову имел и другие последствия. «Интерес к газете разбудил дремлющую мысль и самосознание, которые, в свою очередь, наряду с подъемом патриотического духа, привели к критическому анализу действительности», – писал председатель Моршанской уездной земской управы²⁶⁶. То есть провинциальное население, проникаясь тревожными подробностями с фронта, начинает всерьез задумываться о смысле и целесообразности настоящей войны.

После падения Порт-Артура русское общество окончательно перестает верить официальным заявлениям властей о благополучном исходе Дальневосточной кампании. Так, выступая в Воронежском городском саду, провизор Петр Смирнов открыто заявлял: «Русская армия никуда не годна, а офицеры ничего не знают»²⁶⁷. В материалах ГАТО сохранился документ об отказе жителя села Каменки Новохоперского уезда Г. Верховых жертвовать на нужды армии и флота: «Государь открывает войну, только нас беспокоит и господ награждает. Соберет нас на войну, как червей, и там бьют нас и все это делается для пользы господ, а нам никакой пользы нет»²⁶⁸. При этом важно отметить, что

²⁶⁴ Васильев М.Г. Одна из пастырских обязанностей во время войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 36. С. 1011.

²⁶⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 4-об.

²⁶⁶ Там же. Л. 46–46-об.

²⁶⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 135. Л. 26.

²⁶⁸ Там же. Л. 15.

этот крестьянин имел хорошую репутацию, семью, хозяйство и пользовался уважением среди односельчан.

Активную агитационную работу в среде провинциалов проводили члены революционных партий, внушая населению мысли о ненужности и бессмысленности военных действий на Дальнем Востоке и склоняя крестьян к выступлениям с требованиями о немедленном прекращении войны. В рапорте Тамбовскому губернатору Шацкий уездный исправник сообщал, что житель села Каверино Павел Сергеевич Тележкин на сельском сходе рассказывал односельчанам о бедственном положении солдат, находящихся на фронте, о бесполезности Порт-Артура, так как Россия и так обширное государство²⁶⁹.

В городах и селах распространялись прокламации революционного содержания, описывающие тяготы нижних чинов на фронте и порицающие внешнеполитический курс самодержавия. По данным Елатомского предводителя дворянства, в уезде довольно часто стали появляться лица «с проходными свидетельствами («волчьими паспортами»), которые проходя селения и деревни, путем различных рассказней, раздачей прокламаций, стараются посеять везде смуту»²⁷⁰.

Ученик Елатомской гимназии Аркадий Федорович Сперанский был обвинен в распространении воззвания «Ко всем запасным рядовым», автор которого старался доказать, что настоящая война с Японией нужна только императору и его министрам: «Не за народ, а за царя встаете вы под штыки, пули и бомбы, не против японцев, а против родного народа, который согласие свое на войну не давал»²⁷¹.

Из сохранившихся архивных документов известно, что в городе Борисоглебске Тамбовской губернии на Охлябининской улице городовой полицейской команды Федоренковым были найдены два экземпляра прокламаций «Порт-Артур пал»²⁷². А через несколько месяцев на станции «Терновка»

²⁶⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 77.

²⁷⁰ Там же. Д. 5634. Л. 30–30-об.

²⁷¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 298. Л. 22-об.

²⁷² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 4.

крестьянином Тимофеем Ивановичем Тимофеевым найдено уже семь прокламаций, пять из которых под заглавием «Порт-Артур и Ляоян»²⁷³.

Эти листовки всячески дискредитировали власть в глазах народа, разжигая еще большее недовольство войной: «Русский рабочий и крестьянин, побросав свои семьи и хозяйства, идут умирать на полях Манчжурии для того, чтобы царь со своей родней да богачи получили еще несколько миллионов, да еще больше прижали бедноту»²⁷⁴. «В царской армии порядки оказались невозможными, – говорилось в одной из листовок, – кругом беспорядок, солдаты голодают и ходят оборванными, поставщики грабят, а полководцы царские или заведомые негодяи, как наместник Алексеев, или неспособные, ограниченные люди. И неудивительно, что война превратилась для русских в ряд поражений и в позорное отступление перед японцами»²⁷⁵.

Примечательным явлением следует считать тот факт, что отдельные люди начинают открыто проявлять сострадание к японскому народу. К примеру, учительница Куйманской земской школы Лебедянского уезда Тамбовской губернии, Елизавета Егоровна Павлова, выражала сочувствие японцам по-особому укладывая волосы на голове²⁷⁶. В церковной прессе описан случай, когда молодежь собирала пожертвования в пользу Японии, послав при этом сочувственный адрес и самому микадо японскому, который был удивлен такой антипатриотической выходкой²⁷⁷.

Среди населения, безусловно, находились и те, кто публично высказывался в защиту государя-императора и его внешней политики, но их становилось все меньше. Крестьянин села Рудовка Кирсановского уезда Тамбовской губернии Федор Иванович Стрельцов отвергал неблагоприятные суждения односельчанина об императоре и войне: «Да! Война эта тяжела как для солдат, так и для государя императора»²⁷⁸. Крестьянин Курской губернии призывал население не поддаваться

²⁷³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 58.

²⁷⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 197. Л. 1.

²⁷⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 397. Л. 115.

²⁷⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6088. Л. 1.

²⁷⁷ О новых религиозных учениях // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 35. С. 985.

²⁷⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 78.

всеобщему унынию, а «сплотиться вокруг Царя Батюшки и продолжать борьбу, которая принесет верный и почетный мир»²⁷⁹.

Одной из причин усиления общественного недовольства войной, несомненно, было значительное понижение уровня жизни. Многие крестьянские семьи, в результате ухода кормильцев на фронт, кроме необходимых расходов на отправку родных на Дальний Восток, остались без основного заработка. Вследствие ухода призванных и малому числу оставшихся в семьях работников, некоторым крестьянским хозяйствам Тамбовской губернии грозил упадок²⁸⁰. По данным Липецкого городского головы, «влияние войны сильно отразилось на материальном положении горожан»²⁸¹.

Ситуация осложнялась и проблемами в сельскохозяйственной отрасли. 1904 г. в Центрально-Черноземном регионе был плодородным²⁸². Но следующий 1905 г., из-за неблагоприятных погодных условий, оказался неурожайный. Так, в Воронежской губернии сбор озимых хлебов, вследствие сильной засухи, оказался такой низкий, какого не было после неурожайного 1891 г.²⁸³. В связи с этим еще больше усиливается ропот и недовольство войной среди населения.

Неурожай 1905 г., значительно увеличил потребление крестьянами крепких спиртных напитков. Этому способствовало и психологическое состояние масс, вызванное беспокойным революционным и военным временем. Согласно дошедшим до нас сведениям, население жило только нынешним днем, не имея никаких запасов, оно продавало все что можно было продать, не исключая последней скотины. При этом продавало по нужде, а часто и без нужды²⁸⁴.

В ходе войны произошло повсеместное повышение цен на продукты первой необходимости. Боевые действия вызвали серьезные затруднения с транспортировкой того или иного товара. К примеру, пролежавшая через Моршанск Сызрано-Вяземская железная дорога с самого начала войны с Японией была

²⁷⁹ Довольно малодушествовать! Голос крестьянина // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 228–229.

²⁸⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 4.

²⁸¹ Там же. Л. 21.

²⁸² Обзор Тамбовской губернии за 1904 г. Тамбов, 1906. С. 2; Обзор Воронежской губернии за 1904 г. Воронеж, 1905. С. 2.

²⁸³ Обзор Воронежской губернии за 1904 г. Воронеж, 1905. С. 3.

²⁸⁴ Обзор Тамбовской губернии за 1904 г. Тамбов, 1906. С. 16.

предназначена, в первую очередь, для обслуживания нужд армии, что вызывало перебои в доставке гражданских грузов²⁸⁵.

Особенно болезненно рост цен сказывался на положении семей призывных нижних чинов. Несмотря на то, что городские власти вместе с земством своевременно пришли многим из них на помощь, им так и не удалось существенным образом восполнить потери семей, лишившихся кормильца. Российский историк П.П. Щербинин отмечает в этой связи, что «среди российских женщин весь период войны были сильны антивоенные настроения. Все попытки светских и духовных властей увлечь женщин патриотической риторикой ни к чему не приводили. Для солдатских жен и матерей главным и желаемым было скорейшее окончание военных действий на Дальнем Востоке»²⁸⁶.

Война благоприятствовала спекуляции и другим негативным явлениям. Перекупщики приобретали товар, в котором нуждался фронт, и продавали его по более высокой цене. «Идет жадная стачка хищников разных мастей, «мастеров», скупающих всюду рыночный товар, спешно требуемый теперь на войну», – говорилось в Тамбовских епархиальных ведомостях²⁸⁷.

Таким образом, неудачи российской армии, значительное ухудшение экономической ситуации в тылу и антиправительственная пропаганда социал-демократической рабочей партии вызвали массовое возмущение, даже со стороны умеренных, буржуазных и средних городских слоев населения. «В воздухе чувствовалась подавленность, недовольство. Даже предшествовавший падению Порт-Артура Высочайший Манифест 12 декабря 1905 г. не произвел того ободряющего действия, какое следовало бы ожидать в мирное время», – писал в отчете Тамбовскому губернатору Елатомский городской голова²⁸⁸.

Эти события явились причиной серьезного беспокойства правительства, которое начинает бить тревогу, призывая общество в лице его лучших

²⁸⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 12.

²⁸⁶ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004. С. 188–189.

²⁸⁷ Васильев М.Г. Военные заметки // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 51. С. 1667.

²⁸⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 67.

представителей оказывать нравственное воздействие на «несчастливых людей, указывая на забытый ими перед родиной долг»²⁸⁹. Объектом особого внимания становится крестьянское население, которое, будучи малограмотным более эмоционально воспринимало происходящие события. По мнению современников, «крестьянской мысли трудно было удержаться на той высоте, которая требовала от нее важности переживаемого нацией момента»²⁹⁰.

Проблему просвещения простого народа на предмет войны с Японией, взяли на себя представители духовного сословия и сельские учителя. Находясь в непосредственной близости к людям, организовывая специальные беседы, они, как никто другой, могли разъяснить крестьянину смысл и цели военных действий на Дальнем Востоке.

Вопрос о смысле войны сводился, главным образом к тому, есть ли потребность у Российской империи, и без того занимающей одну пятую часть земного шара, в дополнительных территориях. Духовенство внушало пастве, что война нужна России для приобретения новых торговых путей, свободных водных сообщений с другими странами мира, что способствовало бы дальнейшему благоприятному экономическому развитию империи. С амвонов и в церковной прессе священники призывали защищать свой народ, православную веру и обширные владения на Дальнем Востоке: «Мы не можем уступить ни пяди земли, за которую проливалась русская кровь, но обязательно, во что бы то ни стало, наказать дерзкого и самонадеянного врага»²⁹¹. «Если уступить теперь этому безумному натиску желтых людей, – говорилось в Тамбовских епархиальных ведомостях, – то, чем же можно задержать их дальнейшее движение? Утвердившись прочно в Корее, они возьмут далее Манчжурию, отнимут у нас Сахалин, Приамурский край и захотят взять Сибирь»²⁹². Однако священнослужителям так и не удалось купировать антивоенные настроения в обществе.

²⁸⁹ Васильев М.Г. Военные заметки // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 51. С. 1667.

²⁹⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 11.

²⁹¹ Васильев М.Г. Одна из пастырских обязанностей во время войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 36. С. 1009.

²⁹² Грозная нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 49. С. 1547.

Сельские учителя, также выступали в роли главных просветителей крестьянского населения в вопросах войны на Дальнем Востоке. Однако среди них часто встречались революционно настроенные лица. Так, из рапорта Новохоперского уездного исправника известно, что учитель церковно-приходской школы Петр Пискунов агитировал крестьян против войны с Японией говоря, что «не следует идти на войну, Государя Императора нужно сменить, как сменяют старшин и нужно помогать японцам, под властью которых крестьянам будет жить лучше, так как японцы не грабят крестьян землей»²⁹³. Особенно сильными были антивоенные настроения в среде рабочего класса и других городских жителей.

На фронте также начались брожения – голод, холод, тяжелые бытовые условия, низкий моральный уровень, а с Родины вместо патриотического призыва присылались прокламации с антивоенными и антиправительственными лозунгами. Сестра милосердия Н.В. Козлова вспоминала: «Работать нам приходилось не со своими врачами, а со случайными, и тот, который заведовал моим столом, перевязывая довольно серьезно раненного солдата и копаясь зондом в его ране, завел песню о том, как бесчеловечно посылать людей на войну, калечить их неведомо зачем»²⁹⁴. По ее словам, это был излюбленный многими врачами способ пропаганды.

Отдельные представители духовного сословия также были не довольны войной царского правительства за сферы влияния на Дальнем Востоке. Так, Николай Японский в мае 1905 г. в своем дневнике писал: «Русскому Правительству все кажется мало, и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Маньчжурией завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду»²⁹⁵.

В церковной периодической печати критиковалась излишняя самоуверенность и недалекость внешнеполитического курса власти: «Мы добродушно подсмеивались над пророчествами нашего замечательного мыслителя и философа Соловьева, заранее предчувствовавшего грозящую нам опасность, но по

²⁹³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 592. Л. 1.

²⁹⁴ Козлова Н.В. Под военной грозой. Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11. С. 533–562.

²⁹⁵ Дневник святителя Николая Японского. Т. V. СПб., 2004. С. 237.

свойственной нам беспечности ничего опасного для нас не видели. Мы оказались совершенно неподготовленными к предстоящей нам серьезной борьбе»²⁹⁶.

Таким образом, общее недовольство, охватившее все слои населения привело к тому, что война на Дальнем Востоке стала ненавистной. По словам Е.С. Сенявской, «представления о войне конкретизируются непосредственно пережитым и увиденным, а их основой становятся ежедневные тяготы, фронтовой быт, жертвы, участие в схватках с противником. Абстрактные патриотические идеи, хотя и сохраняются, все больше отодвигаются на второй план, особенно если не вполне ясен их смысл»²⁹⁷. Отсюда нежелание воевать на этой непонятной и ненавистной для русского солдата войне. «Я жалею, что поехал сюда, – писал в письме участник событий, – я теперь так же злостно настроен ко всему окружающему, да оно и понятно: я хоть не пострадал физически, но уже второй год страдаю материально, терпит и моя семья»²⁹⁸.

Русско-японский военный конфликт, одно из ключевых событий в истории России начала XX в., дорого обошелся государству. «Мирный Портсмутский договор... радость одних и безграничная печаль других», – говорилось в Воронежских епархиальных ведомостях²⁹⁹. Поражение русской армии явилось катализатором общественного напряжения в стране, которое довольно быстро переросло в революционное движение 1905–1907 гг.

Представители социал-демократической партии использовали войну с целью низвергнуть существующий режим, поэтому все военные неудачи царского правительства были им на руку, к тому же они всячески способствовали этому, рассылая листовки, устраивая стачки и всевозможные бунты. Один из участников войны, боевой офицер с осуждением писал: «Вы радовались нашим поражениям, рассчитывая, что они ведут вас к освободительным реформам. Вы систематически развращали прокламациями наших солдат, подрывая в них дисциплину и уважение к офицерам»³⁰⁰.

²⁹⁶ Грозящая нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 49. С. 1544.

²⁹⁷ Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 47–48.

²⁹⁸ Цит. по: Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб. 1906. С. 166.

²⁹⁹ Попов П., свящ. Наследие старого года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 70.

³⁰⁰ Цит. по: Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 167–168.

Общественное мнение как форма массового сознания во все времена представляло огромную силу, с которой государство вынуждено было считаться. Особенно в исследуемый период, когда любой, даже самый незначительный, эпизод мог явиться движущей силой народного возмущения. Как справедливо заметил современник происходящего священник Павел Попов, «разбуженное громом пушек Дальнего Востока, русское общество заметалось и как ошалелое бросилось в область политических авантюр»³⁰¹.

Таким образом, патриотический подъем на начальном этапе русско-японской войны и старания духовенства оправдать империалистические интересы власти на Дальнем Востоке, не принесли желаемых результатов. По мере участившихся поражений русской армии общее недовольство населения войной стало нарастать. Удаленность театра военных действий, антиправительственная и антивоенная пропаганда, экономический кризис, непонятные простому народу интересы войны и бесславное ее завершение, привели к полному неприятию провинциальным обществом внешнеполитического курса самодержавия и последующей политизации и радикализации настроений. В сложившейся ситуации духовенству стало еще сложнее поддерживать власть и патриотический дух в обществе, так как происходившие в империи негативных события в совокупности еще больше ослабили престиж РПЦ. Под влиянием указанных факторов в сознании народа произошло смещение политических, социальных и религиозных понятий результатом чего явилось открытое противостояние власти и общества.

2.2. Благотворительная работа священнослужителей и прихожан

С первых дней войны все слои населения Центрально-Черноземного региона приступили к активной благотворительной работе. Каждый, несмотря на свое материальное положение, старался поучаствовать в судьбе воинов, отправлявшихся на Дальний Восток защищать Родину. По словам корреспондента

³⁰¹ Попов П., свящ. Наследие старого года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 71.

Орловских епархиальных ведомостей, «нет ни одного человека ныне в России, который не стремился бы тем или иным путем отозваться на призыв родины и принести свою посильную жертву»³⁰².

Обязанности по контролю и сбору пожертвований на нужды действующей армии были возложены главным образом на церковь. Во всех храмах империи звучали лозунги духовенства к консолидации нации с целью победоносного завершения войны: «Сила наша в единстве. Нас никто никогда не победит, пока полуторамиллионный народ наш, как один огромный организм, управляемый одной главою, к одной цели направляет свои огромные, неразрозненные силы»³⁰³. Тамбовский епископ Иннокентий (Беляев) обращался к своей пастве со словами: «Когда одна часть сыновей отечества пошла на защиту его чести и достоинства своей грудью, своей кровью, другой, покинутой дома, остается всеми средствами способствовать успеху первой»³⁰⁴.

Священнослужители призывали население не стесняться размером своих приношений, так как в «благое дело даже и малое пожертвование имеет большое значение»³⁰⁵. При этом помощь принималась в самом разнообразном виде: рожью, холстом, теплыми вещами. Так, от причта и прихожан Успенской церкви города Орла было пожертвовано: «8 пар валенок, 18 пар кожаных сапог, 26 бумазейных рубашек, 28 цветных кальсон, 10 вязаных фуфаяк, 15 вязаных шерстяных сорочек, 1 тулуп, 7 полушубков, 38 пар чулок, 4 пары носков, 21 пара шерстяных перчаток, 1 ситцевая рубашка, 2 полотенца и 1 ситцевый платок»³⁰⁶.

Существовала традиция отправлять на фронт небольшие подарки в виде сахара или чая с письмами от родных. По сведениям Тамбовского губернатора, полкам 55-й и 72-й дивизий 6-го Сибирского Армейского Корпуса «была

³⁰² Пастырь церкви во время войны // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 179.

³⁰³ Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 13. С. 615.

³⁰⁴ Речь преосвященного Иннокентия, Епископа Тамбовского, по освящении тамбовского лазарета для раненых воинов // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 45. С. 1339.

³⁰⁵ Поучение второе // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 19. С. 487.

³⁰⁶ Сведение о вещевых пожертвованиях на нужды военного времени, поступивших в канцелярию Его Преосвященства // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 51. С. 583.

отправлена масса пожертвований, состоящая из чая, сахара, кренделей, ветчины, мыла, табака и прочих предметов»³⁰⁷.

Выполняя свои прямые обязанности, православная церковь непрестанно молилась о «даровании славных побед русскому воинству». Церковно-государственной инициативой становится обнародование «Высочайшего Манифеста о войне России с Японией». Во всех епархии он был прочитан в городских и сельских церквях, и сопровождался многочисленными молебнами³⁰⁸.

Общественно-патриотическая деятельность церкви проявилась в оказании большой материальной и физической помощи фронту. В определении Святейшего Синода от 28 января 1904 г. за № 398 предписывалось «препроводить в распоряжение Главного Управления Российского общества Красного Креста на санитарные нужды действующей на Дальнем Востоке армии сто тысяч рублей из имеющихся в распоряжении Святейшего Синода сумм, и пригласить к пожертвованиям на санитарные нужды действующей армии как церкви и приходское духовенство, так в особенности лавры, и прочие монастыри»³⁰⁹. Также Святейший Синод призывал петербургское и московское епархиальное начальство принять самое активное участие «в деле призрения»³¹⁰.

Церковь предоставила немалые средства для лечения больных и раненых воинов, возвращавшихся домой с театра военных действий. В монастырях и духовных учебных заведениях были отведены специальные помещения под госпитали, причем содержание и лечение нижних чинов производились на средства духовного ведомства. Так, из рапортов, хранящихся в фондах ГАТО известно, что настоятель Саровской пустыни, игумен Иерофей, выделил 130 мест для лечения больных и раненых воинов: 30 человек были размещены в больнице, а 100 – в трапезной монастыря³¹¹. Сезеновский Иоанно-Казанский женский монастырь Лебедянского уезда заготовил 40 кроватей, из которых 10 для больных и 30 для

³⁰⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 85.

³⁰⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Л. 1.

³⁰⁹ Определение Святейшего Синода от 28 января 1904 года за № 398 // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 144.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 45.

выздоровливающих³¹². Кирсановский Александро-Невский монастырь предоставил 15 мест, Усманский Софьинский женский монастырь – 25 кроватей, а больница при духовной семинарии – 20 коек³¹³.

Монахи, жертвовали денежные суммы, теплую одежду, продукты питания. В 1904 г. в Тамбовской епархии сестрами пятнадцати женских монастырей было изготовлено 16 тысяч верхних форменных рубах для мобилизуемых войсковых частей. За два летних месяца сшито 11152 рубашки³¹⁴. Причем пошив военной формы осуществлялся за счет пожертвований монастырей и жителей губернии.

Довольно крупные денежные суммы поступали от монастырей и могли достигать нескольких тысяч рублей, в зависимости от материального достатка обители. Так, правление Митрофанова монастыря Воронежской губернии в апреле 1904 г. пожертвовало на санитарные нужды армии 5000 рублей³¹⁵. А монахи Курской Знаменской обители в 1905 г. выделили 1000 рублей на усиление флота³¹⁶.

В январе 1904 г. епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев), выступил с инициативой о сборе пожертвований на военные нужды, и один из первых внес денежную сумму в размере 200 рублей³¹⁷. В Воронежской епархии в апреле того же года архиепископ Воронежский и Задонский Анастасий (Добрадин) пожертвовал 1500 рублей на санитарные нужды армии³¹⁸.

В Тамбовских епархиальных ведомостях описывается патриотический поступок священника Дмитрия Соколова, который представил правящему архиерею на военные нужды 56 рублей, собранных духовенством Кирсановского округа. Священнослужители воспользовались семейным праздником, как средством «для высокого, доброго и святого дела посильной помощи Родине от

³¹² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 60.

³¹³ Там же. Л. 62; 64; 66.

³¹⁴ Пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 32. С. 683.

³¹⁵ По 15 апреля 1904 г. от церквей и духовенства епархии поступило пожертвований на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 141.

³¹⁶ ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 314. Л. 12; Курские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 239.

³¹⁷ Пожертвования на нужды действующей армии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 151.

³¹⁸ По 15 апреля 1904 г. от церкви и духовенства епархии поступило пожертвования на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 141.

своих скудных средств»³¹⁹. Этот высоконравственный жест священнослужителя был высоко оценен архиереем и прихожанами.

С началом военных действий представители всех степеней церковной иерархии от епископов до псаломщиков стремились жертвовать в пользу фронта. Так, дьякон села Шехмановки, Козловского уезда, Тамбовской губернии Андрей Некрасов пожертвовал 15 рублей в помощь фронту³²⁰. Псаломщик села Бутырок, Липецкого уезда, Иван Боголюбов отдал 20 рублей³²¹. При том что годовой доход сельского дьякона в России в начале XX в. составлял в среднем 100–150 рублей в год, а у псаломщика и того меньше, то указанные денежные суммы приравнивались в среднем к двух-трехмесячному заработку священнослужителей. Эти примеры являются ярким свидетельством того, что духовенство исследуемого региона не только призывало население к благотворительной деятельности, но и само отдавало зачастую последние сбережения на нужды российской армии. Как показало исследование в среде духовного сословия на протяжении всей войны наблюдался высокий уровень патриотизма.

Жены городского и сельского духовенства, не отставая от мужей, приняли самое деятельное участие в благотворительности. В своих домах они организовывали своеобразные мастерские по изготовлению белья и верхней одежды для раненых и больных нижних чинов. Материалы и холсты приобретались женщинами за счет добровольных пожертвований населения³²².

В благородном деле помощи фронту принимали участие все церковным приходом. При этом суммы таких пожертвований доходили до нескольких сотен рублей. К примеру, весной 1904 г. в городе Богучар Воронежской епархии на санитарные нужды армии отчисления из причтового капитала Троицкого собора составили 400 р.³²³. А от причта и прихожан села Песчаного Обоянского уезда

³¹⁹ Пожертвования на нужды действующей армии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 153.

³²⁰ Пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 421.

³²¹ Пожертвования на нужды действующей армии // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 25. С. 502.

³²² Мясищев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 351.

³²³ По 15 апреля 1904 г. от церквей и духовенства епархии поступило пожертвований на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 140.

Курской губернии на санитарные потребности армии было выделено 59 рублей, 1100 аршин холста, 75 полотенец, 23 рубашки³²⁴.

От Воронежского Епархиального свечного завода поступила в апреле 1904 г. крупная денежная сумма в размере 2000 р.³²⁵. Воспитанники духовных семинарий стремились оказывать посильную помощь фронту и открывали среди учащихся, по классам, подписку на разные военные нужды³²⁶. К марту духовенством и старостами церквей города Тамбова было собрано 4525 р., а учениками духовной семинарии около 200 р.³²⁷.

По сведениям старосты города Спасска Тамбовской губернии, деятельность земских начальников по сбору пожертвований, как деньгами, так и вещами в пользу местного Комитета Красного Креста заслуживала большой похвалы. Полиция также немало содействовала в этом направлении³²⁸.

В Орловскую Духовную Консисторию в первые месяцы военных действий поступила крупная денежная сумма в размере 3568 р. 41 к. собранная духовными учреждениями города на санитарные нужды армии³²⁹. Этот щедрый жест был высоко оценен императрицей Марией Федоровной, которая отправила в губернию благодарственную телеграмму³³⁰.

В ходе войны возникали новые требования, такие как устройство прачечных, постройка барачных и лазаретов, закупка лошадей, мулов, повозок для обозов, что в значительной степени повышало сумму расходов на фронтовые нужды. В связи с этим государством было принято решение упорядочить процесс сборов пожертвований и заготовочной деятельности для армии и флота. Во всех окружных и местных управлениях создавались специальные исполнительные комиссии из избранных управленцами членов. К участию в них приглашались члены

³²⁴ Пожертвования на санитарные и военные потребности на Дальнем Востоке // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 240.

³²⁵ По 15 апреля 1904 г. от церквей и духовенства епархии поступило пожертвований на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 8. С. 142.

³²⁶ Пожертвования воспитанников Тамбовской духовной семинарии на военные нужды // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 9. С. 232.

³²⁷ К событиям на Дальнем Востоке // Церковные ведомости. 1904. № 11. С. 394–405.

³²⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 38-об.

³²⁹ Пожертвования на санитарные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Орловские епархиальные ведомости. 1904. № 12. С. 129.

³³⁰ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 2523. Л. 3.

губернских земских управ, городские головы, купеческие старосты и представители духовного сословия.

В тех уездных городах, где местные комитеты еще не были открыты, инициативу взяли на себя предводители дворянства. В волостях, при содействии местных помещиков и священства, создавались волостные попечительства Красного Креста. Число подобных общественных учреждений, к началу войны составляло 460, и со временем быстро увеличивалось, – говорилось в Летописи войны с Японией³³¹.

В качестве контролирующего органа за процессом сбора пожертвований, исполнительной комиссией был образован особый наблюдательный комитет. А выработанные им «Временные Правила» деятельности, одобрены и утверждены главной покровительницей общества императрицей Марией Федоровной³³². Подобные наблюдательные комитеты создавались и в провинции в связи с тем, что приток пожертвований и местная заготовительная деятельность приобрели широкий размах.

Во избежание путаницы был установлен особый порядок приема и направления пожертвований. Суммы, поступавшие на усиление военного флота, направлялись в распоряжение Высочайше утвержденного комитета по усилению военного флота; средства, жертвуемые на больных и раненых воинов, находящихся на попечении Российского общества Красного Креста, поступали в ведение главного управления общества; пожертвования, предназначенные для семейств убитых и раненых воинов, направлялись в распоряжение Александровского комитета о раненых³³³.

В Тамбовской епархии все пожертвования за исключением кружечного сбора Российского Красного Креста и приходских сборов на посылки воинам, направлялись в Тамбовскую духовную консисторию, во избежание недоразумений, тормозящих отправку собранных сумм в кассу Главного Управления.

³³¹ Летопись войны с Японией. 1904. № 5. С. 82.

³³² Там же.

³³³ О порядке направления денежных пожертвований, поступающих по поводу событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 9. С. 138.

Одной из форм благотворительной работы было снабжение воинских чинов книгами. С этой целью, по распоряжению центральных комитетов грамотности было учреждено особое бюро для обеспечения необходимой литературой госпитали и штабы действующей армии. При этом бюро приобретало только ту литературу, которая была одобрена Главным Штабом. Отобранные книги упаковывались в особые пакеты-бандероли, по 9–10 экземпляров в каждом, и распределялись по вагонам. Представители комитетов грамотности лично контролировали раздачу доставленных книг, журналов, газет частично в Москве, а главным образом в Пензе и Самаре³³⁴.

Во всех губерниях империи открывались кружечные сборы. Положительной особенностью этого мероприятия было отсутствие фиксированной суммы, поэтому каждый мог самостоятельно определяться с размером пожертвования. Так, в мае 1904 г. от священника села Борщовки, Тамбовского уезда, Александра Троицкого поступила денежная сумма в размере 2 р. 68 к.³³⁵. А священник села Ерофеевки, Тамбовского уезда, Николай Скрижалин пожертвовал на нужды действующей армии 20 р. 70 к.³³⁶. Всего в мае 1904 г. в Тамбовской епархии в результате кружечного сбора было собрано 281 р. 9 к.³³⁷.

Довольно часто провинциальное население отдавало в помощь фронту достаточно крупные суммы. Причем среди таких благотворителей можно было встретить представителей различных социальных слоев как крестьян, так и лиц дворянского происхождения. К примеру, жительница Воронежской губернии Е.Н. Ключкова выделила в пользу семейств Воронежского санитарного отряда Красного Креста 1000 р.³³⁸. А крестьянин Московской губернии пожертвовал 56 фунтов мелкой медной старинной монеты, которая поступила в продажу в складе³³⁹.

³³⁴ Летопись войны с Японией. 1904. № 7. С. 132.

³³⁵ Пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 421.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Отчет о поступивших в Воронежскую Городскую Управу пожертвованиях в пользу семейств Воронежского санитарного отряда Красного Креста в случае смерти или неспособности к труду по возвращении с театра войны, с 12-го февраля по 2 марта включительно // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 272.

³³⁹ Летопись войны с Японией. 1904. № 7. С. 131.

Кроме денежных сумм приношения от населения поступали вещами и предметами первой необходимости. Люди отдавали одежду, ткани, полотенца, постельное бельё, иконы, церковные книги и многое другое. Для укрепления морального и боевого духа солдат Дамскими Комитетами заготавливались и передавались в действующую на Дальнем Востоке армию небольшие подарки. Так, в Моршанске в 1904 г. из общего городского бюджета на подарки воинам было выделено 1203 р. 94 к.³⁴⁰.

Раненых и больных с фронта отправляли на лечение в тыловые губернии в специальных санитарных поездах, которые были хорошо обустроены, чтобы воинские чины ни в чем не нуждались. «В санитарных поездах, богато обставленных, нет недостатка, так же, как и в добрых людях, отдававших свои силы, покой, здоровье, готовых положить и души свои за спасение раненых воинов», – говорилось в провинциальной периодической печати³⁴¹. Из материалов РГИА известно, что из Тамбова был снаряжен и отправлен в места боевых действий один поезд, а из Воронежа и Орла по три состава³⁴².

На Дальнем Востоке, в столице и на периферии открывались госпитали и лазареты. По дошедшим до нас сведениям, в течение двух месяцев с момента открытия военных действий на фронте успешно действовали 10 госпиталей «Красного Креста», 6 летучих отрядов, 6 этапных лазаретов и два санитарных поезда, снаряженных «Красным Крестом», и госпитальное судно «Монголия»³⁴³. Как отмечал очевидец событий военный корреспондент И.К. Шахновский: «Лазареты были прекрасно снабженные всем необходимым для принятия бойцов»³⁴⁴.

В городах Тамбовской губернии обществами и частными лицами были устроены лазареты для эвакуированных с фронта офицеров и нижних чинов более

³⁴⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 14-об.

³⁴¹ Слово в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 416.

³⁴² РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 196.

³⁴³ Летопись войны с Японией. 1904. № 5. С. 82.

³⁴⁴ Шахновский И.К. Желтая туча (12 месяцев войны с Японией). Дневник корреспондента. М., 1905. С. 49.

чем на 250 кроватей. При этом, лечение и содержание больных до выхода из медицинского учреждения осуществлялось за счет пожертвований населения³⁴⁵.

По инициативе епископа Иннокентия (Беляева) Тамбовским Отделом Красного Креста был открыт лазарет для раненных на фронте воинов. Причем правящий архиерей лично взялся за содержание на свои средства койки имени А.Н. Куропаткина³⁴⁶. В Курской губернии начали работу Отдел помощи войнам на Дальнем Востоке и лазарет для больных и раненых имени императрицы Александры Федоровны, в котором к ноябрю 1905 г. находилось 342 нижних чина³⁴⁷.

При земских и городских больницах по распоряжению местной власти действовали медицинские курсы для подготовки сестер милосердия. Туда принимали «девушек вполне здоровых, не моложе 21 года, хорошо грамотных и по своему развитию способных усвоить программу обучения. Принимаемые на курсы, получали помещение, содержание и форменное платье от земств»³⁴⁸. Подобные учреждения действовали во всех губерниях Центрального Черноземья.

Открытие краткосрочных подготовительных курсов в Курске состоялось 10 апреля 1904 г. При этом слушательницы лекций были допущены к практическим занятиям по уходу за больными в Губернской Земской больнице. Общество врачей города Курска изъявило желание принять участие в чтении лекций, и для занятий курсисток уступило зал заседаний³⁴⁹.

В 1905 г. Курско-Знаменской Общиной было откомандировано на Дальний Восток девять сестер милосердия, которые согласно телеграмме Главнокомандующего маньчжурской армией генерал-адъютанта Куропаткина, работали самоотверженно и с большой для армии пользой³⁵⁰.

В столице объединяющим органом Красного Креста становится Особый комитет, под председательством великой княгини Елизаветы Федоровны. С

³⁴⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 85–85-об.

³⁴⁶ Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого, Тамбовской Духовной Консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 43. С. 960.

³⁴⁷ Обзор Курской губернии за 1905 г. Курск, 1906. С. 88.

³⁴⁸ Объявление // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 15. С. 394.

³⁴⁹ Обзор Курской губернии за 1904 г. Курск, 1905. С. 74.

³⁵⁰ Там же.

началом русско-японской войны она, пользуясь своим богатым опытом в сфере благотворительности, организовала работу по сбору пожертвований для нуждающихся на Дальнем Востоке солдат, своим примером великая княгиня вдохновила женщин из различных социальных слоев поддержать воюющую русскую армию. В больших городах образовывались волонтерские мастерские, где собирались россиянки самых разнообразных званий и состояний и занимались шитьем белья и других принадлежностей, необходимых для фронта³⁵¹.

По ходатайству Елизаветы Федоровны больные и раненые воины были бесплатно размещены в пределах Московского военного округа у частных лиц, желающих принять их на свое попечение³⁵². И если монастыри и прочие духовные учреждения уже отдали свои помещения для раненых, то население по возможности начинает отдавать дома для размещения в них медицинских учреждений. К примеру, жительница города Спасска Тамбовской губернии, Н.И. Сатина проявила патриотизм и предоставила свои домовые помещения для устройства местного лазарета, в котором на полном попечении владелицы разместилось 15 человек нижних чинов и 5 офицеров³⁵³. А доктор Гамрат Николай Николаевич, служащий на Московско-Казанской железной дороге, предложил безвозмездно свои услуги³⁵⁴.

Таким образом, все население Российской империи стремилось поучаствовать в благом деле помощи фронту. По словам современников, «в обществе развилось благородное соревнование в святом деле милосердия»³⁵⁵. «Сегодня у всех и для всех первая нужда: скорейшее и благополучное окончание войны», – отметил Елатомский городской голова в отчете Тамбовскому губернатору³⁵⁶.

³⁵¹ Мясичев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 7. С. 2319.

³⁵² Отношение Особого Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке, на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 29. С. 601.

³⁵³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 38.

³⁵⁴ Там же. Л. 38-об.

³⁵⁵ Слово в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 416.

³⁵⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 67.

Из материалов ГАТО известно, что «за 1904 г. от дворянского сословия губернии поступило 175000 р., от земств – 160000 р., городскими и мещанскими обществами было собрано 47000 р., землевладельцами и должностными лицами правительственных учреждений выделено 24000 р.»³⁵⁷.

По сведениям Воронежской Казенной Палаты, поступившие в казначейство губернии пожертвования от разных учреждений составили 83932 р. 11 к., от дворянских имуществ – 9277 р. 12 к.³⁵⁸.

От монастырей и духовенства Курской губернии в течение 1904 г. в кассу местного управления Красного Креста было внесено 29226 р. 43 к., пожертвования частных лиц и учреждений составили – 25682 р. 87 к., отчисления церковного и кружечных сборов – 1411 р. 91 к.³⁵⁹.

Представители светской власти и РПЦ оказывали всевозможную поддержку семьям, погибших и получивших на войне увечья нижних чинов. Вдовы и сироты получали денежные пособия и продовольствие, инвалидам и тяжелораненым воинам государство выдавало материальную помощь. Так, детям, чьи отцы погибли на фронте, Городской Думой назначалась ежегодная стипендия в размере 50 рублей в среднем учебном заведении. Указанная материальная помощь выплачивалась до совершеннолетия ребенка³⁶⁰. В Тамбовской губернии Лебедянская уездная земская управа на протяжении всей войны выделяла пособия на продовольствие семьям запасных нижних чинов, призванных на действительную службу³⁶¹. В городе Моршанске в течение 1904 г. 83 семьи получили денежные суммы в размере 16 р. 33 к., а всего за год органами местного управления было выплачено 1355 р. 20 к.³⁶².

Социальной работой по оказанию помощи семьям погибших и раненых занимались главным образом губернские органы местного самоуправления.

³⁵⁷ Цит. по: Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Благотворительная деятельность населения Центрально-Черноземных губерний в период русско-японской войны // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2014. Вып. 31. № 15 (186). С. 123–127; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 84-об.

³⁵⁸ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 652. Л. 5–6.

³⁵⁹ Обзор Курской губернии за 1904 г. Курск, 1905. С. 75–76.

³⁶⁰ См.: Ковалева М.Г. Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): дис. ...к. ист. н. Белгород, 2006. С. 143.

³⁶¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 21-об.

³⁶² Там же. Л. 12-об.

Однако представители духовенства в свою очередь проделали немалую работу в области призрения. Так, 209 монастырей по 27 епархиям изъявили готовность принять 1300 сирот, 116 монастырей согласились произвести единовременную оплату на обучение сирот, причем некоторые из указанных монастырей предложили дать «призреваемым» среднее образование в духовных семинариях³⁶³.

Важной социальной организацией, оказывающей содействие пострадавшим во время войны и их семьям, было Воинское благотворительное общество Белого Креста, которое состояло под покровительством Великого Князя Михаила Александровича. Оно заботилось о воинах, получивших увечья на фронте, а также о вдовах и сиротах. По инициативе общества, согласно определению Святейшего Синода от 4 февраля 1905 г. за № 581, в церквях всех епархий империи планировался сбор пожертвований в пользу вдов и сирот воинов русской армии в 1906 г., 1907 г. и 1908 г. в праздник Богоявления (6 января)³⁶⁴.

Согласно архивным данным, в 1905 г. Воронежским губернатором был получен переводной чек государственного банка на сумму 1270 р. для срочного распределения между увечными нижними чинами. В прилагаемом списке значилось 13 человек, а материальные средства распределялись в зависимости от тяжести увечья. В итоге из указанной суммы было выдано 1080 р., так как двое не получили пособие «за нерозысканием»³⁶⁵.

В 1905 г. начал свою работу Алексеевский главный комитет по призрению детей солдат, офицеров и военных священников, погибших или пропавших без вести в русско-японскую войну. Он находился под покровительством императрицы Марии Федоровны, главой был назначен член Государственного Совета П.П. Семенов-Тян-Шанский. Туда также вошли представители от ведущих министерств и в том числе от Святейшего Синода.

На местах формировались уездные и губернские комитеты, но в большинстве случаев забота о сиротах возлагалась на земские и городские учреждения, в

³⁶³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 88–91.

³⁶⁴ От Воронежской Духовной Консистерии // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 303.

³⁶⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1056. Л. 2; 3; 37.

распоряжение которых поступали из казны необходимые средства. Так, из отчета Воронежской Казенной Палаты известно, что на нужды семейств убитых и раненых воинов в 1904 г. было пожертвовано 1975 р. 24 к. Наиболее крупные суммы поступили из Воронежского и Богучарского казначейств³⁶⁶.

Государство, церковь и общество старались своевременно оказывать как материальную, так и психологическую поддержку семьям призванных на фронт солдат. Однако механизм оказания социальной помощи был до конца не отрегулирован, запутан и не лишен бюрократизма. Для получения пособия родственникам, необходимо было предоставить подтверждающий документ, что для некоторых семей являлось проблемой, так как документы могли затеряться, а раненый умереть, так и не придя в сознание. О халатном отношении к делу отчетности, поступивших на перевязочный пункт раненых, писала в своих воспоминаниях сестра милосердия Н.В. Козлова: «Часто попадали раненые в наши тыловые госпитали без всяких документов и в случае беспамятства так и умирали неизвестными. Мы не знали, куда дать знать об их смерти. В частях же их, верно, ставили в рубрику пропавших без вести, а это имело существенное значение для пенсии семей»³⁶⁷.

В первые месяцы войны в силу небывалого патриотического подъема, наблюдался значительный приток пожертвований. Находились лица, отдававшие на нужды армии довольно крупные суммы. По словам корреспондента Воронежских епархиальных ведомостей, «с началом войны на Дальнем Востоке от жителей губернии постоянно поступали обильные денежные пожертвования на самые разнообразные нужды военного времени»³⁶⁸. Согласно дошедшим до нас сведениям, 14 июня 1904 г. епископом Тамбовским был получен рескрипт от Его Императорского Высочества Государя Наследника Великого Князя Михаила

³⁶⁶ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 652. Л. 5.

³⁶⁷ Козлова Н.В. Под военной грозой. Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11. С. 533–562.

³⁶⁸ О порядке направления денежных пожертвований, поступающих по поводу событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 9. С. 138.

Александровича с благодарностью за пожертвование в 10000 рублей на усиление флота³⁶⁹.

Но частые поражения, слухи о больших потерях наших войск, повсеместная антивоенная агитация представителей радикальных партий привели к недовольству населения внешнеполитическим курсом власти. Непопулярность войны в среде провинциального населения способствовала сокращению притока пожертвований. В некоторых селах исследуемого региона крестьяне наотрез отказывались помогать фронту, ссылаясь на отсутствие денег³⁷⁰. Так, в Воронежской губернии в слободе Ольховатка Острогожского уезда зафиксированы случаи нежелания местного населения жертвовать на нужды войны. Причиной этому послужило одно обстоятельство. Запасный писарь Григорий Митрофанович Чугупал, назначенный на классную должность служащего в Интендантское Управление Маньчжурской армии при городе Харбине, исправно присылал своей семье крупные суммы денег. Этот факт породил среди местного населения подозрения о процветающем взяточничестве чиновников на Дальнем Востоке³⁷¹. «Вот куда идут наши деньги, а не на добрые дела» – говорил один из жителей села³⁷².

К тому же война сильно отразилось на экономическом положении населения. Липецкий городской голова в докладе Тамбовскому губернатору писал: «Цены на предметы продовольствия стояли повышенные, в торговле наблюдался прогрессирующий упадок»³⁷³. Елатомский городской голова указывал на серьезные материальные трудности: «Имевшийся запас городских денежных средств мало-помалу таял, значительного притока не было, да и не предвиделось»³⁷⁴.

При этом 1905 г. по сравнению с 1904 г. в силу целого ряда климатических факторов был неурожайный, что также повлияло на экономическое положение, и отразилось на размерах пожертвований. Согласно данным представленным в

³⁶⁹ Рескрипт Его Императорского Высочества Государя Наследника Великого Князя Михаила Александровича на имя Его Преосвященства Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 26. С. 521.

³⁷⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 135. Л. 15.

³⁷¹ Там же. Л. 21.

³⁷² Там же.

³⁷³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 15.

³⁷⁴ Там же. Л. 66-об.

«Обзорах за 1905 г.» в Воронежской губернии повсюду наблюдалось повышение цен, в особенности на картофель, просо, рожь, ржаную муку, ячмень и овес. Вследствие недостатка кормов значительно сократилось и количество скота³⁷⁵. В сельскохозяйственном отношении 1905 г. оказался весьма неблагоприятным для населения Курской губернии. Сложившиеся экономические условия вызвали заметное напряжение платежных сил крестьян, на благосостояние которых в значительной степени повлияло и начавшееся аграрное движение³⁷⁶.

Таким образом, неурожай, неудачи военных действий и революция явились причиной общего безденежья, что безусловно, отразилось на объемах и размерах пожертвований. На Рисунке 1 наглядно показано как изменялись суммарные размеры денежных взносов по месяцам за период русско-японской войны 1904–1905 гг. в Тамбовской и Воронежской губерниях. При детальном рассмотрении полученных данных было установлено, что наиболее высокие суммы пожертвований в обеих епархиях пришлись на март, апрель, май 1904 г. Похожая тенденция наблюдалась и в других губерниях Центрального Черноземья.

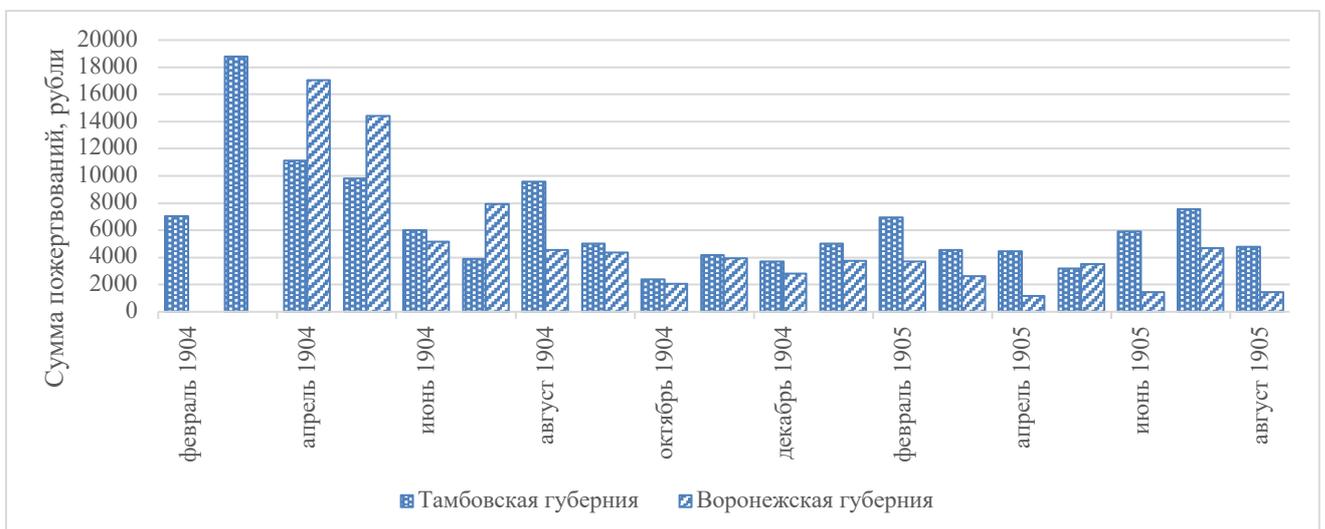

Рисунок 1 – Изменение ежемесячных денежных поступлений на нужды действующей армии за период русско-японской войны 1904–1905 гг.³⁷⁷

³⁷⁵ Обзор Воронежской губернии за 1905 г. Воронеж, 1906. С. 3–18.

³⁷⁶ Обзор Курской губернии за 1905 г. Курск, 1906. С. 7.

³⁷⁷ Составлено по: Тамбовские епархиальные ведомости. 1904; Тамбовские епархиальные ведомости. 1905; Воронежские епархиальные ведомости. 1904; Воронежские епархиальные ведомости. 1905.

Анализ процесса поступления денежных средств в помощь фронту показал, что на начальном этапе войны взносы населения в два, а то и в три раза превышали суммы пожертвований на заключительном этапе военных действий. В Таблице 7 представлено распределение размеров пожертвований, вносимых населением Воронежской губернии с 15 апреля по 1 мая 1904 г. и с 15 августа по 1 сентября 1905 г. Разница между денежными взносами в первые и последние месяцы русско-японской войны составила 2036 р. 15 к.³⁷⁸.

Таблица 7 – Распределение сумм пожертвований в Воронежской губернии³⁷⁹

Период	На санитарные нужды армии	На усиление флота	На больных и раненых воинов	Итого
15. 04. 1904 – 01. 05. 1904	1753 р. 31 к.	354 р. 58 к.	742 р. 10 к.	2849 р. 99 к.
15. 08. 1905 – 01. 09. 1905	470 р. 14 к.	127 р. 8 к.	216 р. 62 к.	813 р. 84 к.

В Тамбовской губернии средства, поступившие в духовную консисторию в самом начале Дальневосточной кампании, были приблизительно в два раза больше, чем в конце³⁸⁰.

Таким образом, с началом боевых действий на Дальнем Востоке в Центрально-Черноземном регионе развернулась большая благотворительная работа. Все слои населения стремились принять участие в благородном деле помощи фронту. В губерниях создавались специализированные комитеты и общества, действовали представительства Красного Креста, велись кружечные сборы. Большой объем работы был возложен на РПЦ, которая предоставила все свои ресурсы в помощь общему делу борьбы с неприятелем. В монастырях учреждались госпитали и лазареты, представители духовного сословия, от епископов до дьяконов, щедро жертвовали на нужды армии и флота, в храмах не умолкали молитвы о скорейшем и благополучном завершении войны.

³⁷⁸ Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 153–158; Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 438–442.

³⁷⁹ Составлено по: Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 153–158; Воронежские епархиальные ведомости. 1905. № 18. С. 438–442.

³⁸⁰ Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 12, № 13, № 17, № 21; Там же. 1905. № 31, № 35.

Однако регулярные поражения и большие потери, которые несла русская армия, явились причиной непопулярности войны среди провинциального населения и способствовали нарастанию социального протеста. Ситуацию усложнял экономический кризис, вызванный войной, неурожаем и массовыми беспорядками в стране. Следствием этого явилось повсеместное повышение цен, что сильно отразилось на материальном положении крестьянских семей. В результате военных неудач, начавшейся революции и значительного понижения уровня жизни, провинциальное общество окончательно перестало верить в целесообразность ведения боевых действий на Дальнем Востоке, что в итоге привело к заметному снижению объемов благотворительных взносов в последние месяцы русско-японской войны.

2.3. Представители православного духовенства Центрально-Черноземных епархий на фронтах русско-японской войны

Военное духовенство, как особая категория священнослужителей, возникло в результате взаимодействия двух важных государственных институтов – церкви и армии. Подчиняясь военному ведомству и разделяя со своей паствой все тяготы армейского и флотского быта, оно строго следовало церковным законам, выполняя основополагающую задачу – духовного «окормления» и нравственного воспитания военнослужащих как в мирное время, так и в условиях боевых действий.

Присутствие представителей культа в войсках практиковалось с давних времен, но исторически институт военного духовенства в русской армии начал формироваться в эпоху Петра Великого (1682–1725), одновременно с реформированием армии и созданием флота. Для духовно-нравственного окормления воинских чинов потребовалось военно-религиозное учреждение. Как указывал исследователь И.К. Смолич: «Военный устав 1716 г. и Устав морской службы 1720 г. детально описывают обязанности священников, придаваемых полкам в случае войны. Один из указов 1719 г. урегулировал вопросы управления

и служебного надзора: в армии назначался обер-священник, во флоте обер-иеромонах»³⁸¹.

Окончательно институт военного духовенства в вооруженных силах Российской империи оформляется в конце XIX в., приобретая четкую иерархическую структуру с главным управляющим органом – Ведомством протопресвитера армии и флота. В статье «Православное духовенство Центрально-Черноземных губерний на фронтах русско-японской войны»³⁸² отмечено: «Во главе ведомства стоял протопресвитер военного и морского духовенства, ему подчинялись главные священники, которые находились при штабах военных округов и армий и приравнялись по своему статусу к званию полковника. Самую многочисленную группу представителей военного духовенства составляли полковые, госпитальные и тюремные священнослужители, их должность соответствовала в армии званию капитана»³⁸³.

По словам исследователя данной проблемы А.В. Дробышева, «для военных и государственных нужд сложившееся управление полковым и флотским духовенством, поставленное в зависимость от Военного министра, являлось более удобным, чем децентрализованное, разбитое по епархиям и не согласованное с нуждами командования»³⁸⁴.

К началу XX в. Ведомство протопресвитера военного и морского духовенства включало 907 храмов, из них 12 соборов и 895 церквей. 569 лиц духовного звания: 106 протоиереев, 337 иереев, 2 протодиакона, 55 диаконов, 68 псаломщиков. Из перечисленных священнослужителей 29 закончили духовные академии, 438 – духовные семинарии, а 102 имели училищное и домашнее образование³⁸⁵.

Обязанности военного духовенства в мирное время и в период военных действий включали: совершении церковных обрядов и «священнодействий»,

³⁸¹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 382.

³⁸² Ледовских Е.А. Православное духовенство Центрально-Черноземных губерний на фронтах русско-японской войны // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (270). С. 104–108.

³⁸³ Там же. С. 105.

³⁸⁴ Дробышев А.В. Православная Церковь и русская армия в XIX веке: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2018. С. 46.

³⁸⁵ Древо. Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

поддержание на высоком уровне морального и патриотического духа военнослужащих, проведение нравственных бесед с личным составом, миссионерскую деятельность. В военное время священнослужители вместе со своими воинскими подразделениями отправлялись в места боевых действий, канонически они подчинялись епископам тех епархий, в пределах которых исполняли свои пастырские обязанности.

Невзирая на опасность и тяжелые бытовые условия священники ежедневно служили молебны, исповедовали, причащали, отпевали погибших. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас воспоминания участников русско-японской войны 1904–1905 гг. Так, дипломат и военный деятель А.А. Игнатъев, будучи очевидцем военных событий на Дальнем Востоке, писал: «На площади селения Хуаньшань, где штаб армии ночевал в первый раз, готовясь разбить врага, какой-то «здоровенного» вида батюшка служил перед громадной деревянной иконой богородицы непрерывные молебны о даровании победы. В промежутках между молебнами он отходил в сторону и под последним уцелевшим деревом отпевал убитых, которых приносили на носилках, покрытых серыми шинелями»³⁸⁶.

Выпускник Воронежской духовной семинарии, полковой священник 51-го Драгунского Черниговского полка Митрофан Сребрянский вспоминал, как ему приходилось отпевать офицеров и нижних чинов – «неизвестных героев», уже похороненных: «Тело покойного офицера завернуто в циновку и так закопано; гробов здесь негде взять. Я покрыл могилу ковровым платком, поставил на нее Евангелие, положил крест и вставил свечу. Окружили эскадроны могилу; я облачился...началось богослужение. Многие офицеры все время стояли на коленях, некоторые плакали, молились усердно...»³⁸⁷.

В дополнение к своим прямым обязанностям полковые священники оказывали посильную помощь медицинскому персоналу в госпиталях, занимались опознанием погибших и погребением усопших, сообщали семьям о потере

³⁸⁶ Игнатъев А.А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013. С. 362.

³⁸⁷ На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 7. С. 186.

близких. «Были и такие, которые взяли на себя труд поддерживать при помощи переписки нравственную связь и единение со своими прихожанами-воинами», – писал корреспондент Тамбовских епархиальных ведомостей³⁸⁸.

По свидетельствам современников, «кроме врачей, санитаров и сестер милосердия, есть еще и другие лица, которые не шадят своей жизни. Это – священники. С крестом они храбро идут впереди полка во время битвы, по окончании помогают перевязывать раненых и вообще не брезгают никакой работой»³⁸⁹. Митрофан Сребрянский в своем дневнике писал: «Каждый понимает, что под гром пушек и свист пуль многого не набеседуешь; тогда только благословение, краткая молитва два-три слова в утешение. А главное дело иерея переходит в лазареты, перевязочные пункты, поближе к бою, туда, где небо сходится с землею, и ангелы едва успевают брать души человеческие»³⁹⁰.

Сестре милосердия Н.В. Козловой на фронте пришлось стать свидетелем необычного события – совершения священнослужителем обряда венчания в самый разгар работы на перевязочном пункте. «В палатку вошли члены управления Красного креста и распорядились прекратить перевязки, – писала Н.В. Козлова. – Мы не верили своим ушам. Но что это было за ужасное впечатление! Точно от какого-то кощунства. После священник пошел в алтарь взять запасные дары, чтобы причастить раненого, пролежавшего на столе все время венчания...»³⁹¹. Сложно оценить поступок священнослужителя, так как причин, побудивших его на совершение таинства венчания в столь неподходящих условиях, могло быть несколько. Возможно, поступил приказ командования, за невыполнение которого грозило наказание. Нельзя исключать факт высокого денежного вознаграждения, обещанного священнику за совершение требы. Важно учесть и личное отношение автора к духовенству и православной церкви в целом, так как воспоминания и другие источники личного происхождения как правило не лишены

³⁸⁸ Васильев М.Г. Одна из пастырских обязанностей во время войны // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 36. С. 1012.

³⁸⁹ Наши пастыри на войне // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 42. С. 2065.

³⁹⁰ На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 26. С. 696.

³⁹¹ Козлова Н.В. Под военной грозой // Исторический вестник. 1913. Т. 134. № 11. С. 533–562.

субъективности. Указанные факты являются лишь подтверждением того, что представителям духовного сословия приходилось выполнять на фронте самую разнообразную работу.

На войне при непрекращающейся опасности и близости смерти эмоционально-психологическая поддержка для бойцов приобретала особую значимость. Как отмечала Е.С. Сенявская, «воином в бою руководят прежде всего ненависть к врагу, угрожающему родным очагам, чувство любви к отечеству, чувство долга. Чем устойчивее в нем все идеи об этом, тем сильнее волевой мотив»³⁹². В связи с этим главным долгом военных священников на фронте становилось укрепление мужества и патриотизма своей паствы.

Священнослужители ободряли и утешали раненых, вели нравственные и душеполезные беседы с личным составом, демонстрируя на собственном примере, любовь к Родине и уважение к власти. «27 августа – день для меня счастливый, – вспоминал полковой священник – я ездил в 5-й и 6-й эскадроны, также посетил 1-й и 2-й эскадроны. Везде подолгу беседовал с солдатами: просил их быть мужественными, терпеливыми, поддерживать друг друга и утешать себя тем, что удостоились защищать отечество»³⁹³.

По словам о. Георгия Шавельского, полкового священника 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка: «Чрезвычайно важно и ценно влияние священника на полк, даже его пребывание там, особенно в минуты опасности»³⁹⁴. Он констатировал и героическое поведение молодых офицеров в период обстрелов русских войск японской артиллерией: «Состояние духа войск у нас чудное, нет и в помине малодушия, которое проявляется в людях, смотрящих на войну, издали»³⁹⁵.

В фондах РГИА сохранился рапорт командира 273-го Дунайского полка, в котором он обращался к протопресвитеру с просьбой поскорее назначить им штатного полкового священника, так как «надобность в этом большая»³⁹⁶.

³⁹² Сенявская Е.С. Указ. соч. С. 55.

³⁹³ На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 9. С. 260–261.

³⁹⁴ Наши пастыри на войне // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 42. С. 2068.

³⁹⁵ Цит. по: Котков В.Н. Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии // Журнал московской патриархии. 1999. № 8. С. 63.

³⁹⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 182.

Командир сетовал на то, что некому совершать богослужения и требы в казарменной церкви, проводить в учебной комнате собеседования с личным составом³⁹⁷. Как отмечают исследователи, «полковое духовенство было молодо и энергично, знало дух армии, специфику службы в армии и способы духовно-нравственного влияния на паству. Многие из полковых священников пользовались в своих частях большой любовью и уважением»³⁹⁸.

Материальное положение военных пастырей было значительно выше рядовых епархиальных клириков, так как занимаемая ими должность соответствовала определенному офицерскому званию. А доходы армейского и флотского духовенства в боевой обстановке многократно отличались от средних показателей доходов священнослужителей уездного и даже губернского города. К примеру, из послужного списка иеромонаха 288-го пехотного Куликовского полка Моисея известно, что он получал жалование – 1080 р., порцион – 1080 р.³⁹⁹. Жалование судового священника Анатолия Георгиевича Куньева, служившего в русско-японскую войну на крейсере «Баян», составляло 684 р., добавочные – 366 р., а также ежемесячное морское довольствие – 72 р.⁴⁰⁰. Диакон церкви Воронежского дисциплинарного батальона получал в год содержание в размере 600 р., квартирных – 89 р.⁴⁰¹. Священник 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска отец Александр Сианский, выпускник Воронежской духовной семинарии, получал жалование – 1080 р. в год, и, сверх того, 150 р. квартирных⁴⁰². При том что средний доход приходского клирика составлял около 300 р., дьякона – 150 р. в год, а в бедных приходах и того меньше.

Таким образом, значимость института военных священников в Вооруженных силах Российской империи в начале XX в. заметно возросла. В то же время права армейского и флотского духовенства были во многом ограничены. Так, до 1905 г. представители духовного сословия не принимали участия в офицерских собраниях,

³⁹⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 182.

³⁹⁸ Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005. С. 122.

³⁹⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 110-об.

⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4638. Л. 239-об.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4547. Л. 53-об.

⁴⁰² Там же. Д. 4638. Л. 458-об.

их мнение не учитывалось в вопросе строительства воинских церквей. Накануне Первой мировой войны предполагалась реорганизация института военного духовенства, направленная на расширение полномочий армейских и флотских пастырей, но в связи с революционными событиями в стране реформа так и не была осуществлена.

С началом военных действий на Дальнем Востоке во всех губерниях империи развернулась большая мобилизационная работа, которая затронула и представителей духовного сословия. Причем процесс комплектования воинских частей священнослужителями имел свои особенности, так как некоторые представители духовного сословия уже состояли на службе в военном ведомстве, а остальные должны были прибыть из соответствующих епархий.

Из материалов РГИА известно, что с 1 января 1903 г. в Российской империи действовало новое мобилизационное расписание № 18. Накануне его вступления в силу Главный Штаб препроводил протопресвитеру военного и морского духовенства А.А. Желобовскому копии ведомостей военно-врачебных заведений и воинских частей, с указанием мест их формирования и количества подлежащих назначению в них священнослужителей. Причем для своевременного прибытия к местам службы, духовенство рекомендовалось направлять из тех епархий, в которых располагались воинские части⁴⁰³.

Протопресвитер военного и морского духовенства представил на рассмотрение в Святейший Синод рапорты с копиями ведомостей Главного Штаба. Обсудив донесение, Святейший Синод постановил епархиальным преосвященным распределить нужное количество священнослужителей в соответствующие воинские части и военно-врачебные заведения. При этом приоритет отдавался в первую очередь монахам, так как они были связаны обетом послушания, и в отличие от «белого духовенства» не имели семьи. На местах были составлены общие списки и переданы в окружные штабы для сообщения командирам частей.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 10; Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005. С. 128–129.

Епархиальным преосвященным предписывалось содержать вышеупомянутые списки в постоянной исправности, пополняя их по мере происходящих изменений в личном составе и немедленно сообщая об этом командованию⁴⁰⁴.

В Таблицах 8 и 9 показано из каких епархий Центрально-Черноземного региона, в какие населенные пункты и воинские подразделения были распределены духовные лица с объявлением мобилизации в 1904 г.

Таблица 8 – Распределение духовенства Центрально-Черноземных епархий в военно-врачебные заведения⁴⁰⁵

Наименование епархии	Число назначенных духовных лиц по каждой епархии	Наименование пунктов, в которые должны прибыть священнослужители	Число назначенных духовных лиц для каждого отдельного пункта	№ полевых подвижных госпиталей	№ пехотных дивизий, при которых состоят госпитали	Сроки, в которые священнослужители должны прибыть с объявлением мобилизации	Число священнослужителей, для которых каждая епархия должна приготовить необходимые церковные вещи
Воронежская епархия	12	Воронеж	2	243–244	56	7	12
		Воронеж	2	287–288	73	5	
		Воронеж	8	331–338	–	7	
Курская епархия	5	Киев	1	181	–	7	5
		Киев	4	194–197	–	8	
Орловская епархия	14	Орел	2	85–86	36	5	14
		Брест-Литовск	2	155–156	–	9	
		Брест-Литовск	10	165–174	–	9	
Тамбовская епархия	9	Тамбов	2	119–120	55	4	9
		Тамбов	2	285–286	72	5	
		Москва	5	226, 247–248, 251–252	–	11	

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 18; 26.

⁴⁰⁵ Составлено по: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 6–7-об.; 20–23; 98–99; 100–101.

Таблица 9 – Распределение духовенства Центрально-Черноземных епархий в воинские части⁴⁰⁶

Наименование епархии	Число назначенных священнослужителей	Военные округа и краткое наименование воинских частей и мест их расположения
Воронежская епархия	1	<u>Московский военный округ</u> 291-й пехотный Бобровский полк (Воронеж)
	1	292-й пехотный Пронский полк (Воронеж)
Тамбовская епархия	1	285-й пехотный Мценский полк (Тамбов)
	1	286-й пехотный Кирсановский полк (Тамбов)
	1	287-й пехотный Тарусский полк (Моршанск)
	1	288-й пехотный Куликовский полк (Моршанск)
	1	290-й пехотный Липецкий полк (Козлов)
Курская епархия	1	<u>Киевский военный округ</u> 271-й пехотный Львовский полк (Курск)
	1	272-й пехотный Корочанский полк (Курск)

Таким образом, всем назначенным священнослужителям следовало с объявлением мобилизации прибыть к местам службы в указанный срок: «по железным дорогам – 300 верст в сутки, водою – 100 верст, по почтовым и проселочным дорогам – 75 верст, а в распутицу – 50 верст в сутки»⁴⁰⁷. В дополнение к этому всем клирикам предоставлялось двое суток на устройство домашних дел, и одни сутки для сдачи должностных обязанностей⁴⁰⁸.

Согласно Приказу по военному ведомству от 1903 г. за № 493 на открывшиеся вакансии во вновь сформированные полки 55-й и 56-й пехотных резервных бригад с 1 января 1904 г., были назначены священнослужители. В Таблице 10 наглядно показано, что в исследуемом Центрально-Черноземном регионе к началу русско-японской войны было расквартировано семь запасных пехотных полков, пять из

⁴⁰⁶ Составлено по: РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 11-об.-12; 26-28-об.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 24; Котков В.М. Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005. С. 131.

⁴⁰⁸ Там же.

которых в Тамбовской губернии, два – в Воронежской, в каждом из них находился штатный священник.

Таблица 10 – Духовенство, назначенное в полки, расквартированные на территории Центрально-Черноземного региона⁴⁰⁹

Наименование полка	Место расположения полка	Штатный священник
<u>55-я пехотная резервная бригада</u>		
217-й пехотный Кромской полк	г. Тамбов	Петр Разумов
218-й пехотный Борисоглебский полк	г. Тамбов	Василий Слюнин
219-й пехотный Юхновский полк	г. Моршанск	Дмитрий Любавский
220-й пехотный Епифановский полк	г. Моршанск	Евламий Щекин
<u>56-я пехотная резервная бригада</u>		
222-й пехотный Шацкий полк	г. Козлов	Сергий Георгиевский
223-й пехотный Коротоякский полк	г. Воронеж	Евгений Садовский
224-й пехотный Скопинский полк	г. Воронеж	Стефан Зенин

В РГИА сохранился рапорт священнослужителя Евгения Садовского на имя протопресвитера военного и морского духовенства А.А. Желобовского, в котором он докладывал о прибытии 4 февраля 1904 г. в город Воронеж: «Лично донес рапортом командиру полка о своем прибытии, затем явился к епархиальному архиерею и вступил в отправление своих обязанностей»⁴¹⁰. Из послужного списка о. Евгения известно, что до назначения на эту должность он состоял заведующим и законоучителем женской школы грамоты в селе Бехтеевка Корочанского уезда Курской губернии⁴¹¹.

Также имеется рапорт о прибытии к новому месту службы в город Козлов 9 марта 1904 г. священника Сергия Георгиевского⁴¹². Согласно данным ГАТО, он

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4495. Л. 2; 3.

⁴¹⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹¹ Там же. Л. 20.

⁴¹² Там же. Л. 13.

сразу зарекомендовал себя с положительной стороны и по ходатайству командира полка в июне 1904 г. был награжден скуфьей⁴¹³.

С началом мобилизации в Центрально-Черноземном регионе было сформировано девять пехотных полков: В г. Воронеже – 291-й Бобровский, 292-й Пронский; в г. Курске – 271-й Львовский, 272-й Корочанский; в г. Тамбове – 285-й Мценский, 286-й Кирсановский; в г. Моршанске – 287-й Тарусский; 288-й Куликовский; в г. Козлове – 290-й Липецкий⁴¹⁴. В каждый из этих полков, согласно новому мобилизационному расписанию № 18, назначался священник.

В Тамбовской губернии дислоцировался 7-ой запасной кавалерийский полк, при нем находилась походная церковь и по штату имелся один священник – Александр Тимофеевич Докучаев. Известно, что отдельного храмового здания полк не имел, поэтому оно временно располагалось в небольшой комнате полкового приемного покоя⁴¹⁵.

В городе Орле квотировался 51-й драгунский Черниговский полк, в котором духовником и настоятелем храма числился о. Митрофан Сребрянский, выпускник Воронежской духовной семинарии и непосредственный участник русско-японской войны.

В дошедших до нас документах зафиксировано, что в Центральном Черноземье были размещены запасные пехотные батальоны: в г. Курске – 123-й; в г. Орле – 217-й, 218-й; в г. Моршанске – 219-й; в г. Ельце – 285-й, 286-й⁴¹⁶.

С объявлением в мае 1904 г. частной мобилизации резервных частей Киевского и Московского военных округов, полки 55-й (217-й Кромской, 218-й Борисоглебский, 219-й Юхновский, 220-й Епифанский) и 72-й (285-й Мценский, 286-й Кирсановский, 287-й Тарусский, 288-й Куликовский) пехотных дивизий сформированные в Тамбовской губернии были отправлены на Дальний Восток⁴¹⁷. Согласно мобилизационному списку № 1 от 1 июня 1904 г., полки 56-й (222-й Шацкий, 223-й Коротоякский, 224-й Скопинский) и 73-й (290-й Липецкий, 291-й

⁴¹³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2436. Л. 46.

⁴¹⁴ Там же. Д. 3755. Л. 26-об.; 27-об.; 28–28-об.

⁴¹⁵ Адрес-календарь тамбовской губернии на 1905 год. Тамбов, 1905. С. 36.

⁴¹⁶ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 3755. Л. 179.

⁴¹⁷ Там же. Л. 120.

Бобровский, 292-й Пронский) пехотных дивизий оставались в Европейской России в состоянии полной боевой готовности⁴¹⁸.

Вместе со своими воинскими формированиями было мобилизовано военное духовенство. Так, священник 218-го Борисоглебского полка о. Василий Слюнин на фронте зарекомендовал себя с положительной стороны, добросовестно выполняя возложенные на него обязанности. В приказе по войскам Квантунского укрепленного района за № 873 значилось, что «священник В. Слюнин и другие полковые отцы во время боя на Высокой и Плоской служили в редутах и окопах молебны, обходили войска, кропили их святой водой и давали прикладываться ко кресту. Своим появлением и своими действиями они утварили дух гарнизона»⁴¹⁹. Из послужного списка священнослужителя известно, что он находился в Порт-Артуре, где получил контузию от разорвавшейся гранаты в ноябре 1904 г., после чего уже не смог исполнять обязанности военного священника⁴²⁰. «За отличие в делах против японцев» о. Василий был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте⁴²¹. На его должность был назначен о. Евлампий Щекин, который прослужил на Дальнем Востоке до окончания войны и благополучно возвратился на постоянную дислокацию своего воинского подразделения в г. Тамбов 13 мая 1906 г.⁴²².

Согласно, сохранившемуся в фондах РГИА рапорту о награждении, священник 219-го пехотного Юхновского полка Дмитрий Любавский за «беззаветное выполнение христианского долга над нижними чинами на полях сражения 29 сентября и 1 октября 1904 г. и за образцовое выполнение священнодействий пожалован камилавкой»⁴²³. Иерей Петр Разумов вместе с 217-м Кромским полком был отправлен на Дальний Восток, где находился до окончания войны и вернулся в г. Тамбов 26 мая 1906 г.⁴²⁴.

Из материалов ГАТО известно, что место штатного священника в 287-го

⁴¹⁸ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 3755. Л. 121.

⁴¹⁹ Василенко В.О. Офицеры в рясах. М., 1930. С. 52.

⁴²⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5085. Л. 5-об.

⁴²¹ Там же. Д. 3755. Л. 230.

⁴²² Там же. Д. 5354. Л. 16.

⁴²³ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4638. Л. 201.

⁴²⁴ Там же. Д. 5354. Л. 20.

Тарусского полка занял о. Виктор Познанский, который проявил себя с положительной стороны и за отличное выполнение своих пастырских обязанностей был награжден скуфьей⁴²⁵. Однако в мае 1905 г. в связи с болезнью он был эвакуирован в Россию, а на освободившуюся должность назначен священник села Соколов Кирсановского уезда Тамбовской губернии Иоанн Виноградов⁴²⁶.

В 285-й Мценский и 286-й Кирсановский пехотные полки направлялись из Троицкого монастыря города Козлова иеромонахи Венедикт и Иродион⁴²⁷. В процессе исследования установлено, что Иродион в сентябре 1904 г. принял участие в боях на реке Шахе, присутствовал при атаке деревень Сунбзятатай и Безымянной, находился на передовых позициях у деревень Шуялинза и Вучжуин, участвовал в Мукденском сражении⁴²⁸. «За труды, понесенные в походах за время военных действий», полковой священник был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени с мечами⁴²⁹.

На службу в 288-й пехотный Куликовский полк поступил иеромонах Вышенской Пустыни Моисей. Согласно послужному списку, священнослужитель проявил себя с положительной стороны и был отмечен наградами: орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени с мечами⁴³⁰. С прекращением военных действий на Дальнем Востоке иеромонах Моисей вернулся к прежнему месту служения в Вышенскую пустынь Тамбовской губернии⁴³¹.

Упомянутые полки 56-й и 73-й пехотных дивизий со временем были отправлены в район боевых действий, о чем свидетельствуют сохранившиеся в фондах РГИА рапорты и послужные списки священнослужителей. Так, священник 290-го Липецкого полка Евгений Поспелов в рапорте протопресвитеру А.А. Желобовскому сообщает о своем прибытии 8 марта 1906 г. с Дальнего

⁴²⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2436. Л. 64-об.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 320.

⁴²⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12.

⁴²⁸ Там же. Л. 108-об.

⁴²⁹ Там же. Л. 104-105.

⁴³⁰ Там же. Л. 111-об.

⁴³¹ Там же. Л. 112-об.

Востока в г. Козлов и сдаче церковного имущества⁴³². В материалах также упоминает о прибытии с Дальнего Востока 222-го Шацкого пехотного полка⁴³³.

С началом мобилизации на территории Центрально-Черноземного региона было сформировано 18 полевых подвижных госпиталей. Из них 12 в г. Воронеже (244-й, 243-й при 56-й пехотной дивизии, 287-й, 288-й при 73-й пехотной дивизии и 8 полевых подвижных госпиталей, не придаваемых дивизиям), 4 в г. Тамбове (119-й, 120-й при 55-й пехотной дивизии, 285-й, 286-й при 72-й пехотной дивизии) и 2 в г. Орле (85-й, 86-й при 36 пехотной дивизии)⁴³⁴.

В каждое врачебное заведение согласно мобилизационному расписанию № 18 назначался священнослужитель. Так, на службу в полевые подвижные госпитали, вошедшие в состав 55-й пехотной дивизии, поступили иеромонахи Вышенской пустыни Тамбовской епархии Тихон (Новочадов) и Нестор (Смирнов). Из материалов ГАТО известно, что иеромонах Нестор получил серьезное ранение и в соответствии с Постановлением Исполнительной Комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов был отправлен на лечение в город Одессу, откуда в сентябре 1905 г. после длительной реабилитации возвратился в Тамбовскую епархию⁴³⁵.

В госпитали, состоящие при 72-й пехотной дивизии, были определены иеромонахи Саровской пустыни Тамбовской епархии Иероним (Сентюрин) и Аркадий (Козырев). Из дошедших до нас заключений главного врача 285-го полевого госпиталя и старшего врача дивизионного обоза понятно, что иеромонах Иероним был отстранен от службы в связи с диагностированным у него заболеванием – правосторонней паховой грыжей⁴³⁶. В процессе исследования удалось установить, что освободившуюся должность госпитального священника занял иерей Троицкой церкви села Глуховки Кирсановского уезда Вячеслав Миловидов, изъявивший добровольное желание отправиться на Дальний Восток⁴³⁷.

⁴³² РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5354. Л. 5.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 98.

⁴³⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 91.

⁴³⁶ Там же. Л. 23.

⁴³⁷ Там же. Л. 48.

Иеромонах Аркадий (Козырев) на протяжении всей войны оставался на должности штатного священника 286-го полевого госпиталя. Из послужного списка священнослужителя известно, что за хорошую службу он был отмечен наградами, а после расформирования подразделения отправлен обратно в Тамбовскую епархию⁴³⁸.

С началом русско-японской войны в армии насчитывалось 885 лиц духовного звания, а к 1905 г. их количество увеличилось до 964⁴³⁹. С объявлением мобилизации на Дальний Восток последовали и представители самой низкой ступени церковной иерархии – псаломщики. В Тамбовской епархии по распоряжению правящего архиерея Инокентия (Беляева) за ними сохранялись должности с правом пользования всеми доходами, соединенными с этими должностями⁴⁴⁰.

Исследование показало, что в армии в период Дальневосточной кампании наблюдался дефицит священнических кадров. Прежде всего от нехватки духовенства страдали военно-медицинских учреждениях (госпитали, лазареты). На это указывают сохранившиеся в фондах РГИА прошения воинских командиров о назначении в военно-врачебные заведения священнослужителей⁴⁴¹. Сохранились рапорты Главного Священника протоиерея Сергея Голубева, состоящего при Штабе Главнокомандующего, в которых он обращается к протопресвитеру А.А. Желобовскому с просьбой как можно быстрее командировать священнослужителей в госпитали, находящиеся в тылу армии, в силу «крайней нужды»⁴⁴².

О недостаточном количестве священнослужителей в войсках говорит следующий факт. Дьякон Аркадий Трунцев, прибывший на Дальний Восток из Тамбовской епархии с походной церковью был в кратчайшие сроки рукоположен

⁴³⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 48.

⁴³⁹ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX– начала XX веков. М., 2008. С. 60.

⁴⁴⁰ Предложение Его Преосвященства Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого, от 31 мая текущего года за № 4665, данное Тамбовской духовной консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 24. С. 479.

⁴⁴¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755.

⁴⁴² Там же. Л. 202; 218; 268.

в священники в городе Чите и назначен в 37-й полевой подвижный госпиталь 55-й пехотной дивизии 6-го Сибирского армейского корпуса «ввиду нужды в госпитальном духовенстве»⁴⁴³.

Частыми были случаи отстранения духовных лиц от воинской службы. Важным основанием для этого являлось состояние здоровья мобилизуемого духовенства. Так, епископом Козловским Нафанаилом, викарием Тамбовской епархии, было направлено прошение на имя епархиального архиерея Иннокентия (Беляева), в котором он указывал на старость и слабое здоровье иеромонахов Феоноста и Филарета, назначенных в 285-й Мценский и 286-й Кирсановский пехотные полки, желая заменить их на иеромонахов Венедикта и Иродиона, физически более пригодных для отправления на фронт⁴⁴⁴.

Некоторые священнослужители, будучи в преклонном возрасте или имеющие заболевания по ошибке включались в призывные списки. Их отправляли на фронт, откуда в скором времени эвакуировали по состоянию здоровья. Из медицинского свидетельства Московской внутренней эвакуационной комиссии известно, что иеромонах Петр в силу пожилого возраста, слабости, истощения и болезни сердца не смог продолжать службу в 85-ом полевом подвижном госпитале⁴⁴⁵.

Нередко духовные лица назначались в воинские подразделения, в которых уже имелись штатные священники⁴⁴⁶. Эти факты свидетельствуют о недобросовестном подходе к мобилизационной работе в епархиях, что, безусловно, осложняло процесс отправки священнослужителей на фронт, которых и без того не хватало.

В связи с недостатком духовенства в войсках, вышел императорский указ, согласно которому правящим архиереям предписывалось в своих епархиях отобрать морально-устойчивых священнослужителей для отправки на фронт. При этом командированным пастырям определялось достойное ежемесячное

⁴⁴³ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5090. Л. 5; 7.

⁴⁴⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 12.

⁴⁴⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 399.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 217.

жалование в размере 200 рублей»⁴⁴⁷. Из 32 епархий империи поступили донесения о 22 иеромонахах и 45 приходских священниках, которые имели возможность отправиться на Дальний Восток. Из материалов РГИА известно о 14 священнослужителях, которые по особому определению Святейшего Синода, были дислоцированы в госпитали, находившиеся в тылу действующей армии⁴⁴⁸.

Несмотря на то, что при мобилизации духовенства на фронт предпочтение отдавалось монахам, желающих среди белого духовенства было гораздо больше, так как заработок военного священника в боевой обстановке значительно превышал доходы рядового сельского клирика начала XX в. Поэтому финансовые трудности и возможность улучшить материальное положение своей семьи служили основополагающими мотивами для некоторых священнослужителей встать в ряды защитников Отечества. В соответствии с существующим законодательством, по возвращению обратно в епархию за духовными лицами сохранялись их первоначальные должности и положенные по ним оклады.

В связи с этим многие священнослужители после окончания русско-японской войны пожелали остаться в штате военного ведомства, о чем свидетельствуют прошения, сохранившиеся в фондах РГИА⁴⁴⁹. Так, вышеупомянутый о. Аркадий Трунцев, прибывший на Дальний Восток в сане дьякона, получив «иерейскую хиротонию», изъявил желание остаться в ведомстве протопресвитера, но «не был принят за неимением вакансий и за множеством военных священников, возвратившихся с фронта и ожидавших назначения»⁴⁵⁰.

В процессе исследования была собрана информация о священнослужителях Центрально-Черноземного региона, которые после окончания семинарии продолжили свое служение в военно-духовном ведомстве и приняли непосредственное участие в событиях 1904–1905 гг. Так, Петр Введенский с апреля 1904 г. состоял полковым священником 30-го Восточно-Сибирского стрелкового

⁴⁴⁷ Указы Святейшего Правительствующего Синода // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 14. С. 270 – 271.

⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3755. Л. 24-об.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 426.

⁴⁵⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5090. Л. 9.

полка⁴⁵¹. Иоанн Проскуряков⁴⁵² и Митрофан Сребрянский⁴⁵³ за выдающиеся пастырские заслуги, проявленные во время войны, были отмечены наградами.

Однако далеко не всем отправленным на фронт священнослужителям удалось проявить мужество и стойкость, сохранив достоинство своего высокого звания. Во время Дальневосточной кампании были отмечены случаи девиантного поведения представителей духовного сословия в войсках. Как справедливо отмечала Е.С. Сенявская: «В чрезвычайных условиях выявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества»⁴⁵⁴. Так, священник 284-го пехотного Чембарского полка иеромонах Елисей был отстранен от должности и отправлен обратно в Пензенскую епархию, ввиду нетрезвого образа жизни, а также жалоб и осуждений со стороны офицерских чинов⁴⁵⁵. Из рапорта окружного дежурного генерала Московского военного округа известно, что иеромонахи Югско-Дорофеевой пустыни Паисий и Агапий были отстранены от обязанностей полковых священников как «лица малоразвитые, подвергнутые алкоголизму и не имеющие должного благотворного влияния на свою паству»⁴⁵⁶.

В Тамбовской епархии был уволен иеромонах Лебедянского Троицкого монастыря Евсевий, назначенным в 287-й Тарусский полк. По прибытии на Дальний Восток в июне 1904 г. он, находясь в нетрезвом состоянии, в грубой форме просил командира воинского подразделения полковника М.И. Шишкина дать ему деньги с целью вернуться обратно⁴⁵⁷. Командир отказал иеромонаху, сообщив о произошедшем инциденте протопресвитеру А.А. Желобовскому⁴⁵⁸. Дело было передано на рассмотрение в Духовную Консисторию, после чего Евсевия определили в монастырь на «черные труды». В течение двух лет ему запретили совершать богослужения и носить монашеское облачение⁴⁵⁹. Со временем

⁴⁵¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4547. Л. 361.

⁴⁵² Там же. Д. 3755. Л. 176.

⁴⁵³ Дамаскин (Орловский), игумен. Житие архимандрита Сергия (Сребрянского) // Журнал Московской Патриархии. 1999. №3. С. 39–55.

⁴⁵⁴ Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., С. 51.

⁴⁵⁵ См.: Котков В.М., Коткова Ю.В. Военное духовенство России. СПб., 2005. С. 138.

⁴⁵⁶ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 3755. Л. 252-об.; 311-об.

⁴⁵⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2437. Л. 36.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 35.

⁴⁵⁹ Там же. Л. 52.

священнослужитель раскаялся в своем поступке, о чем свидетельствуют сохранившиеся прошения к епископу Иннокентию (Беляеву) о снятии наказания.

На фронте имели место и случаи корыстного поведения представителей духовного сословия. В рапортах командиров полков содержится информация о взимании священниками достаточно высоких денежных сумм за предоставляемые услуги (совершение богослужений, исповеди, причастия и соборования личного состава). Так, иерей 273-го пехотного Дунайского полка Зеленкевич брал плату за каждую потребу в размере пяти рублей, чем вызвал большое недовольство офицеров и нижних чинов⁴⁶⁰. В связи с этим командиру пришлось обратиться к протопресвитеру А.А. Желобовскому с просьбой о назначении в полк другого священника Михаила Ремезова, который предложил свою помощь безвозмездно⁴⁶¹.

Как справедливо отмечал Г.И. Шавельский, «большинство полковых и госпитальных священников до войны не служили в армии, а по мобилизации поступили из епархий, причем епархиальные начальства далеко не всегда выбирали для армии достойных и пригодных. Эти священники не были знакомы ни с духом, ни с традициями тех воинских частей, к которым они назначались, и часто не могли уразуметь своих обязанностей на поле брани»⁴⁶².

Таким образом, бюрократический подход к отбору священнослужителей на местах привел к тому, что на фронт попадали совершенно неподготовленные к предстоящим моральным и физическим трудностям духовные лица. Это в значительной степени повлияло на духовно-нравственное и патриотическое состояние как офицерского состава, так и нижних чинов. Подрывало авторитет духовенства в армии, что представляло серьезную угрозу для существующего строя в условиях сильнейшей антиправительственной и антицерковной пропаганды.

Исследование показало, что случаи недостойного поведения священнослужителей в период русско-японской войны были нередкими и, как

⁴⁶⁰ РГИА. Ф. 806. Оп.4. Д. 3755. Л. 190.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. Т. 1. Кн. 2. М., 2014. С. 566.

правило, вызвали общественное неодобрение. Во-первых, наличие сана накладывало на человека большую ответственность и подразумевало соответствующую высоконравственную манеру поведения. Во-вторых, в армии на представителей духовного сословия была возложена важная миссия – поддерживать и укреплять моральный дух и патриотизм русского воинства, от которого во многом зависели ход и исход любого сражения. В связи с чем духовенство обязано было соответствовать своему особому положению в войсках и всеми силами способствовать победоносному завершению войны. К сожалению, не все представители духовного сословия, до конца осознавали важность своего предназначения. Нельзя упускать из внимания и человеческий фактор, так как многие священнослужители оказались психологически не готовы к предстоящим трудностям, боялись получить ранение или погибнуть. По словам протопресвитера Г.И. Шавельского: «Храбрый и жаждавший подвига священник, – забирался в передовой окоп и ждал момента, когда ему можно будет пойти с крестом впереди; другой пристраивался к отдаленному, недосягаемому для пуль и снарядов, перевязочному пункту; третий удалялся в обоз 11-го разряда, обычно отстоявший в 15–30-ти верстах от части. Последний совсем устранил себя от активной роли во время сражения...»⁴⁶³.

Однако большинство священнослужителей мужественно вытерпели тяготы военной жизни, сохранили достоинство своего положения и верность гражданскому долгу. В обязанность военных пастырей не входило присутствовать на передовых позициях во время сражения, однако многие священники невзирая на опасность выполняли свою работу прямо под неприятельскими выстрелами. Чувство долга и сострадание к тяжелораненым и умирающим на поле боя заставляло их отправляться в гущу событий и совершать «священнодействия». Согласно статистическим данным, за двухлетний период русско-японской

⁴⁶³ Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М., 2010. С. 91.

войны погибло 16 священнослужителей, ранения и контузию получили не менее 10 человек⁴⁶⁴.

Таким образом, институт военного духовенства в начале XX в. был окончательно сформирован. Священнослужители занимали штатные должности при воинских частях и отвечали за морально-нравственное состояние и уровень патриотизма в армии. С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. духовенство вместе с воинскими подразделениями было мобилизовано на фронт и по прибытии приступило к выполнению своих обязанностей. Как показало исследование мобилизация представителей духовного сословия на Дальний Восток в Центрально-Черноземном регионе прошла успешно, несмотря на ряд сложностей технического характера. Согласно новому мобилизационному расписанию № 18 от 1 января 1903 г., назначенные местным епархиальным начальством священнослужители были зачислены в сформированные воинские подразделения и отправлены на фронт. Несмотря на подчиненное положение в российской армии, трудности походной жизни и неудачи войны большинство духовных лиц добросовестно выполнили свой патриотический долг.

На примере провинциальных губерний видно, что православная церковь поддержала внешнюю политику государства на Дальнем Востоке. С началом военных действий священнослужители приступили к выполнению своих прямых обязанностей. В храмах совершались молебны о благополучном исходе войны, исполнялись обряды и таинства, духовенство принимало участие в отправлении нижних чинов в район боевых действий, оказывало поддержку их семьям. Церковь развернула большую благотворительную работу, представители духовного сословия не только призывали население жертвовать в помощь фронту, но и сами отдавали крупные денежные суммы на нужды армии. Становясь в ряды защитников родины, на Дальнем Востоке они достойно проявили себя, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах наградные списки.

⁴⁶⁴ Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. М., 2008. С. 67.

На протяжении всего русско-японского конфликта священнослужители стремились поддерживать патриотические настроения в обществе. Однако в результате военных неудач, экономических трудностей, начавшейся революции, повлекшей за собой всплеск негативного отношения к церкви, духовенству становилось все сложнее оказывать влияние на общественное мнение. Представители духовного сословия видели слабые стороны царской внешней политики, преследующей империалистические интересы, отмечали техническую отсталость России от противника, подчеркивали тяжелое положение нижних чинов на фронте. Но церковь не могла открыто критиковать действия власти в силу своего крайне зависимого положения в государстве.

Глава 3. Русская Православная Церковь во время революции 1905–1907 гг.

3.1. Упадок религиозности в общественном сознании провинциального населения

Начало прошлого столетия характеризовалось духовным и мировоззренческим кризисом, затронувшим не только элиту российского общества, но и широкие слои населения. Заметные изменения, происходившие в массовом сознании, таили в себе настоящую угрозу для православной церкви. «Безбожие широко распространилось в нашем отечестве во всех классах и сословиях, не исключая даже и крестьянской среды, куда оно также стало проникать, влача за собой и своего естественного спутника – нравственную распущенность», – писал корреспондент Воронежских епархиальных ведомостей⁴⁶⁵.

Современники с тревогой отмечали, что в общественной и церковной жизни чувствовалось что-то критическое, но хотелось верить в скорейшее возрождение и обновление⁴⁶⁶. «Некоторые угрожающие признаки постепенно начал замечать и я в разных областях жизни, – вспоминал митрополит Вениамин (Федченков). – Однако все подобное было будто лишь на поверхности, а в массе души народной по-прежнему жили примиренность, терпение и покорность. Бродившие идеи недовольства были еще в сонном состоянии, их боялись сами говорившие. Но уже кое-где стали вспыхивать искры. И они казались неожиданными и пугающими»⁴⁶⁷.

По словам генерала А.И. Деникина, «религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу двадцатого столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных

⁴⁶⁵ Склобовский Д., протоиерей. Новый 1906 год // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 67.

⁴⁶⁶ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002 г. С. 10–11.

⁴⁶⁷ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 113–114.

интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни...»⁴⁶⁸.

В военной периодической печати говорилось: «Нельзя не заметить, что происходит изменение морального климата в обществе, его политизация и радикализация. Развитие капиталистических отношений приводило к нарушению моральных устоев значительной части общества. Высвобождавшаяся масса крестьян, оставшаяся в результате реформ без земли, была вынуждена либо уходить в города, либо заниматься отхожим промыслом на селе. Рынок, ничем не ограниченный, вступал в свои права, посягая на душу, тело и помыслы человека»⁴⁶⁹.

Большинство исследователи отмечают признаки духовно-нравственного оскудения и религиозного индифферентизма различных социальных классов⁴⁷⁰. По мнению С.Л. Фирсова «ненормальность «моральной атмосферы» в стране отмечалась еще в самом начале XX столетия, когда изменилось «само чувство жизни», а в «воздухе чувствовалась трагедия...»⁴⁷¹. При этом корни «нравственного нездоровья» историк видел, в первую очередь, в религиозной области, так как нравственность во все времена выступала главной составляющей христианской морали.

В исследуемый период Русская Православная Церковь, как и государство, переживала сложный, критический этап, стремительно теряя общественную значимость и авторитет. Население рассматривало церковь как сторонницу существующего режима и соучастницу всех социальных несправедливостей царского правительства, а священнослужители в глазах народа наделялись полицейскими функциями. Так, крестьянин Тамбовской губернии Борисоглебского уезда высказывал критические замечания в адрес церкви:

⁴⁶⁸ Деникин А.И. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.-Берлин, 2016. С. 6.

⁴⁶⁹ Цит. по.: Котков В.М. Военное духовенство России. СПб., 2003. С. 200.

⁴⁷⁰ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 46; Георгий Митрофанов, протоиерей. Указ. соч. С. 6–7.

⁴⁷¹ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 45–46.

«Святые только и бывают из дворян, духовного звания и вообще богатые люди: архиереи, священники и т.д. А из нашего брата никогда не бывают во святых»⁴⁷².

По словам И.К. Смолича, «церковь считалась не только консервативной, но и политически реакционной силой, опорой и приспешницей государственного абсолютизма. В силу известной близорукости, которая всегда была присуща русским либералам и революционерам, консерватизм рассматривался ими как признак недостатка культуры и образования. Именно такого рода упреки постоянно адресовались духовенству, оставаясь неизменной составной частью критики, направленной против Церкви и ее представителей»⁴⁷³.

В начале прошлого столетия православное население Российской империи можно было условно подразделить на три категории. В первую входили лица ортодоксального, даже домостроевского жизненного уклада, ко второй, пожалуй, самой многочисленной, относились лица, почитающие церковные традиции, потому что так было принято и так делали их предки. «Так, возник тот многочисленный общественный слой, – писал И.К. Смолич, – представители которого формально числились православными, хотя фактически не поддерживали никаких отношений с Церковью»⁴⁷⁴. Третью группу составляли преимущественно представители молодого поколения, захваченные новым веянием революционных идей. К примеру, молодая учительница Куйманской земской школы Лебедянского уезда Тамбовской губернии Елизавета Егоровна Павлова порицала таинство брака, высказывая, что таковое установлено духовенством для сбора денег, тогда как можно обойтись без него и жить гражданским браком»⁴⁷⁵.

Автор Тамбовских епархиальных ведомостей в статье «Кто виноват?» с горечью отмечал признаки неверия в российском обществе: «Не уменьшилось, кажется, среди нас и число тех диких матерей, которые рассчитывают прислугу за то, что во время прогулки она зашла на минуту в храм Божий или за то, что благочестивая няня тайком учила детей читать молитву»⁴⁷⁶.

⁴⁷² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 312. Л. 20-об.

⁴⁷³ Смолич И.К. Указ. соч. С. 34.

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6088. Л. 1.

⁴⁷⁶ Кто виноват? // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 35. С. 975.

Наметившейся тенденции было крайне сложно противостоять в силу того, что церковно-приходские школы переживали тяжелое материальное положение, а духовенству активно заниматься воспитанием и образованием мешало приходское служение. Поэтому крестьянское население зачастую становилось достоянием агитаторов с радикальными политическими и атеистическими идеями. «Школа наша все еще остается тоже «скверною», – говорилось в церковной периодической печати, – в которой еще не уменьшилось число педагогов, из которых – одни с особой любовью останавливаются на повествованиях о французской революции как бы каком-то героическом проявлении сил нации, и бледно неохотно освещают эпохи отечественной истории. Другие – воспитатели, отрицающие потребность дисциплины и систематически отучающие учеников своею безучастностью к их поведению от всякого уважения к порядку. Проповедники лжи всюду у нас свивают себе, при нашем равнодушии «гнезда в разных общественных учреждениях, иногда даже правительственных, и, пользуясь свободой совести, незаметно, но верно вливают свой яд всюду, где только можно»⁴⁷⁷.

Таким образом, к началу XX в. в российском обществе, в особенности в среде образованного городского населения наблюдалось охлаждение к традиционным православным ценностям. Вместе с тем часть интеллигенции в силу обострения кризисных явлений в социальной жизни и накопившихся духовных вопросов начинает сближаться с церковью. «Представители современной нам интеллигенции, ищущие Бога в последнее время, как известно, особенно заинтересовались вопросами – о церкви, о свободе вероисповедания, о браке и монашестве» – констатировал корреспондент Тамбовских епархиальных ведомостей⁴⁷⁸.

Свидетельством этого становятся религиозно-философские собрания представителей интеллектуальной элиты и видных иерархов Русской Православной Церкви, которые действовали в крупных городах империи, таких как Петербург, Москва, Киев. «Собрания эти были замечательны, – вспоминал

⁴⁷⁷ Кто виноват? // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 35. С. 975.

⁴⁷⁸ Забытые сокровища духа // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 45. С. 1350.

религиозный философ Н.А. Бердяев, – как первая встреча представителей русской культуры и литературы, заболевшей религиозным беспокойством, с представителями традиционно-православной церковной иерархии»⁴⁷⁹.

По мнению социолога Ю.Ю. Синелиной, «в конце XIX – начале XX вв. русское высшее общество и культурная интеллигенция, столкнувшись с опасностью революции, стали четко осознавать своеобразие своей культуры»⁴⁸⁰. При этом автор отмечает, что противостоять процессу секуляризации-европеизации общественного сознания, они не могли, так как появилась огромная масса людей, увлеченных атеизмом, материализмом, социализмом, то есть новыми модными европейскими идеями⁴⁸¹.

Тем не менее церковь высоко оценила проявленный к ней интерес со стороны образованной элиты, так как надеялась на взаимное сотрудничество и поддержку в предстоящем реформировании синодальной системы. «Важно для нас и характерно для общественного настроения то, что теперь часть интеллигентов непосредственно обратилась к христианству и в нем видит высшее откровение смысла жизни», – отмечал иерарх Русской Православной Церкви Феодор (Поздеевский)⁴⁸².

Городские слои населения были в первую очередь затронуты процессами секуляризации, так как в деревнях и селах духовенство обычно более тесно контактировало со своей паствой. По словам Ю.Ю. Синелиной, «об успехах насаждения атеизма можно говорить в основном в среде рабочих и вновь образующейся интеллигенции, прежде всего технической»⁴⁸³. «Порвавшее с деревенской жизнью и крестьянскими традициями, – писал С.Л. Фирсов, – пролетарское население по вполне объяснимым причинам оказывалось наиболее

⁴⁷⁹ Цит. по: Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников. 1900–1917. Конец Синодального периода. Т. 1. Кн. 2. М. 2014. С. 302.

⁴⁸⁰ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 1 (69). С. 89.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002 г. С. 10.

⁴⁸³ Синелина Ю.Ю. Указ. соч. С. 87.

подверженным антиклерикальной пропаганде, проводимой радикальной интеллигенцией и дополняемой спецификой городской жизни»⁴⁸⁴.

Исследуя уровень религиозности Центрально-Черноземного региона, где основной процент населения составляли крестьяне, следует отметить, что, несмотря на усилившуюся на рубеже веков пропаганду атеистических и антиклерикальных идей, многие все же оставались верны православным традициям. По мнению исследователей этой проблемы, «православная церковь была органически вплетена в канву повседневной крестьянской жизни, а вера Христова зримо и незримо сопровождала крестьянина от рождения до смерти»⁴⁸⁵.

Все ключевые события в жизни простого народа были связаны с православием, начиная с таинства крещения и заканчивая обрядом отпевания. Крестьяне исследуемых губерний в основной своей массе посещали храмы в воскресные дни и праздники, соблюдали посты, исповедовались и причащались, совершали паломничество к святым местам, благоговейно относились к служителям церкви и государю. Так, священник П. Чужимов, характеризуя религиозно-нравственное состояние прихода села Уланка Суджанского уезда Курской губернии, указывал на глубокую преданность крестьянского населения вере и церкви: «Какой бы ни был праздник – великий или малый, храм всегда бывает полон молящихся как взрослых, так и детей. Посты православной церкви соблюдаются во всей строгости как взрослыми, так и детьми. Многие из прихожан, преимущественно женщины, отличаются стремлением к паломничеству; более половины прихожан перебивали в Киеве; Чернигове; Воронеже; некоторые были даже в Иерусалиме. Среди прихожан свято соблюдается также обычай поминовения усопших»⁴⁸⁶.

Примером высокого уровня религиозности провинциального населения можно назвать событие, произошедшее в городе Брянске Орловской губернии в

⁴⁸⁴ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 210.

⁴⁸⁵ Безгин В.Б. Религиозность Тамбовского крестьянства на рубеже XIX – XX веков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2017. Вып. 4. С. 205; Фурсов В.Н. Крестьянское движение в Центрально-Черноземных губерниях России в 60–90-е гг. XIX в.: дисс. ... д. ист. н. М., 1991. С. 257–258.

⁴⁸⁶ Чужимов П., свящ. Летопись села Уланка, Суджанского уезда // Курские епархиальные ведомости. 1904. № 30. С. 563–565.

1906 г. в день прибытия поезда с «чудотворной» иконой священномученика Кукши. Рано утром на станции собралось до двадцати тысяч человек, многие из которых пришли из соседних городов и селений, чтобы поклониться иконе. По свидетельствам очевидцев, «войскам Брянского гарнизона едва удавалось сдерживать массу народа»⁴⁸⁷.

Представление о государстве у простого народа также основывалось на христианстве. Государь воспринимался как помазанник Божий, а представитель духовного сословия как посредник между Богом и людьми, которого обязательно любить и почитать. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Так, епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев) летом 1903 г. посетил несколько приходов Козловского уезда, где был с радушием принят прихожанами, несмотря на неожиданность визита. По свидетельству современников владыку встречали с хлебом и солью и приветствовали низкими поклонами. Для жителей уезда визит правящего архиерея стал настоящим праздником и возможностью получить долгожданное «святительское благословение»⁴⁸⁸.

Будучи выходцем из крестьян села Вяжли Тамбовской губернии, митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал: «К царю и его семье мы воспитывались не только в страхе и повиновении, но и в глубокой любви и благоговейном почитании, как лиц священных, неприкосновенных, действительно «высочайших», «самодержавных», «великих»; всё это не подлежало никакому сомнению у наших родителей и у народа»⁴⁸⁹.

Показателен случай, когда крестьяне Шацкого уезда Тамбовской губернии, заподозрив в мещанине из Борисоглебска Федоре Дмитриевиче Чернове человека с «нехорошим направлением» в отношении царя и государства, задержали его,

⁴⁸⁷ Посещение города Брянска Его Преосвященством, Преосвященнейшим Серафимом, Епископом Орловским и Севским // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 588.

⁴⁸⁸ Обзорение Его Преосвященством, Преосвященным Иннокентием, Епископом Тамбовским и Шацким, городских, сельских и монастырских церквей Козловского, Лебедянского, Усманского и Борисоглебского уездов в августе и сентябре месяцах 1903 года // Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 100.

⁴⁸⁹ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 95.

связали руки и представили к главному исправнику в полицейское управление и требовали над ним немедленного суда⁴⁹⁰.

В русской деревне с большим благоговением относились к таинству венчания, как главному условию законного бракосочетания. А гражданский брак крестьяне осуждали, считая его незаконным сожителем и большим грехом. Как отмечал историк В.Б. Безгин, «случаи гражданского брака в сельской местности, на рубеже веков, встречались крайне редко»⁴⁹¹.

Особенным было отношение простого народа к смерти, которая воспринималась достаточно спокойно, как неизбежное явление. Земная жизнь, согласно христианскому вероучению, рассматривалась как временное тяжелое испытание перед жизнью загробной – вечной. Воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в своем дневнике так описывал деревенскую жизнь: «Как тихо и мирно там жить, но нельзя сказать, чтобы жизнь эта была похожа на животную. Там не об одном только теле заботятся, но и о душе. Среди несчастий и бед в них крепнет вера в Бога, Творца и Промыслителя. Мало ищут они на земле, надеясь многое получить на небе, в вечной жизни»⁴⁹².

Приведенные факты свидетельствуют о достаточно высокой степени набожности населения в русской провинции в конце XIX – начале XX вв. Однако революционные события 1905–1907 гг. становятся движущей силой антирелигиозных процессов и способствуют проникновению и дальнейшему распространению атеистических убеждений в крестьянской среде. Как справедливо заметила Ю.Ю. Синелина, «с периода революций начала XX в. в фазу секуляризации-европеизации стала входить основная часть населения страны – крестьянство и недавно вышедший из него пролетариат»⁴⁹³. «Неверие или в лучшем случае полнейшее равнодушие образованного общества к религии растет не по дням, а по часам, – говорилось в церковной периодической печати. – Но, что сего

⁴⁹⁰ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 406. Л. 3-об.

⁴⁹¹ Безгин В.Б. Религиозность Тамбовского крестьянства на рубеже XIX – XX веков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2017. Вып. 4. С. 206.

⁴⁹² Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

⁴⁹³ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 1 (69). С. 86–87.

ужаснее, так это то, что неверие начинает проникать и в глухую деревню, порождает смущение в темном народе и подрывает устои русской общественной и семейной жизни»⁴⁹⁴.

По словам современников, «ежегодно рабочие с разных и многих губерний толпами уходят из деревень, с милых для себя мест и пристраиваются, где попало, по фабрикам, заводам, шахтам. Оторванные от семьи, от родины, от природы в атмосфере фабрик, заводов, подземных шахт, где дышать нечем, где ничто не способствует доброму настроению, напротив, скорее озлобляет, – они легко становятся теми озлобленными рабочими, которыми так сильна социал-демократия»⁴⁹⁵.

Из отчетов отцов благочинных Тамбовской губернии известно, что в период и после революции негативные проявления в религиозном поведении граждан были отмечены в Липецке, Тамбове, Усмани, Кирсанове, Моршанске. При этом степень религиозности городского населения была значительно ниже сельского. В целом наблюдалось уменьшение числа богомольцев в храмах⁴⁹⁶.

Согласно данным «Всепопданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1905–1907 гг.», в период декабрьского вооруженного восстания (1905) в Москве, в губерниях обстреливались храмы, а во время богослужения в церковь врывались мятежники, оскорбляли духовенство и прихожан, тушили папиросы об иконы⁴⁹⁷.

Очевидцы событий отмечали крайне тяжелое положение священнослужителей в период революции. В некоторых губерниях были зафиксированы случаи убийства представителей духовного сословия. Так, уроженец Орловской епархии о. Владимир Троепольский был зарезан в собственном доме на глазах у жены и детей⁴⁹⁸. В 1907 г. в Воронежской губернии

⁴⁹⁴ Духовенство и общество // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 21. С. 443.

⁴⁹⁵ К решению аграрного вопроса // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 189.

⁴⁹⁶ См.: Орлова В.Д. Тревога тамбовского духовенства о нравственности прихожан в конце XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. Вып 2. С. 185–186.

⁴⁹⁷ Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 3–4.

⁴⁹⁸ Троепольский В., свящ. Добрые пастыри на святой Руси // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 387–388.

в результате грабительских нападений на дома священнослужителей погиб, оказавший сопротивление банде преступников священник Мешковский, проживающий в селе Бабичево Валуйского уезда⁴⁹⁹. Всего за время революции в Воронежской губернии было убито четыре священника⁵⁰⁰.

Исследователи отмечают изменения в духовном облике сельского населения уже в начале XX в. и связывают наметившуюся тенденцию с развитием массового отходничества. Крестьяне из деревень уходили на заработки в города, где попадали под влияние революционной идеологии. По словам историка Т.Г. Леонтьевой, «именно эта часть крестьянства была отзывчива на оппозиционную и революционную пропаганду, неизменными элементами которой становились антицерковная настроенность»⁵⁰¹. В отчетах отцов благочинных Центрально-Черноземных губерний говорилось, что отхожие промыслы ведут к разложению религиозно-нравственной жизни крестьянского населения. Многие, побывавшие на заработках, переставали посещать храмы, нарушали православные уставы и обычаи⁵⁰². «Какой уж там Бог, – говорил старый колхозник бывший шахтер Д.А. Дьяков, девять лет проработавший в шахтах. – Бывало, вылезешь из-под земли на черта похожий, тут не до Бога»⁵⁰³.

Из материалов Тамбовского губернского жандармского управления известно, что крестьянин Станичной слободы Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Александр Иванов, будучи рабочим в железнодорожных мастерских, не признавал никаких святынь, опровергал мощи отца Серафима Саровского Чудотворца, христианскую религию и перестал ходить в церковь⁵⁰⁴.

Корреспондент Воронежских епархиальных ведомостей указывал на упадок общей религиозной настроенности среди мирян и полнейшего отсутствия среди

⁴⁹⁹ Цит. по: Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2015. С. 250.

⁵⁰⁰ Воронежские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 451.

⁵⁰¹ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 38.

⁵⁰² См.: Безгин В.Б. Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. Вып 2. С. 191.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 312. Л. 20-об.

них не только людей богословски-начитанных, но даже и знатоков церковного устава⁵⁰⁵.

Атеистические и антиклерикальные настроения проникали и в среду семинаристов. Так, воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в своем дневнике писал: «Во время ужина у меня начался разговор о жизни с Михаилом Дмитриевичем Вознесенским. Он высказал свое воззрение на жизнь. «Жизнь, – по его словам, – дана человеку для того, чтобы наслаждаться. Пока я живу – я нечто, умру – ничто. Нет загробной жизни, нет душ. Я выше чувств ставлю разум. Что доказано эмпирически и рационалистически, то принимаю, а что нет, то не принимаю. Так как существование Бога никто еще не доказал, то, следовательно, его пока нет»⁵⁰⁶.

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что, несмотря на замкнутость духовного сословия, в начале XX в. наметилась тенденция поступления в семинарии не только выходцев из священнической среды, но и представителей других социальных групп, как правило, низших. «Богатых мало, а большинство все беднота и сироты», – писал семинарист Михаил Сперанский о своих однокашниках⁵⁰⁷.

Таким образом, дети бедных крестьян получали возможность доступного образования, а в дальнейшем многие из них выбирали светский образ жизни. Поэтому для некоторых семинаристов внешняя набожность была всего лишь лицемерием и вне стен учебного заведения они вели себя иначе. Как отмечала Т.Г. Леонтьева в работе «Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века», «в общежитиях воспитанники попивали водку и курили исподтишка, на квартирах пьянствовали почти открыто. Нередко пиршества заканчивались визитами в трактир. Потасовки также были весьма обычным делом: дрались между собой, с соседями по квартирам, извозчиками и т. п. Об

⁵⁰⁵ Аполосов М., священник. Реформа церковной жизни нашего отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. №1. С. 14.

⁵⁰⁶ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

⁵⁰⁷ Там же.

агрессивности будущих батюшек всем было хорошо известно. Семинаристы, со своей стороны, бравировали своей репутацией»⁵⁰⁸.

Однако в процессе исследования удалось установить, что большинство семинаристов все же оставались верующими людьми, несмотря на выбранную в дальнейшем профессию, они не утратили заложенное в детстве уважение и благоговение к православной вере. И даже те редкие представители, которые уклонялись от церкви на протяжении всей жизни сохраняли определенный, характерный только для выходцев из этого социального класса, образ мыслей. Это подтверждают воспоминания Митрополита Вениамина (Федченкова): «Иногда в обществе и литературе раздавались обвинения о широком безбожии среди нас. – По своему опыту могу решительно утверждать, что это неверно. В нашем, например, классе, двое, М. и А., дерзнули как-то публично заявить об этом. Но это настолько было несерьезно, что едва не вызвало среди нас смех над ними. Говорили мне про других «атеистов», но я их не знаю. Иное дело, что у нас вообще не было горения духовного, это правда. Но не было и безбожия. В Духовной академии в нашем классе считался таким один сибиряк, но товарищи не обращали на него никакого внимания»⁵⁰⁹.

Анализируя записи в дневнике семинариста Михаила Сперанского, можно сделать вывод, что большинство учащихся не проявляли особого интереса к революционным и атеистическим идеям. Автор упоминает всего одного воспитанника с антиклерикальными взглядами, при этом выражает явное неодобрение к его безбожным убеждениям: «Конечно, очень печально слышать нечто подобное из уст семинара четвертого курса, но что делать?»⁵¹⁰.

Показательным является и тот факт, что после прекращения беспорядков в духовных школах и отчисления наиболее яростных участников событий, многие

⁵⁰⁸ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 30.

⁵⁰⁹ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 121.

⁵¹⁰ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

хотели восстановиться и продолжать обучение, но их не принимали как «особо злостных»⁵¹¹.

По мнению американской исследовательницы Лори Манчестер, «мировоззренческие установки верующих и неверующих выходцев из духовного сословия во многом оставались схожими. Данное сходство даже усиливалось по мере того, как модернизация размывала границы между «светским» и «духовным». Поповичи атеисты в подобных условиях продолжали демонстрировать черты «выродившейся религиозной этики», бессознательно сохраняя остатки основ религиозного мировоззрения, типичного для духовного сословия»⁵¹².

Атеистические идеи получили определенное распространение и в российской армии, в особенности среди молодых офицеров. По словам преподавателей военно-учебных заведений, будущие офицеры не выказывали стремления посещать церковные службы и под разными предлогами уклонялись от подобного рода мероприятий⁵¹³.

Среди нижних чинов появлялось немало антицерковно настроенных людей, которые активно и небезуспешно пропагандировали свои взгляды. Корреспондент военного вестника «Разведчик» с тревогой отмечал, что многие молодые солдаты не знали молитв и были совершенно испорченными⁵¹⁴.

Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий (Беляев), указывая причины беспорядков в 7-м кавалерийском запасном полку в г. Тамбове в 1906 г., писал протопресвитеру армии и флота А.А. Желобовскому: «Не могу умолчать о том, что религиозно-нравственное влияние в этой части войска крайне слабо. На весь полк, состоящий из нескольких эскадронов, имеется необычайно малый по своим размерам и убогий храм, вместимостью 50 человек, вследствие чего посещение храма нижними чинами совершалось неаккуратно и неохотно. Отсюда естественно

⁵¹¹ Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Духовные семинарии Центрально-Черноземного региона в период революции 1905–1907 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 178.

⁵¹² Манчестер Л. Поповичи в миру. М., 2015. С. 15.

⁵¹³ Цит. по: Кузнецов В.Д. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской Империи в 1890–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. №12. С. 62.

⁵¹⁴ Цит. по.: Котков В.М. Указ. соч. С. 198.

было совершенное одичание нижних чинов в религиозно-нравственном отношении и легкая восприимчивость к революционной пропаганде»⁵¹⁵.

Духовно-нравственный кризис российского общества повсеместно сказался на росте преступности, а революционная смута способствовала дальнейшему ее распространению, культивируя различные преступные формирования. «Конечно, были и простые разбойничьи группы, – писал Митрополит Вениамин (Федченков), – которые в эту неразбериху и разруху делали свои злые дела... Это была естественная революционная накипь»⁵¹⁶. По мнению Е.С. Сеньявской, «послевоенное общество всегда и неизбежно отравлено войной, главный симптом этой болезни – привычка к насилию – в разной степени сказывается во всех сферах общественной жизни и, как правило, довольно длительное время»⁵¹⁷.

Согласно статистическим данным уровень преступности возрастал из года в год. К примеру, в 1900 г. общее число уголовных дел в империи на 48% превысило аналогичные показатели 1884 г., в то время как население за указанный период выросло на 24–25%⁵¹⁸. В Елатомском уезде Тамбовской губернии количество уголовных дел в 1905 г. в волостных судах составило 2089, что на 353 дела больше, чем в 1904 г. У земских начальников количество уголовных дел увеличилось с 803 до 997⁵¹⁹.

В отчете Елатомского предводителя дворянства за 1904 г. говорилось: «Сутяжничество среди крестьян развивается и Волостные Суды наполняются самыми пустыми делами, не имеющими положительно никакого значения для лица, возбудившего дело, а между тем это сутяжничество представляет в очень непривлекательном виде крестьянина в нравственном его отношении; увеличение подобного рода дел, является главным образом, конечно, ввиду упадка нравственности среди большей части крестьянского населения»⁵²⁰.

По данным прокурорского надзора, в Воронежском и Острогожском окружных судах в 1905 г. было рассмотрено 440 уголовных дел, осуждено по ним

⁵¹⁵ Цит. по: Котков В.М. Указ. соч. С. 198.

⁵¹⁶ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 159.

⁵¹⁷ Сеньявская Е.С. Указ. соч. С. 50.

⁵¹⁸ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 140.

⁵¹⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 43.

⁵²⁰ Там же. Л. 44–44-об.

600 человек, в том числе 556 мужчин и 44 женщины. При этом наибольшее количество правонарушений приходилось на возрастную категорию от 21 до 30 лет⁵²¹. Как отмечали современники, «не могло не бросаться в глаза повсюду теперь наблюдаемое отхождение крестьянского населения от храма, ослабление особенно в молодом поколении религиозно-нравственных начал»⁵²².

Сложившаяся ситуация вызывала беспокойство правительства и представителей православной церкви. В первую очередь современников волновало распространение преступности в сельской местности. В годовом отчете Тамбовского губернатора за 1904 г. говорилось: «Страшно вредно влияет на народную нравственность практикуемый способ удаления из столицы и больших центров вредных и испорченных нравственно, беспокойных подонков общества и переполнение ими провинции: деревень и сел»⁵²³.

«Если в среде интеллигенции, наблюдались явления, характеризующие нравственной опустошенностью, «изнеможением», «постыльностью» бытия, – подчеркивал С.Л. Фирсов, – то в пролетарской и крестьянской среде, особенно среди молодого поколения, наблюдались явления генетически похожие, но с иным морально-нравственным исходом. Этим «иным» исходом, видимо, и можно считать хулиганство. Неслучайно именно предвоенные годы стали временем подлинного «расцвета» данного явления как в городах, так и в деревнях Российской империи»⁵²⁴.

Первопричину происходящего православная церковь связывала с ростом атеизма в молодежной среде. «Уже в самом начале революционных событий представители радикально настроенной молодежи провоцировали на селе бытовое богохульство. – отмечала Т.Г. Леонтьева. – Молодые деревенские люмпены наклеивали на стены храмов и иконы листовки, устно оскорбляли священников, распевали возле храмов непристойные песенки»⁵²⁵.

⁵²¹ Обзор Воронежской губернии за 1905 г. Воронеж, 1906. С. 48.

⁵²² Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С. 140.

⁵²³ ГАТО.Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 38.

⁵²⁴ Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 55–56.

⁵²⁵ Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2011. №1. С. 38.

В Орловской губернии в селе Войны Севского уезда шахтеры и разделяющие революционные взгляды крестьяне окружили дом священника о. Александра Синадского, угрожали, осыпали его всевозможными ругательствами, били стекла, бросали в окна поленья дров. Хулиганам не понравилась проповедь священника, сказанная накануне в храме, в которой он обращался к крестьянам села с просьбой не поддерживать «смутьянов» и не нарушать закон «Божеский и гражданский»⁵²⁶.

В Тамбовской губернии в селе Тулиновка крестьянами были организованы беспорядки в монастырской гостинице. По донесению настоятельницы, игуменьи Антонины, «сначала они сломали замок, которым была заперта дверь...очевидно с целью войти в гостиницу. А потом стали бить стекла в нижнем этаже комьями обледенелого снега»⁵²⁷.

В предреволюционный период в Центрально-Черноземном регионе наблюдались случаи явного кощунства по отношению к святыне, когда пьяная молодежь заходила в храмы и целенаправленно портила церковное имущество. Однако подобные происшествия были, как правило, единичными и вызывали общее неодобрение населения. Так, в Воронежском и Острогожском окружных судах количество преступлений против веры и церкви в 1904 г. составило – 3, а число осужденных – 4⁵²⁸, в 1905 г. составило – 7, а число осужденных – 9⁵²⁹, в 1906 г. – 12, число осужденных – 17⁵³⁰. Следовательно, количество преступлений на религиозной почве в революционный период возросло в несколько раз. В Орловской губернии. Количество преступлений против веры в 1904 г. насчитывало – 4⁵³¹, в 1905 г. – 8⁵³², в 1906 г. – 11⁵³³, а к 1907 г. возросло до 58⁵³⁴. Похожая ситуация наблюдалась и в других губерниях исследуемого региона.

На Рисунке 2 наглядно показано как изменялся уровень преступлений против веры и церкви в губерниях Центрального Черноземья под влиянием русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг.

⁵²⁶ Духовный подвиг сельского пастыря // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 25. С. 707.

⁵²⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5780. Л. 1.

⁵²⁸ Обзор Воронежской губернии за 1904 г. Воронеж, 1905. С. 49.

⁵²⁹ Обзор Воронежской губернии за 1905 г. Воронеж, 1906. С. 48.

⁵³⁰ Обзор Воронежской губернии за 1906 г. Воронеж, 1907. С. 51.

⁵³¹ Обзор Орловской губернии за 1904 г. Орел, 1905. С. 33.

⁵³² Обзор Орловской губернии за 1905 г. Орел, 1906. С. 33.

⁵³³ Обзор Орловской губернии за 1906 г. Орел, 1907. С. 34.

⁵³⁴ Обзор Орловской губернии за 1907 г. Орел, 1908. С. 30.

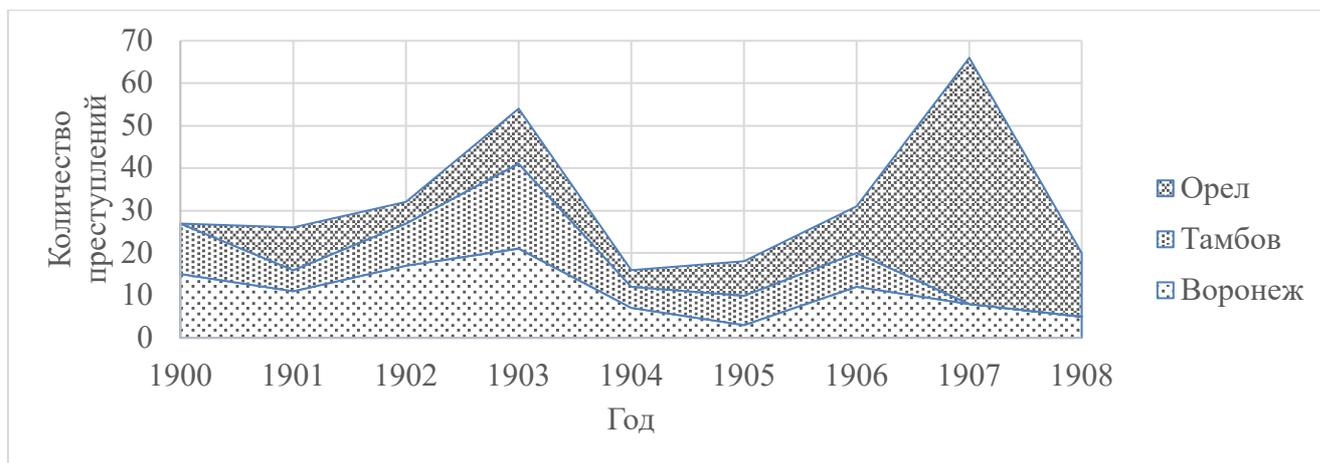

Рисунок 2 – Изменение количества преступлений на религиозной почве в Центральном Черноземье с 1900 г. по 1908 г.⁵³⁵

Если в 1904 г. число преступлений на религиозной почве резко падает, то с 1905 г. начинает постепенно возрастать. Особенно это заметно на примере Орловской губернии, где количество подобного рода правонарушений в разгар революции увеличивается в два с половиной раза.

Исследователь С.Л. Фирсов определяет феномен хулиганства и его распространение в начале XX в. в сельской местности как своеобразный протест определенной части населения против традиционного крестьянского образа жизни. Вышедший из привычной среды необразованный человек сталкивался с принципиально иной атмосферой, сложной для его понимания. Неспособность к критической оценке действительности и желание стать своим среди городского населения во многом определяли дальнейшую модель поведения неискующего сельского молодого человека и инстинктивно вызывали недовольство и протест против всего старого⁵³⁶. Так, городской староста г. Спасска в отчете Тамбовскому

⁵³⁵ Составлено по: Обзор Орловской губернии за 1901 г. Орел, 1902. С. 23; Обзор Орловской губернии за 1902 г. Орел, 1903. С. 28; Обзор Орловской губернии за 1903 г. Орел, 1904. С. 30; Обзор Орловской губернии за 1904 г. Орел, 1905. С. 33; Обзор Орловской губернии за 1905 г. Орел, 1906. С. 33; Обзор Орловской губернии за 1906 г. Орел, 1907. С. 34; Обзор Орловской губернии за 1907 г. Орел, 1908. С. 30; Обзор Орловской губернии за 1908 г. Орел, 1909. С. 33; Обзор Тамбовской губернии за 1900 г. Тамбов, 1902; Обзор Тамбовской губернии за 1901 г. Тамбов, 1903; Обзор Тамбовской губернии за 1902 г. Тамбов, 1904; Обзор Тамбовской губернии за 1903 г. Тамбов, 1905; Обзор Тамбовской губернии за 1904 г. Тамбов, 1906; Обзор Тамбовской губернии за 1905 г. Тамбов, 1907; Обзор Тамбовской губернии за 1906 г. Тамбов, 1908; Обзор Воронежской губернии за 1900 г. Воронеж, 1901. С. 35; Обзор Воронежской губернии за 1901 г. Воронеж, 1902. С. 35; Обзор Воронежской губернии за 1902 г. Воронеж, 1903. С. 41; Обзор Воронежской губернии за 1903 г. Воронеж, 1904. С. 43; Обзор Воронежской губернии за 1904 г. Воронеж, 1905. С. 49; Обзор Воронежской губернии за 1905 г. Воронеж, 1906. С. 48; Обзор Воронежской губернии за 1906 г. Воронеж, 1907. С. 51; Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж, 1908. С. 53; Обзор Воронежской губернии за 1908 г. Воронеж, 1909. С. 55.

⁵³⁶ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 60.

губернатору писал, что в 1904 г. были случаи буйств пьяных компаний, но подобное явление, скорее всего, надо отнести не к цели каких-либо особых дебоширств или демонстраций, а к распущенности и безнаказанности за проступки⁵³⁷.

В селе Вирятино, Тамбовской губернии молодые крестьяне-отходники, возвращаясь из города устраивали широкие гуляния. Молодежи хотелось показать свою принадлежность к городской жизни, продемонстрировать новую «полугородскую» одежду. Гуляния проходили до поздней ночи и сопровождались игрой на гармонике, песнями, выпивкой и совершением мелких правонарушений. Возвращение солдат с военной службы также широко праздновалось⁵³⁸. По данным Елатомского предводителя дворянства, в 1904 г. пьянство в уезде несколько не сократилось, а, наоборот, еще увеличилось и даже с худшими последствиями, чем это было раньше⁵³⁹.

Согласно свидетельству очевидцев, священники выступали против уличных безобразий, но их увещевания не имели никакого успеха. Как отмечает С.Л. Фирсов, «хулиганы своими действиями однозначно заявили о своей антирелигиозной направленности, так как отказывались от соблюдения любых традиций, следовательно, и от обычаев «веры предков»⁵⁴⁰.

Таким образом, революционные катаклизмы способствовали распространению атеистических идей в крестьянской среде и явились движущей силой тех процессов, которые имели место ранее, но не проявлялись в силу определенных обстоятельств. Церковь начинала все более не соответствовать запросам времени, что делало ее социально невостребованной и приводило к сокращению числа православных верующих.

Правительство видело угрозу в «расцерковлении» русского народа, поэтому оно считало одной из главных задач духовенства поиск диалога с лицами,

⁵³⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 59-об.

⁵³⁸ Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958. С.105–106.

⁵³⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 29.

⁵⁴⁰ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 63.

уклонившимися от православия. «Переживаемое нашим отечеством тяжелое время, несомненно, требует вразумляющего слова к его населению, в особенности к крестьянству, которое по своей необразованности, более восприимчиво, – говорилось в отчете Елатомского предводителя дворянства Тамбовскому губернатору. – Весьма желательно, чтобы духовное ведомство, возложило бы на способнейших из священников, действительно могущих принести пользу, обязанность говорить в церквях проповеди, ясно разъясняющие народу те пагубные для него последствия, которых добиваются, ради вреда всему отечеству, наши враги и запретило бы говорить тем из священников, которые не обладают даром слова, или же по каким-либо другим причинам, говорят так непонятно, что крестьяне понимают сказанную проповедь в обратном смысле»⁵⁴¹.

Духовенство, в особенности сельское, не было подготовлено к решению подобных проблем. Как упоминалось выше, в начале прошлого столетия церковь взаимодействовала с расколовшимся обществом, соответственно и методы работы духовенства с паствой должны были быть различными, в городе и сельской местности, с индифферентной и радикально настроенной массой. «Особенно трудно стало дело проповеди, – писал И.К. Смолич, – нужно было, чтобы она и воспринималась секуляризованными группами населения, и в тоже время была доходчивой для значительно более многочисленных слоев народа, продолжавших сохранять верность традициям и Церкви, прежде всего для крестьян, а также мещан и рабочих»⁵⁴².

Церкви необходимо было активизировать приходскую жизнь. Однако регулярные богослужения и большое количество бытовых обязанностей не позволяли священнослужителям активно заниматься проповеднической деятельностью. В Всеподданнейшем отчете обер-прокурора за 1903–1904 гг. говорилось: «Поставленное, в некоторых местах, еще по сие время в необходимость существовать за счет добровольных приношений, большинство сельского духовенства всецело поглощено заботами об обеспечении своих

⁵⁴¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 29-об; 30.

⁵⁴² Смолич И. К. Указ. соч. С. 34.

материальных нужд, ежедневно сталкиваясь с прихожанами на почве мелочных житейских интересов, в ущерб своему нравственному авторитету и достоинству⁵⁴³.

Сложность заключалась в том, что приходы были лишены многих юридических прав, связаны бюрократическими путями и не могли без согласования с властными структурами решать вопросы просветительского и социального характера. Для совершения какого-либо серьезного мероприятия будь то открытие больницы, читальни или нового прихода РПЦ требовалось разрешение властей. А в епархиях деятельность церкви контролировалась не только консисторией, но и светскими чиновниками⁵⁴⁴.

Во время революции и после нее в Синод приходило все больше тревожных докладных записок из епархий, в особенности из промышленных, о массовом отступлении рабочих от церкви. В отчетах епархиальных архиереев говорилось о повсеместной агитации среди крестьян, а духовенство обвинялось в лени и нежелании проповедовать и преподавать в церковно-приходских школах. Это, в свою очередь, способствовало увеличению количества земских школ, где революционно настроенные лица вели активную пропаганду против церкви⁵⁴⁵.

Таким образом, влияние священнослужителей на народные массы слабело, авторитет их стремительно падал, а крестьяне все чаще становились достоянием лиц с радикальными политическими и антицерковными идеями. «Причин тому много, – писал Митрополит Вениамин Федченков, одна из них в нас самих: мы перестали быть «соленою солью» и поэтому не могли осолить и других»⁵⁴⁶. Его слова подтверждают современники как в проповедях, так и в периодической печати. Так, ректор Тамбовской духовной семинарии Федор (Поздеевский) говорил, что мало добрых-то пастырей, учительных и заботливых о своей пастве⁵⁴⁷. Корреспондент Орловских епархиальных ведомостей подчеркивал: «Общество потому и не слушает пастырей, что они не граждане. Пастыри стоят как-то

⁵⁴³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1907. С.16.

⁵⁴⁴ Георгий Митрофанов, протоиерей. Указ. соч. С. 8.

⁵⁴⁵ См.: Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 33.

⁵⁴⁶ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122.

⁵⁴⁷ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002. С. 109.

особняком от общества, мало или совсем не принимая участия в гражданской жизни. Они живут как-то кастово-замкнуто, и общество естественно мало обращает внимания на них, далеких всем интересам, уклоняющихся от общественно-гражданской деятельности⁵⁴⁸.

Даже представители сельского населения осуждали недалёковидную приходскую деятельность духовенства. Так, по словам крестьянина Курской губернии Семенова, «наши пастыри, большею частью говорят совсем не там, где должно, не тем людям, кому должны, и говорят не то, что надлежит им говорить»⁵⁴⁹.

Митрополит Вениамин вспоминал, как стыдно ему пришлось за поступок священника, который пытался наставить на путь истинный одного из вольнодумных прихожан: «А мне так стало очень неловко за нашего батюшку: вместо отеческого и доброго слова он только и нашелся, что пригрозить полицейскими карами. Не этого нужно было бы ждать от церковного служителя и евангельского проповедника»⁵⁵⁰.

К тому же существовавшая система семинарского образования и воспитания, не отвечала актуальным педагогическим задачам, и как справедливо отмечал И.К. Смолич, «была не способна подготовить молодежь, захваченную веянием эпохи, к предстоящему ей священническому служению. Но и помимо собственно воспитания учителя оказывались несостоятельными даже перед чисто дидактическими задачами»⁵⁵¹.

Будучи непосредственным участником учебного процесса в четырех духовных семинариях империи (Калужской, Казанской, Тамбовской, Московской), Феодор (Поздеевский) указывал на то, что воспитанники против воли, нехотя изучали духовные науки нисколько не размышляя о важности предстоящего священнического служения⁵⁵².

⁵⁴⁸ Священник-гражданин // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 4. С. 117.

⁵⁴⁹ Письмо крестьянина священнику И. Ломакину // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 13–14. С. 297.

⁵⁵⁰ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 114–115.

⁵⁵¹ Смолич И.К. Указ. соч. С. 472.

⁵⁵² Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002. С. 109.

В церковной периодической печати говорилось об отрицательных сторонах учебно-воспитательной деятельности преподавателей духовных школ: «Воспитательная сторона в существующих заведениях поставлена плохо. Можно сказать, что воспитание в духовно-учебных заведениях совершенно отсутствует: нельзя же назвать воспитателями помощников инспекторов в семинариях, которые несут скорее полицейские обязанности, чем воспитывают. Духовники семинарий в большинстве ограничиваются отправлением церковных служб и от дела воспитания себя устранили. О преподавателях и говорить нечего: есть такие, которые не стесняются действовать отрицательным образом на воспитание учащихся»⁵⁵³.

Семинарист Михаил Сперанский в своем дневнике упоминал слова молодого сельского священника Александра Нечаева: «Наша семинарская наука слишком абстрактна. Кто собирается служить мужичку в роли его пастыря, тот должен еще до поступления в должность пастыря изучить жизнь мужичка и его физиономию. Для тех же, которые принимают священство не подготовившись, тому в самой жизни, трудно и почти невозможно»⁵⁵⁴.

Некоторые представители духовного сословия вели недостойный священнического сана образ жизни и были обвинены в нетрезвости и неблаговидных поступках. Так, диакон с. Березнеговатка Усманского уезда Егор Богоявленский в соответствии с негласным дознанием окружного благочинного вел жизнь нетрезвую и безнравственную⁵⁵⁵. Священник тюремной церкви г. Спасска Николай Розов злоупотреблял спиртными напитками, опускал церковные службы и не вел бесед с арестантами. Из материалов дела Тамбовской Духовной Консистории известно, что в Великую Субботу он явился в церковь служить утреню в пьяном виде и начал бранить надзирателей тюрьмы как на утрени, так и во время обедни вел себя непристойно»⁵⁵⁶.

⁵⁵³ Аполлосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего отечества // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. №1. С. 22.

⁵⁵⁴ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

⁵⁵⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д.2422. Л. 205.

⁵⁵⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2422. Л. 97.

Таким образом, архаичная система духовного образования нуждалась в скорейшем реформировании согласно современным запросам общества. Косный, схоластический подход к учебно-воспитательному процессу явился одной из причин распространения недовольства в стенах церковных учебных заведений накануне и во время революции 1905–1907 гг.

Однако несмотря на внутренний кризис в Русской Православной Церкви, она продолжала сохранять статус духовно-нравственного символа империи и пыталась, насколько могла, противостоять распространению революционных и антирелигиозных идей. «Никогда еще так остро, и так единодушно, не ощущалась и не признавалась необходимость просвещения народных масс» – говорилось в отчете председателя Моршанской уездной земской управы в мае 1905 г.⁵⁵⁷. На рубеже XIX – XX вв. в печати появилось большое количество статей на церковную тематику. В епархиальных изданиях приводились списки душеполезной и назидательной литературы.

В Воронежской губернии для населения представителями духовного сословия проводились религиозно-нравственные чтения, на которых для большей зрелищности использовались так называемые световые картинки. Даны были разрешения на введение таких чтений священникам села Новой Кирсановки, Новохоперского уезда, Владимиру Крылову и слободы Волоконовки, Бирюченского уезда, Александру Андреевскому. Всех мест для чтений со световыми картинками в епархии в 1905 году считалось с прежде разрешенными 102⁵⁵⁸. Чтения для народа велись также в городе при Воронежском Митрофановом монастыре иеромонахами этого монастыря и при Алексеевском мужском монастыре⁵⁵⁹. Мероприятия проводились под непосредственным личным руководством и пристальным наблюдением епископа Острогожского и

⁵⁵⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 47-об.

⁵⁵⁸ Отчет Совета Воронежского Братства святителя Митрофана и Тихона за 1904 год // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. №14. С. 19.

⁵⁵⁹ Там же. С. 24.

председателя Совета Братства святых Митрофана и Тихона. Чтения с интересом посещали не только представители интеллигенции, но и рабочие⁵⁶⁰.

Само содержание этих чтений напоминало церковную проповедь и церковное внебогослужебное собеседование. «Чтение с световыми картинками, – говорилось в местной периодической печати, – несомненно, оказали свое благоприятное влияние на приходскую жизнь. С каждым годом все более и более сокращается праздничный разгул и пьянство во время вечерних собраний молодежи, да и самих собраний в дни чтений почти не бывает, так как значительная часть молодежи отвлекается чтениями от улицы, а после чтений расходится по домам»⁵⁶¹.

Согласно Всеподданнейшему отчету Усманского городского головы за 1904 г., учащиеся в народных школах принимали живое участие в данных чтениях, которые в отчетном году велись более чем в 350 пунктах. Народные чтения весьма охотно посещаются крестьянами, приходившими за 3–5 и более верст послушать их. В больших аудиториях бывает не менее 500 человек⁵⁶².

В Курской губернии Отделом Императорского Православного Палестинского Общества в церквях и школьных помещениях в воскресные и праздничные дни устраивались чтения о Святой земле, сопровождавшиеся пением церковных и школьных хоров и демонстрацией световых картинок⁵⁶³.

Однако не во всех губерниях религиозно-воспитательные мероприятия, осуществляемые церковью и государством, приносили желаемые результаты и воспринимались населением положительно. Так, из доклада Липецкого городского головы известно, что организованные и ведомые местными учителями и священниками «народные чтения», посещались, главным образом лишь учениками начальных школ и ничего существенного для духовной жизни населения из себя не представляли⁵⁶⁴.

⁵⁶⁰ Отчет Совета Воронежского Братства святителя Митрофана и Тихона за 1904 год // Воронежские епархиальные ведомости. 1905. №14. С. 26–27.

⁵⁶¹ Там же. С. 19.

⁵⁶² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 83.

⁵⁶³ Обзор Курской губернии 1905 г. Курск, 1906. С. 114.

⁵⁶⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 15.

Уровень благочестия населения Центрально-Черноземного региона в революционный период можно определить подсчетом церковного свечного дохода. Согласно статистическим данным, чистой свечной прибыли в Российской империи в 1905 г. получено на 451369 р. больше, чем в 1904 г.⁵⁶⁵. В Таблице 11 показано, как увеличивался этот доход в исследуемых епархиях Центрального Черноземья за период революции. Приведенные цифры свидетельствуют о стабильности молитвенных настроений и регулярном посещении населения храмов.

Таблица 11 – Увеличение доходов от продажи свечей в церквях Центрально-Черноземных епархий в 1905 – 1907 гг.⁵⁶⁶

Наименование епархии	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Увеличение дохода
Воронежская	308.381 р. 03 к.	321675 р. 56 к.	338299 р. 08 к.	29918 р. 05 к.
Курская	323.556 р. 81 к.	365538 р. 93 к.	347898 р. 39 к.	24341 р. 58 к.
Орловская	213.641 р. 73 к.	235720 р. 08 к.	250675 р. 65 к.	37033 р. 92 к.
Тамбовская	393.159 р. 18 к.	402786 р. 69 к.	421914 р. 49 к.	28755 р. 31 к.
Итого	1238738 р. 75 к.	1325721 р. 26 к.	1358787 р. 61 к.	120048 р. 86 к.

Таким образом, в начале XX в. Русская Православная Церковь столкнулось с актуальной проблемой духовно-нравственного оскудения российского общества, с которой ей в условиях войны и революции становилось все труднее справляться. В целом общий уровень религиозности населения в Центрально-Черноземном регионе в указанный период оставался довольно высоким. Из проведенного исследования видно, что в большинстве своем крестьянское общество держалось веры своих предков и сохраняло верность православным традициям. Однако революционные события 1905–1907 гг. показали, что духовность народа несколько пошатнулась. В силу малограмотности и излишней восприимчивости крестьянское население становилось доступным для

⁵⁶⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 4.

⁵⁶⁶ Составлено по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 110–121.

революционеров-агитаторов, а массовая антиправительственная пропаганда, как правило, заключала в себе и антирелигиозную. Церковью и государством были предприняты все возможные мероприятия по стабилизации сложившейся ситуации, однако эти попытки, к сожалению, не увенчались успехом. Атеистические идеи все активнее проникали в сознание народных масс, авторитет духовенства падал, а крестьянский быт все больше секуляризировался. Православная церковь, пребывая в состоянии тяжелого внутреннего кризиса, была не готова противостоять своему главному, как показала история, политическому и мировоззренческому противнику, что было ярко продемонстрировано в годы революционных бурь.

3.2. Отношение православного духовенства российской провинции к революционным идеям

Самоидентификация священнослужителей и их детей

Политические взгляды деятелей Русской Православной Церкви на протяжении всей истории отличались консерватизмом. Поэтому, характеризуя линию поведения представителей духовного сословия, необходимо, в первую очередь, отметить их монархические убеждения и неприятие революции как таковой. «Насильственные перевороты существующего строя – революция, при всех обстоятельствах – нравственная ненормальность и поэтому предосудительна», – говорилось в Воронежских епархиальных ведомостях⁵⁶⁷. По мнению исследователя С.Л. Фирсова, «поддержка клириками существующего режима являлась нормой несмотря на то, что он нарушал каноническое устройство православной церкви»⁵⁶⁸.

В начале XX в. в русском православии возникает либеральное течение – «Союз церковного обновления», вошедшее в историю под именем «обновленчества». Представители данного направления стремились к идеям

⁵⁶⁷ Белозеров Е., свящ. Речь, сказанная после молебна в полночь накануне 1906 года в Павловском соборе // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 3. С.113.

⁵⁶⁸ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 135.

раннего христианства, выступали за церковное реформирование отдельно от государства, а также были сторонниками активного участия духовенства в общественно-политической жизни страны. Основопологающими идеями обновленчества стали вопросы укрепления социальных позиций христианской церкви, а также примирение религии и науки. «Начав бороться за «соборность», – писал С.Л. Фирсов, – лидеры обновленцев, в конце концов, превратились в политиков. Отсутствие клерикализма как политически оформленной «церковности» побудило обновленцев вступать в политические партии»⁵⁶⁹.

Однако либерализм в православной церкви был немногочисленным, крайним течением. Как отмечает советский историк А.И. Клибанов, «движение церковных обновленцев в России в начале XX в. было весьма слабым. По существу, им не удалось внести никаких изменений в официально признанную социальную доктрину православной церкви. Консерватизмом отличались и проповедовавшиеся Русской православной церковью политические воззрения. Объяснялось это давним и тесным ее союзом с царским самодержавием»⁵⁷⁰.

Поэтому скорее исключением явилась фигура санкт-петербургского священника Георгия Гапона, организовавшего 9 января 1905 г. массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся расстрелом мирной демонстрации и положившее начало Первой русской революции 1905–1907 гг. Это событие, вошедшее в историю под названием «Кровавое воскресенье», получило отрицательную оценку среди духовенства и православных верующих. Для многих так и осталось непонятным как император, почитаемый и обожаемый народом, мог не принять его. По словам современника протоиерея Валентина Свенцицкого, «события 9 января застали христиан врасплох. Многие в отдельности предчувствовали неизбежные кровопролития, предугадывали все ужасы грядущей русской жизни»⁵⁷¹.

⁵⁶⁹ Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. С. 269.

⁵⁷⁰ Клибанов А.И. Народное противощерковное движение // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 390–391.

⁵⁷¹ Валентин Свенцицкий, прот. Собрание сочинений. Т. 2. М., 2010. С. 40.

Если консервативная печать характеризовала случившееся как «Высочайший Иорданский выход! Пальбой в народ по ошибке!»⁵⁷², то Митрополит Вениамин (Федченков) с горечью отмечал: «Я, человек монархических настроений, не только не радовался этой победе правительства, но почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих, чтобы ни случилось потом... А, тут еще шли с иконами и хоругвями... Нет, нет, не так мне верилось, не так хотелось. И хотя я после продолжал, конечно, быть лояльным к царю и монархическому строю, но очарование царем упало. Говорят: кумир поверженный все же кумир. Нет, если он упал, то уже не кумир. Пала вера и в силу царя, и этого строя. Напрасно тогда генерал Трепов расклеивал по столице длинные афиши с приказами: «Патронов не жалеть!». Это говорило о напуганности правительства, а еще больше – о разрыве его с народными массами, что несравненно страшнее»⁵⁷³.

Тем не менее главная социальная миссия церкви была направлена на поддержку и укрепление политического строя. Оправдывая действия властей, епископ Сергей (Страгородский) отмечал: «Иного исхода они (защитники порядка. – Е.Л.) уже не видели и, может быть, такой ужасной ценой предотвратили нечто большее и худшее»⁵⁷⁴.

В обязанность духовенства во все времена входило: молиться за Отечество, утешать и поддерживать народ, вразумлять и предостерегать его в речах и проповедях от противоправных поступков. Этим занималось большинство священнослужителей в период революционных потрясений. Так, в разгар событий 27 октября 1905 г. духовенство Кронштадтской Морской Богоявленской церкви по собственной инициативе прошло крестным ходом по всем наиболее беспокойным местам погрома и пожара. Из рапорта Кронштадтского городского головы протопресвитеру А.А. Желобовскому известно, что по пути следования все священники уговаривали матросов образумиться, прекратить погром и приняться за тушение пожаров. Особенное впечатление произвела речь о. Сергия Путилина,

⁵⁷² Попов П., свящ. Наследие старого года // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 70.

⁵⁷³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122–123.

⁵⁷⁴ Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 13. С. 616–617.

сильно подействовавшая на некоторых матросов и крестный ход, по мере прохождения улиц, все увеличивался в своем составе, присоединяя участников беспорядка. Многие матросы начали принимать участие в прекращении пожаров, а другие уговаривали всех разойтись по домам. Все это, в общем, способствовало успокоению⁵⁷⁵. Жители города Кронштадта охарактеризовали поступок причта как истинно пастырское, самоотверженное и безбоязненное исполнение своего долга⁵⁷⁶.

В провинции также начались волнения, массовые беспорядки рабочих и крестьян, выражавшиеся в поджогах, погромах «помещичьих экономий» и призывах к насилию. По словам современников, «тяжело было в это время положение сельских священников, видевших как их духовные чада, позабыв христианские заветы, заглушив голос совести, шли на грабеж чужого имущества»⁵⁷⁷. В Тамбовской губернии в с. Остроухове священнику о. Михаилу Лачинову «слезною мольбою» пришлось останавливать своих прихожан от разгрома землевладельческих усадеб⁵⁷⁸.

В Воронежской губернии 18 сентября 1905 г. в дисциплинарном батальоне вспыхнул мятеж. Заключенные кричали, требовали, ругались, свистели, били стекла и пытались ломать открытые решетки. Священник Тихон Попов, рискуя собственной жизнью, увещевал возмутившихся, призывал к успокоению и благоразумию. Спрятав жену и детей в доме церковного старосты, о. Тихон пытался спасти святыни храма, церковное имущество и архивы. В результате восстания бунтовщиками были сожжены батальонный храм, околоцерковные постройки, разграблено имущество⁵⁷⁹. Духовным правлением при протопресвитере военного и морского духовенства было рекомендовано иерею Тихону Попову, ввиду проявленного заключенными мятежного духа, усугубить меры пастырского на них воздействия⁵⁸⁰.

⁵⁷⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5324. Л. 1–1-об.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Духовный подвиг сельского пастыря // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 25. С. 704.

⁵⁷⁸ Копия с протокола собрания «Тамбовского союза русских людей 27 ноября» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 22.

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5341. Л. 4.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 5.

Священнику села Войны Орловской епархии о. Александру Синадскому удалось с помощью проповедей и внушений удержать своих прихожан от участия в беспорядках. Рискуя жизнью, с крестом в руках он прибыл к заводу г. Подлинева, где сосредоточились восставшие (в основной своей массе приезжие) и обратился к ним с просьбой, оставить крестьян. А свою паству о. Александр просил, не слушать «смутьянов», чтобы избежать горя и слез в семьях. Увещевания священника подействовали на некоторых жителей села, и они стали расходиться, в скором времени уехали и неизвестные. За добросовестное исполнение долга, присяги и духовный подвиг иерей Александр Синадский получил благодарность от правящего архиерея и был награжден набедренником⁵⁸¹.

В результате исследования установлено, что в Центрально-Черноземном регионе встречались священнослужители, настроенные против государственной власти и разделявшие революционные идеи. Из сохранившихся источников известно, что в некоторых епархиях имели место единичные случаи, когда приходские священники сознательно подталкивали население к противоправным действиям «давая ложное толкование распоряжениям и действиям власти»⁵⁸².

По мнению американского историка Лори Манчестер, «в представлении духовенства между царем и народам был заключен своеобразный «социальный контракт», согласно которому монарх был обязан заботиться о единстве миллионов православных верующих, проживавших в России. Осознание того, что царь нарушил неписанный «социальный контракт», побудило некоторых молодых клириков бросить вызов государству и вступить на путь нелегальной политической деятельности, установив контакты с радикальными группировками»⁵⁸³.

В Тамбовской губернии псаломщик Покровской церкви села Алехина Е.Г. Юдин был обвинен в оскорбительных высказываниях в адрес царя, и публичных призывах к бунту. В результате судебного разбирательства он был отдан под особый надзор полиции по месту жительства⁵⁸⁴. Псаломщик села Чащина

⁵⁸¹ Духовный подвиг сельского пастыря // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 25. С. 704–710.

⁵⁸² Определения Святейшего Синода // Курские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 12.

⁵⁸³ Манчестер Л. Указ. соч. 2015. С. 39.

⁵⁸⁴ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 619. Л. 3; 31.

Борисоглебского уезда П.Ф. Муравьев обвинялся в оскорбительных высказываниях в адрес императора⁵⁸⁵. По подозрению в политической неблагонадежности в марте 1906 г. священник Шацкого уезда отец Павел Курганский был заключен под стражу. Однако в результате проведенного расследования, за недостатком доказательств обвинение пришлось снять⁵⁸⁶. Клирик по фамилии Каменский во время революционных беспорядков в Балашовском уезде принял самое деятельное участие в подстрекательстве крестьян к нападению на владения помещика Сатина⁵⁸⁷.

В Воронежской губернии в Валуйском уезде был арестован священник Иоанн Мерецкий, которому удалось организовать местное отделение «Всероссийского крестьянского союза». Пользуясь своим положением о. Иоанн открыто агитировал крестьян, призывал к неповиновению властям и насильственному изъятию помещичьих землевладений. Во время революционных событий им были инициированы поджоги в нескольких селах уезда⁵⁸⁸.

Священник Тамбовской епархии П. Грантов призывал жителей деревни Керши Тамбовского уезда к противоправным действиям. Клирик неверно интерпретировал содержание Высочайшего Манифеста, оправдывая начавшиеся беспорядки новыми царскими законами⁵⁸⁹.

Однако, как показало исследование, священнослужителей, занимающихся революционной деятельностью, в Центрально-Черноземном регионе было крайне мало. К примеру, в Тамбовской епархии за период с 1905–1906 гг. к административной ответственности было привлечено 12 лиц духовного звания (9 священников и 3 дьякона)⁵⁹⁰. Во Всеподданейшем отчете обер-прокурора Святейшего Синода говорилось, что «встречались в рядах духовенства предатели, отверженные церковным судом и осужденные народной совестью, но они

⁵⁸⁵ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 580. Л. 2.

⁵⁸⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2438. Л. 42.

⁵⁸⁷ 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 13.

⁵⁸⁸ См.: Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2015. С. 264–266.

⁵⁸⁹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 696. Л. 115.

⁵⁹⁰ Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ...к. ист. н. Тамбов, 2006. С. 112.

считались единицами, были колеблющиеся, сбитые с толку, шедшие на сближение с врагом, но их были сотни из всей 50-тысячной Христоносной рати русского православного духовенства»⁵⁹¹.

Из сохранившегося в фондах ГАТО Журнала регистрации дел по обвинению священнослужителей в неблагоприятных поступках в Тамбовской епархии с 1904–1907 гг. известно, что основная масса духовенства политических преступлений не совершала, а, чаще всего, привлекалась к ответственности за нетрезвый образ жизни и несоблюдение супружеской верности. Как отмечает Т.Г. Леонтьева, самыми распространенными обвинениями в адрес священнослужителей были следующие: «дрался в храме в облачении, плясал в рясе с молодежью, имеет любовницу, часто пьян, венчает незаконные браки»⁵⁹². По свидетельству преосвященных, в среде духовного сословия часто встречались: нетрезвость, порок порою общий с народом, сутяжничество, вражда, споры и пререкания, то между самими причтами, то между причтом и прихожанами, вымогательства при требоисполнениях, небрежное отношение к своим обязанностям и прочее⁵⁹³.

По справедливому замечанию Лори Манчестер, «клирики – даже накануне революции – не рассматривали свою деятельность в качестве чисто политической. Они не спешили отождествлять себя с той или иной оппозиционной партией, считая, что действуют во имя церкви, народа и собратьев по духовному сословию»⁵⁹⁴. Это в очередной раз доказывает слова Митрополита Вениамина (Федченкова): «В массе духовенство оставалось «вне политики», это была лучшая «политика» их...»⁵⁹⁵.

Чего нельзя сказать о детях священнослужителей, многие из которых в начале прошлого столетия были вовлечены в революционные общества и приняли самое деятельное участие в освободительном движении. Так, из Орловской духовной семинарии были исключены учащиеся 4-го класса Петр Вознесенский,

⁵⁹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 3.

⁵⁹² Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 40.

⁵⁹³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С. 116.

⁵⁹⁴ Манчестер Л. Указ. соч. С. 39.

⁵⁹⁵ Вениамин (Федченков), митрополит. Указ.соч. С. 122.

Клавдий Одров и Владимир Семенов за причастность к антиправительственным группировкам и хранение запрещенной литературы⁵⁹⁶.

Сын священника Введенской церкви города Тамбова, потомственный почетный гражданин А.И. Доброхотов был арестован и заключен под стражу в Кирсановской тюрьме. При обыске у семинариста были обнаружены брошюры революционного характера и преступные издания крестьянского союза. При переезде в город Воронеж, как отданный под особый надзор полиции, А.И. Доброхотов бежал и был задержан спустя год в городе Саратове под фамилией Шашлова как видный деятель Саратовской организации социалистов-революционеров-максималистов⁵⁹⁷.

Из материалов Тамбовского губернского жандармского управления известно о сыне священника, бывшем семинаристе Александре Тапильском, который принадлежал к тайному революционному обществу и отправлял запрещенные письма на адрес своего отца⁵⁹⁸.

Воспитанники Воронежской духовной семинарии: сын псаломщика И.С. Таиров и бывший семинарист, студент 1 курса Санкт-Петербургского университета, сын диакона Н.Ф. Попов были заключены под стражу в Воронежскую тюрьму. Из отобранного в результате обыска материала несложно было понять, что арестованные принадлежали к революционной организации террористов⁵⁹⁹.

Имели место факты, когда агитаторы под видом учителей проникали в священническую семью. Как отмечает Митрополит Вениамин (Федченков) сельскому духовенству тяжело было учить детей в городе, поэтому некоторые нанимали учителей-студентов: «Так дом священника неожиданно (конечно, вопреки его намерению) становился рассадником революции»⁶⁰⁰.

⁵⁹⁶ См.: Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Л., 1925. С. 22.

⁵⁹⁷ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 406. Л. 4; 8; 44.

⁵⁹⁸ Там же. Д. 382. Л. 3–3-об.

⁵⁹⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 397. Л. 2; 4.

⁶⁰⁰ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 115.

Одна из причин революционности семинарской молодежи заключалась в появлении радикально настроенных элементов в церковных учебных заведениях, которые проводили активную агитационную работу. В исследуемый период духовные школы все больше пополнялись детьми из других сословий, как правило, низших, потому что городские жители и состоятельные крестьяне старались отдавать своих детей в более престижные учебные заведения. Георгий Гапон вспоминал, как чувствовал себя неловко в семинарии среди детей священнослужителей, которые смотрели на него свысока⁶⁰¹.

Как отмечают большинство историков, «выходцы из духовного сословия под влиянием либеральных идей не стремились следовать по пути отцов. Многие после окончания духовной семинарии поступали в светские высшие учебные заведения, становились военными, врачами, служащими. Для представителей других социальных групп священнический труд не представляется заманчивым, «лишь немногие идеалисты были готовы идти наперекор общественным течениям и вступали в духовное сословие»⁶⁰². Дети священнослужителей «по окончании семинарии, в огромном большинстве уходили по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники и только 10–15 процентов шли в пастыри», – вспоминал Митрополит Вениамин (Федченков)⁶⁰³.

Воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в 1907 г. в своем дневнике писал: «Предо мною предстоят два высших учебных заведения: академия и университет. Вот мне и хотелось бы заранее решить: останусь ли я с семинарским образованием для жизни и должен специально готовиться к роли священника или мне предстоит ехать в высшее учебное заведение»⁶⁰⁴. Советский общественный деятель К.В. Островитянов после окончания в 1912 г. Тамбовской духовной семинарии продолжил обучение в Московском коммерческом институте. Спустя годы он вспоминал, что мечтал о городской жизни, высшем образовании и

⁶⁰¹ Записки Георгия Гапона. М., 1918. С. 12.

⁶⁰² Смолич И. К. Указ.соч. С. 380; Георгий Митрофанов, прот. Указ. соч. С. 6.

⁶⁰³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 94.

⁶⁰⁴ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

возможности продолжать революционную деятельность, начатую еще в годы учебы в Тамбове⁶⁰⁵. Воспитанники Воронежской духовной семинарии на вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути отвечали, что «если удастся пойдут в университет или в ветеринарный институт, не удастся – пойдут по торной дорожке...»⁶⁰⁶.

Историк Р.Ю. Просветов в статье «Тамбовская духовная семинария при ректорах Феодоре (Поздеевском) и Симеоне (Холмогорове) в 1904–1907 годах» подчеркивает, что «из 11% от общего числа воспитанников, окончивших курс Тамбовской семинарии в 1905–1906 годах, 8% поступили в высшие светские учебные заведения. В 1906–1907 учебном году данное соотношение составило 6% от 10% окончивших курс»⁶⁰⁷.

В отчете обер-прокурора Святейшего Синода говорилось: «Довольно часты такие явления, что из 50–60 человек, окончивших духовную семинарию, в священники идет лишь 2–3 человека, много 5 человек. Следствием этого было то, что часто некоторые приходы, особенно беднейшие не имели пастырей по 2–3 года. Уклонение воспитанников духовно-учебных заведений от прямой своей цели происходит как от трудностей пастырского служения, многих невыгод и материальной необеспеченности духовенства, так часто и от того, что в духовные семинарии попадали лица в силу необходимости – недостаточности средств получить образование в светских средне-учебных заведениях»⁶⁰⁸.

По мнению Митрополита Евлогия (Георгиевского), «религиозное воспитание развивало в детях духовенства чувство справедливости, протест против недостаточности ее в обществе, эксплуатации и общественных обид, которые он наблюдал вокруг себя с раннего детства. Многие представители деревенского духовенства жили сравнительно бедно, а школы были платными, и только в

⁶⁰⁵ Островитянов К.В. Думы о прошлом. М. 1967. С. 43; 50.

⁶⁰⁶ Никольский П.В. В добрый путь! (Посвящается духовному юношеству) // Воронежские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 487–488.

⁶⁰⁷ Просветов Р.Ю. Тамбовская духовная семинария при ректорах Феодоре (Поздеевском) и Симеоне (Холмогорове) в 1904–1907 годах. [Электронный ресурс]. URL: <http://sobor.narod.ru/txt/Feodor/seminary.html> (дата обращения: 13.05.2015).

⁶⁰⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. СПб., 1909. С.113.

семинариях существовали бесплатные общежития – бурсы. Поэтому для детей священников фактически не было другого пути к образованию, кроме семинарии. Следовательно, около половины семинаристов ничего общего с семинарией не имели: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию»⁶⁰⁹.

«Для тех, кто был в семинарии поневоле, внешнее обязательное благочестие было сплошным лицемерием, – отмечал Д.В. Пospelовский, – вызывало раздражение, бунтарство и часто приводило к воинствующему атеизму»⁶¹⁰. Отец Сергей Булгаков вспоминал, что «это противление еще усиливалось через принудительное благочестие: продолжительные службы, с «акафистами» и под., вообще обрядовое благочестие уже не удовлетворяло, а только раздражало»⁶¹¹.

По словам ректора Тамбовской духовной семинарии Федора (Поздеевского), «в теперешней духовной школе учится элемент совершенно случайный, притягиваемый к духовному лишь только ради своего происхождения от духовных родителей, а не по сознательному влечению или призванию к пастырству. На свое положение такие школьники смотрят исключительно, как на подневольное, и потому всеми мерами желают сбросить с себя непроизвольно несомое бремя, почти с отвращением относясь к нему, как ко всему подневольному и мало сознанному. Отсюда именно и вся фальшь дела в духовной школе, и вся манкировка у школьников, в последнее время доходящая до забастовок и бунтов, как выражения открытого недовольства подневольным положением в духовной, нежелательной для них школе»⁶¹².

В конце XIX в. в семинариях стали возникать первые акции протеста, которые главным образом были направлены против строгих внутрисеминарских порядков и принудительных церковно-обрядовых мероприятий. В Центрально-Черноземном регионе протестные движения прошли в Воронеже, Тамбове, Орле.

⁶⁰⁹ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 64.

⁶¹⁰ Пospelовский Д.В. Указ. соч. С. 21.

⁶¹¹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. М.; Берлин, 2016. С. 25.

⁶¹² Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002 г. С. 234.

Представители церковной молодежи устраивали демонстрации, распространяли прокламации революционного содержания. Апогеем протестного движения в Воронежской семинарии явилось покушение на инспектора. Злоумышленники пытались произвести взрыв в его квартире, бросив в печь коробку с порохом⁶¹³.

В 1894 г. массовые беспорядки прошли в Орловской духовной семинарии. Ученики неоднократно стреляли в квартиру ректора, устраивали погромы. При обыске у троих семинаристов (Владимира Архангельского, Ильи Александрийского и Якова Иванова) были обнаружены револьверы⁶¹⁴.

Тамбовская духовная семинария не оказалась исключением. Как отмечал митрополит Вениамин (Федченков), закончивший ее в 1903 г.: «Первый бунт возник по причине жёсткого обращения преподавателя с семинаристами. Другие бунты возникали без особой причины, так как уже начала разваливаться дисциплина под влиянием революционной борьбы»⁶¹⁵.

В период революции 1905–1907 гг. в духовных школах империи началась очередная волна протеста. Учащиеся отказывались отвечать и присутствовать на занятиях, били стекла, ломали двери, выкрикивали ругательства⁶¹⁶. В учебных заведениях Тамбова, Воронежа, Курска, Орла дело доходило до серьезных столкновений и почти везде имели место постоянные стычки между преподавателями и учащимися. Так, воспитанниками Тамбовской духовной семинарии были совершены покушения на ректоров Феодора (Поздеевского)⁶¹⁷ и Симеона (Холмогорова)⁶¹⁸. В сентябре 1905 г. вспыхнуло восстание в Воронежской семинарии, в результате которого руководству пришлось закрыть учебное заведение, а наиболее активных участников отчислить и выдворить из города⁶¹⁹.

⁶¹³ См.: Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 26.

⁶¹⁴ Там же. С. 64.

⁶¹⁵ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 92.

⁶¹⁶ См.: Воронский А.К. Избранная проза. М., 1987. С. 260.

⁶¹⁷ ГАТО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 772. Л. 6–7 об.

⁶¹⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 113. Д. 1. Л. 5–6.

⁶¹⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 553. Л. 1; 15.

Как показало исследование волнения в духовных школах Центрально-Черноземного региона продолжались весь 1907 г., а агитационная деятельность семинаристов-революционеров не прекращалась до самого конца⁶²⁰.

Таким образом, в начале XX вв. в церковных учебных заведениях появлялось все больше лиц, недовольных существующим режимом, некоторые из них открыто выражали свой протест, создавали оппозиционные группировки, вели пропагандистскую работу. К примеру, Георгий Гапон, будучи воспитанником Полтавской духовной семинарии, открыто высказывал свое недовольство и «порицал существующее лицемерие», за что был лишен правительственной стипендии⁶²¹. Светские и церковные власти насколько могли старались держать ситуацию под контролем: устраивали обыски, просматривали корреспонденцию учащихся, осуществляли дисциплинарные взыскания, внедряли в среду семинаристов надежных осведомителей. Тем не менее полностью искоренить революционную деятельность учеников в духовных школах им так и не удалось.

Дети священнослужителей с детства видели все отрицательные стороны священнического служения. Как отмечала Т.Г. Леонтьева, «в сельской местности священники часто оказывались чужими и как служители Господа, и как представители более высокого сословия⁶²². Однако по свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова): «Священники никогда не были приняты в высшем классе, и скорее они жили гораздо ближе к серому крестьянству, чем к богатым. Это потом спасло большинство их»⁶²³. По мнению Лори Манчестер, «поповичей» в деревенской среде не считали «своими», но признавали за ними способность к глубокому пониманию жизни народа⁶²⁴.

Материальное положение сельских священников во многом зависело от прихожан и в особенности от так называемых «кулаков-мироедов», этому, в первую очередь, способствовало архаичное судопроизводство духовного

⁶²⁰ Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Духовные семинарии Центрально-Черноземного региона в период революции 1905–1907 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (283). С. 176.

⁶²¹ Записки Георгия Гапона. М., 1918. С. 12.

⁶²² Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 31.

⁶²³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 114–115.

⁶²⁴ Манчестер Л. Указ.соч. С. 54.

ведомства. «Кулаки-мироеды» или кулаки-ростовщики представляли собой особый тип людей, зажиточных крестьян, с которым сельским священникам приходилось контактировать в своей повседневной жизни. Чтобы избежать неприятного столкновения с данными лицами священник должен был снисходительно молчать обо всех беспорядках и безобразиях приходской жизни и потворствовать их неблагоприятным поступкам. Кулаки, в свою очередь, аккуратно вносили жалование, щедро благодарили, исправно платили требы.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, как его отец боролся против сельских кулаков-ростовщиков в своих проповедях. «Однако, когда пришло время определять детей в училище, ему пришлось идти на поклон к тем же кулакам. С теми людьми, которых следовало обличать, приходилось говорить ласково»⁶²⁵. В этом заключалась вся безысходность положения сельского пастыря.

Таким образом, в менталитете выходцев из духовного сословия с детства было заложено негативное отношение к социальному неравенству, отсюда антиклерикальные настроения молодежи в семинариях. «Забитость, униженное положение отцов сказывалось бунтарским протестом в детях», – писал митрополит Евлогий (Георгиевский)⁶²⁶.

«Поповичи», недовольные социальным положением и образом жизни своих предков, стремились покинуть предназначавшееся им поприще, и интегрироваться в среду интеллигенции и дворянства, – отмечала Лори Манчестер. – Общаясь с представителями других социальных классов, они знакомились с либеральными, а то и радикальными идеями. Покидая ряды духовенства, уходя «в мир», поповичи становились частью российской интеллигенции»⁶²⁷.

Однако, несмотря на наметившуюся тенденцию, большинство воспитанников семинарий и Духовных академий оставались верны церкви и монархии и зачастую даже боялись своих инакомыслящих собратьев. К примеру, семинарист Михаил Сперанский в 1907 г. писал: «Да, у нас в семинарии

⁶²⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 68.

⁶²⁶ Там же.

⁶²⁷ Манчестер Л. Указ. соч. С. 9.

разыгрываются дела. Уходишь с уроков и не знаешь: придется ли завтра снова посетить классы. Ныне решали: быть семинарии или не быть – проводить забастовку или нет. От забастовки большинство отказалось. При тайной баллотировке в нашем классе было 18 записок против забастовки и 15 за забастовку. Дай Бог, чтобы дело утихло, чтобы жизнь наша опять потекла своим чередом»⁶²⁸. Бывший воспитанник Тамбовской духовной семинарии К.В. Островитянов в своих воспоминаниях указывал на то, что лишь небольшая часть семинаристов состояла в организациях, главным образом социал-революционеров и вела подпольную работу⁶²⁹.

При этом сами представители революционных группировок чаще всего боялись иметь дело с выходцами из духовного сословия, так как в сознании русских людей православная церковь была неразрывно связана с самодержавием, следовательно, несла ответственность за все государственные инициативы, совершенные против народа. Как отмечала Л. Манчестер, «подобные отношения к клирикам сохранялось в радикальных кругах даже в разгар революционных потрясений 1905 года, когда семинаристы, как и все русское общество, восстали против самодержавия. Один из революционеров в письме к бунтовщикам-семинаристам, давая им практические советы по организации восстания, выражал в то же время сомнения в том, что они смогут чем-то поспособствовать делу революции. Он сообщал, что посоветовался с товарищами и они единогласно решили: с семинаристами связываться не стоит из-за их духовной недоразвитости»⁶³⁰.

Уходя из прежней среды в светское общество, дети священнослужителей продолжали нести печать своего духовного происхождения. Некоторые «поповичи», увлекшиеся революционными идеями, со временем одумывались и возвращались в лоно церкви. К примеру, С.Н. Булгаков, будучи сыном приходского священника Орловской епархии, в молодости был причастен к

⁶²⁸ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 29.10.2018).

⁶²⁹ Островитянов К.В. Указ. соч. С. 20.

⁶³⁰ Манчестер Л. Указ. соч. С. 58.

революционному движению, однако, годы спустя вернулся в православие и принял священнический сан. «Я никогда не мирился с ним (нигилизмом. – Е.Л.), – писал С.Н. Булгаков в автобиографических заметках, – нося его как платье с чужого плеча, доколе не найдено было мною собственное. Да и вообще это мой переход не от веры к неверию, но с одной своей веры к другой, чужой и пустой, но все-таки вере, имеющей для себя свои собственные святыни»⁶³¹.

Церковь совместно с государством пыталась бороться с революционным движением и массовым обмирщением населения различными методами от административных взысканий до мирных убеждений. В Тамбовском жандармском управлении было заведено дело на сына священника села Ново-Юрьева Козловского уезда Ястребова Василия Ивановича, высказавшегося в отношении императора и военных событий на Дальнем Востоке следующим образом: «Не умевший открыл войну, только других стесняет, его бы самого заставили воевать, ему хорошо сидеть дома»⁶³². Показательно, что за данное высказывание молодой человек был привлечен собственным отцом к ответственности.

Священник Воронежской епархии хутора Богачки Валуйского уезда Савва Автономов проявил бдительность и обратился к руководству, заподозрив в неблагонадежности остановившегося у него на квартире псаломщика Н.Н. Васильева⁶³³. Несмотря на то, что его подозрения не оправдались, указанные выше примеры свидетельствуют о неоспоримой поддержке провинциальным православным духовенством власти. Как совершенно справедливо отмечал исследователь С.Л. Фирсов: «Не по принуждению, а по своему воспитанию и убеждению»⁶³⁴.

Для борьбы с революцией ректором Тамбовской духовной семинарии Феодором (Поздеевским) был создан отдел «Союз русских людей», который начал свою работу 6 ноября 1906 г. В копии протокола собрания от 27 ноября сообщалось

⁶³¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 30.

⁶³² ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 335. Л. 11-об.

⁶³³ См.: Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика.: дис. ...к. ист. н. Воронеж, 2015. С. 253.

⁶³⁴ Фирсов С.Л. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С. 135.

о просьбе сельских священников прислать им как можно больше брошюр и воззваний для раздачи крестьянам, а также для проведения собраний в такое время, чтобы на них могли присутствовать крестьяне⁶³⁵. Этот факт говорит о проведении просветительской работы сельских священников с паствой.

Однако православное духовенство недооценило всю серьезность назревающего мировоззренческого конфликта в стране и ошибочно надеялось на глубокую религиозность народных масс, рассчитывая на их поддержку: «Простой честный русский народ остается спокойным и незыблемым на своих вековых основаниях, заключающихся в преданности Церкви и Царю»⁶³⁶. «Мы уверены, что встретим горячее сочувствие в массе простого народа и образованного общества, – говорилось в Воронежских епархиальных ведомостях. – Ядро этого народа и общества еще более ошеломлено происходящим революционным движением, чем деятели духовного просвещения; но это ядро не думало порывать с христианством и только ждет вождей христианского просвещения, чтобы соединиться с ним»⁶³⁷.

Несмотря на неприятие абсолютным большинством представителей духовного сословия революции среди них встречались лица, как правило, достойные и весьма образованные, которые видели в некоторых революционных требованиях пользу для народа. Эти священнослужители до конца оставались верны церкви и не стремились высказывать свои взгляды открыто, что прослеживается в их воспоминаниях, дневниках, проповедях и даже частично на страницах консервативной периодической печати. Сергей Булгаков, порвавший с революционными идеями и принявший сан священника, отмечал, что остался непримирим к раболепству и порабощенности всей русской жизни, в частности церковной: «Этого я не мог и не должен был принять, и в этом неприятии я не могу раскаиваться. В известном смысле могу сказать, что его я сохранил «даже и до дня сего» и хочу сохранить до конца своих дней – верность началам свободы и хранения человеческого достоинства с непримиримостью ко всякому

⁶³⁵ Копия с протокола собрания «Тамбовского союза русских людей 27 ноября» // Тамбовские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 22.

⁶³⁶ Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 13. С. 619.

⁶³⁷ Никольский П.В. Церковная школа // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 5.

«тоталитаризму». Здесь я хочу остаться в рядах русской «прогрессивной» (не хочу отрицаться также и этого слова) общественности»⁶³⁸.

Митрополит Вениамин (Федченков) в книге воспоминаний характеризовал положение церкви на рубеже веков как «весьма ложное»⁶³⁹. «По сущности своей христианская церковь скорее антиреволюционная, – писал иерарх. – А положение духовенства среди народа, с одной стороны, а властей и господ – с другой, заставляло ее быть более сдержанной. Да если бы кто думал и иначе, он, чисто по пасторской педагогике, обязан был быть благоразумным: легко разжечь недобрые инстинкты в человеке, а как трудно потом их утешать! Даже самая чистая правда – истина может оказаться иногда провокационным средством. По всем этим мотивам, не так уж плохим, наша Церковь вместе с народом больше молчала»⁶⁴⁰.

При этом духовенство в особенности представители высшей иерархической ступени и городские священники, по своему социальному статусу приближались к буржуазии. Даже сельский «батюшка», несмотря на ассимиляцию с крестьянской средой, считался в деревне «господским классом». Отец Сергей Булгаков, сын сельского священника Орловской губернии, вспоминая свои детские годы, писал: «Себя мы чувствовали все-таки привилегированными, как бы ни было в действительности скромно наше существование, и это сознание вносило острое чувство стыда и социального покаяния, хотя и бессильного. По-детски это выражалось так: к празднику Пасхи нам обыкновенно шилась какая-нибудь новая принадлежность туалета: уродливые сапоги, не менее уродливый костюм, вообще обновки, которые, конечно, весело и не без горделивости самолюбования чувствовались ее обладателем. И к этому всегда примешивался щемящий звук, как ноющий зуб: а такой-то (Ванька, Кузятка и под.) будет в своем единственном, старом, замусоленном, уродливом дипломате или свитке, потому что ему нечего больше надеть»⁶⁴¹. По словам самого о. Сергия, психология

⁶³⁸ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 26.

⁶³⁹ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 12.

«кающегося интеллигента», вместе с его «народничеством» зародились еще в детские годы в деревне»⁶⁴².

Сложившаяся ситуация ставила церковь в жесткие рамки, духовенству оставалось лишь сочувствовать и утешать крестьян, поддерживать их духовные силы и терпение. Симпатию к некоторым революционным идеям со стороны духовенства можно объяснить тем, что церковь никогда не была безучастна к жизненным перипетиям простого народа, а священник в особенности сельский всегда находился на шаг ближе к крестьянину, чем представители других сословий. «Многие священники были очень близки к народной душе, – писал митрополит Вениамин (Федченков), – этого народ, даже в страшные часы грозы не забыл. Пострадали многие, но большинство осталось, и потом сам народ даже защищал их от насилий»⁶⁴³.

Жизненный путь крестьянина от рождения до смерти проходил перед глазами сельского «пастыря», которому приходилось видеть их бедность и тяжелые будни. Дети духовенства, как правило, будущие священнослужители, проводили достаточно много времени с крестьянскими детьми и с раннего возраста впитывали всю сирость и убогость их окружения. Поэтому священнослужители всегда с большим сочувствием и жалостью относились к крестьянам, «мужичкам», как часто они их ласково называли. Воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в своем дневнике с горечью вспоминал тяжелую жизнь своего деда – крестьянина: «Станет он, бывало, рассказывать про барщину. Сердце так и заносит от жалости. Как бесчеловечно обращались с людьми! Какие бы козни ни придумывали барские головы – все сносили ни в чем невинные люди»⁶⁴⁴. В 1911 г. один сельский староста рассказывал в воспоминаниях о своем давнем друге – «поповиче» Сергее Семеновиче Троицком.: «С детских лет С.С. научился страдать. Он жил среди нас, водил с нами дружбу, заходил в наши грязные избушки, видел горе и страдание крестьянской семьи. Можно считать, что все это много влияло на

⁶⁴² Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 12.

⁶⁴³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 122.

⁶⁴⁴ Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 14.07.2018).

его детски-юношескую душу, развивалось, делало мягкой и отзывчивой на все окружающее»⁶⁴⁵.

Поэтому бедственное положение простого народа и, в частности, земельный вопрос чрезвычайно волновал церковь. Так, корреспондент Орловских епархиальных ведомостей не без сочувствия к крестьянам писал: «Социал-демократия обещает всем довольство, всем равное распределение житейских благ, причем не будет обойденных, но все будут равно состоятельными и благоденствующими. Когда это учение преподносится малоземельному крестьянину, которому некуда выгнать свою скотинку и приходится пасти ее, держа за веревку, вдоль пыльной дороги, так как кругом все господское, то понятно какое настроение может овладеть им»⁶⁴⁶.

По словам прогрессивно мыслящего сельского священника Орловской губернии о. Николая Михайлова, «крестьянин действительно должен быть наделен землей в возможно достаточном количестве, но без окончательного разорения остальных сословий; иначе от всего освободительного русского движения получатся одни только отрицательные результаты, и Россия, освобожденная от власти недейственной и своекорыстной, попадет вновь под тяжелый гнет грубого и невежественного пролетариата»⁶⁴⁷. При этом духовенство понимало, что помимо обеспечения крестьян землей необходимо помочь им устроить свое хозяйство, то есть «увеличение земли должно идти об руку с улучшением крестьянского хозяйства»⁶⁴⁸.

Православная церковь с сочувствием относилась и к пролетариату, называя рабочих «несчастными, бессовестно обманутыми несбыточными, невозможными обещаниями»⁶⁴⁹. «Они наивно верили, что можно, именно идти к Царю во дворец и что Царь их примет, – говорилось в церковной периодической печати. – Они (рабочие. – Е.Л.) ищут облегчения своих нужд. Рознь и разделение в русской стране

⁶⁴⁵ Цит. по: Манчестер Л. Указ.соч. С. 54.

⁶⁴⁶ К решению аграрного вопроса // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 189.

⁶⁴⁷ Михайлов Н., свящ. Голос сельского священника об аграрном движении среди крестьян // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 7.

⁶⁴⁸ К решению аграрного вопроса // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 6. С. 190.

⁶⁴⁹ Никон (Рождественский), епископ. Год великих скорбей // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 2. С. 28.

идет не от них, а от тех злонамеренных лиц, которые льнут к народу, надеясь путем обмана сделать из него орудие беспорядка в государстве»⁶⁵⁰. Поэтому духовенство поддерживало революционное требование об увеличении заработной платы и сокращении трудового дня, чтобы облегчить тяжелые будни рабочих и улучшить их уровень жизни. В речах митрополита Владимира (Богоявленского), уроженца Тамбовской губернии, прослеживается эта идея: «Если наши рабочие в большинстве случаев живут в нужде и бедности, то в этом виновато не одно только их неблагоприятное и невоздержание, например, от пьянства и других пороков, но нередко и то обстоятельство, что они за самую лучшую и честную работу не получают надлежащего вознаграждения. Для честного работника труд его должен обеспечивать средства к приличному, по его званию, содержанию как его самого, так и семьи его»⁶⁵¹.

Военное духовенство на фронте с состраданием относилось к нижним чинам, на долю которых выпали все тяготы войны. Так, полковой священник Митрофан Сребрянский в своем дневнике писал: «Не знаю, как бы другая чья-нибудь армия выдержала себя здесь, сознавая, что поддержка придет очень нескоро, да и воюя-то среди чуждого народа, китайцев. А мы, «скверные, никуда не годные кое-какие», по приговору своих и чужих судей (хотя чужие, кажется, меньше, чем свои, замечают у нас грехи и судят) все еще терпим, и даже ни у кого мысли не появлялось бросить войну и помириться»⁶⁵². Находясь бок о бок с солдатами и наблюдая за войной изнутри, армейское и флотское духовенство имело возможность объективно оценить последствия внешнеполитического курса царского правительства на Дальнем Востоке. Замечая недалекость командования, огромные потери, которые несла русская армия, нехватку продовольствия, нараставшее недовольство в среде нижних чинов и общую усталость от войны, священнослужители критически отзывались о желании властей установить влияние в Маньчжурии и на Корейском полуострове.

⁶⁵⁰ Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 13. С. 618–619.

⁶⁵¹ Владимир (Богоявленский), митр. О труде и совести. М., 1912. С. 8.

⁶⁵² Сребрянский М., свящ. Указ. соч. С. 230.

Представители духовного сословия выступали за реформирование системы народного просвещения и распространение всеобщей грамотности, отмечая крайне низкий уровень образованности крестьянского населения. Ректор Тамбовской духовной семинарии Федор (Поздеевский) в своей проповеди говорил: «Бояться коренной ломки теперешней школы, опасаться больших затрат на новую, вообще, страшиться всякими ложными страхами не следует. Вся Япония грамотна, а грамотность-то у нее куда потруднее нашей; мы же сидим во тьме, и азов-то не умея разбирать»⁶⁵³.

В церковной периодической печати можно встретить критические высказывания и в адрес власти. Так, корреспондент Орловских епархиальных ведомостей, имя которого не указывается, с явным неодобрением писал: «Невольный грех православия в том, что его доселе заставляли нести солдатскую охрану государственного режима. Священное горение сердец и задушевность церковных молитв были культивируемы на пропаганду и защиту общественного строя, именуемого «самодержавием». Этот полицейский мотив убил церковную искренность и силу авторитета. Православие и самодержавие не только органически не связаны между собой, напротив, они взаимно отталкиваются друг от друга. Глубокое горе самодержавия – безвиновность и безответственность, неискупляемость плохого или незаконного употребления власти»⁶⁵⁴.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал молодого священнослужителя, которому во время восстания пришлось присутствовать при казни невинного солдата. «Пережитое душевное потрясение оставило в священнике след неизгладимый: – писал иерарх, – он озлобился, встал в оппозицию к духовному начальству».⁶⁵⁵ Спустя время этот священник, как и многие другие после революции, покинул Россию, но до самого конца относился с большим сочувствием ко многим революционным идеям. По словам митрополита Евлогия,

⁶⁵³ Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. М., 2002 г. С. 123.

⁶⁵⁴ Церковно-общественная жизнь в наше время // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 3. С. 71–72.

⁶⁵⁵ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 109.

настроенного крайне консервативно, «если б не надрыв в первый год священства, изломавший душу, он мог бы быть прекрасным священником»⁶⁵⁶.

Таким образом, Первая русская революция 1905–1907 гг. стала серьезным испытанием для представителей духовного сословия. Большинство из них, несмотря на многие разногласия и разочарования, оставалось лояльным к царю и придерживалось монархических взглядов. Воспитание, образ жизни и христианское мировоззрение не позволяли им выражать протест против существующего государственного устройства. Однако некоторые священнослужители все же выбирали революционный путь, ими, в первую очередь, руководило чувство жалости и сострадания к простому народу, с которым, в частности, сельское духовенство, контактировало больше всего. Появлению радикально настроенных лиц в священнической среде также способствовали кризисные явления как в самой Русской Православной Церкви, так в обществе и государстве в целом. Более революционно настроенными оказались дети клириков – «поповичи», однако духовное происхождение и воспитание оказали значительное влияние на их поведение, подсознательно чувствуя неразрывную связь с традициями своего сословия, многие из них обратно возвращались в церковь, не найдя удовлетворения в революционных идеях.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что население Центрально-Черноземного региона к началу XX в. отличалось высокой степенью религиозности. Православная вера сопровождала простого человека в течение всего жизненного пути. Тем не менее революционные события 1905–1907 гг. вызвали падение религиозности в провинции и ускорили процесс обмирщения ортодоксального крестьянского сознания. Сообразно своему положению, представители духовного сословия выступили против революции и заняли традиционно консервативную позицию – союзническую с государством. Незначительное число священнослужителей приняло непосредственное участие в

⁶⁵⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 109.

освободительном движении, но это были скорее исключительные случаи. Однако среди представителей духовного сословия появляются лица с передовыми взглядами. Отрицая насилие как таковое, они начинают рассматривать некоторые революционные идеи, как положительные для государства и общества в целом. Исследование показало, что прогрессивно мыслящие священнослужители были не только в столице и крупных городах империи, но и в провинции. В целом православная церковь, будучи консервативным социальным институтом, воспринималась общественностью как оплот царского режима. Говоря объективно, она во многом соответствовала существующему мнению, но согласно своему статусу, органически не могла занимать иную позицию.

Заключение

Русская Православная Церковь к началу XX в. являлась самой крупной и влиятельной конфессией в Российской империи, но при этом находилась под строгим контролем государственного органа – Святейшего Синода. Она была лишена самостоятельности, ограничена в правах и могла принимать решения, предварительно согласовав их с властными структурами.

В массовом сознании церковь небезосновательно выступала в роли главной опоры государственной власти и а priori становилась соучастницей всех антинародных действий царского правительства. Однако, несмотря на неканоническую систему церковного управления занимать иную позицию по отношению к власти РПЦ принципиально не могла.

Сложившаяся ситуация привела к ряду противоречий, в первую очередь, внутри самой церкви, а также в ее взаимоотношениях с обществом и государством. Актуальной задачей стало реформирование существующего синодального порядка: отделение церкви от государства, восстановление канонической системы управления и реконструкция патриаршества.

Прогрессивно мыслящими иерархами РПЦ и дальновидными государственными деятелями была проделана большая работа по подготовке реформ и восстановлению соборности церковного управления. И, несмотря на решение императора Николая II приостановить намеченные преобразования и нежелание обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева претворять реформы в жизнь, основные векторы дальнейших церковных модернизаций были определены, и их реализация считалась делом времени.

Кризисные явления в той или иной степени затронули и провинциальные епархии. Так, архиереи и высшее духовенство исследуемого Центрально-Черноземного региона приняли непосредственное участие в подготовке реформ, и, вопреки своим консервативным убеждениям, высказались за созыв Поместного Собора и дальнейшие преобразования в сфере церковно-государственных отношений.

Приходское духовенство, напротив, в большинстве своем, оставалось в стороне от готовящихся в высших церковных кругах реформ, выполняя, в первую очередь, главную священническую обязанность – служение Богу и людям. В этой связи политический инфантилизм сельских священников передавался крестьянской пастве, по-прежнему доверявшей приходским «батюшкам».

Вместе с тем внутрицерковные противоречия стали одной из причин роста протестного поведения жителей провинции, которое заключалось в распространении и популярности антиклерикальных и даже атеистических идей. Положение православной церкви значительно осложнилось после принятия царского Указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., который нанес серьезный удар по ее монополии в конфессиональной политике. Позиции РПЦ в обществе, несомненно, ослабели в сравнении с другими религиозными деноминациями, которые, согласно принятому законодательству, получили свободу и могли самостоятельно организовывать и осуществлять религиозную деятельность, в отличие от русской церкви, вынужденной подчиняться государству.

К тому же часть населения, формально числившаяся православными христианами, пользуясь возможностью, сменила свое вероисповедание. В исследуемом регионе этот процесс не принял таких широких масштабов, как, например, в северо-западных губерниях, где целые приходы переходили в католическую веру. Однако число желающих перейти в православие заметно сократилось, по сравнению с предыдущими годами. Наметившаяся тенденция представляла потенциальную опасность для РПЦ.

Со вступлением в силу закона, активизировали свою деятельность многочисленные религиозные объединения, они стали открыто устраивать собрания, совершать духовные требы, строить и украшать культовые здания. Состав сектантов Центрального Черноземья был неоднородным и представлен религиозными общинами баптистов, молокан, скопцов, хлыстов, духоборов, субботников и раскольников (старообрядцев). При этом исследование показало, что прямую угрозу для православной церкви Тамбовской губернии представляла

религиозная организация баптистов. Согласно статистическим данным, именно туда, после вступления в силу нового законодательства, перешло значительное число верующих. В Курской епархии заметно увеличилось количество старообрядцев, а в Воронежской и Орловской губерниях широкое распространение получила секта хлыстов.

Новое законодательство обнаружило уязвимые места в работе внутренней миссии, которая со всем своим накопленным опытом оказалась не готова к решению проблем принципиально иного характера. Так или иначе, Указ «Об укреплении начал веротерпимости» стал первой государственной инициативой начала XX в., реформировавший существующие столетиями церковно-общественные отношения.

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. православная церковь сообразно своему статусу и предназначению, поддержала внешнеполитическую акцию государства и возглавила патриотическое движение в стране. Священнослужители с амвонов призывали народ поддержать власть и встать на защиту своего Отечества. В храмах служились многочисленные молебны о победоносном завершении войны, причт и монастыри щедро жертвовали немалые денежные суммы на нужды армии, флота и лечение раненых.

Представители духовного сословия провинциальных епархий приняли непосредственное участие в боевых действиях, причем большинство из них зарекомендовали себя на фронте с положительной стороны, добросовестно выполнив свой гражданский долг.

Согласно мобилизационному расписанию, в Центрально-Черноземном регионе были сформированы и отправлены на фронт девять пехотных полков. Каждому из них прикреплялся полковой священник, который с целью своевременного прибытия, назначался из той епархии, где располагался полк. Причем приоритет отдавался иеромонахам, так как они были связаны обетом послушания и, в отличие от приходского «белого» духовенства, не имели семьи. Сорок священнослужителей были распределены в военные госпитали. Несколько человек проявили добровольное желание отправиться в район боевых действий.

Можно констатировать, что мобилизация военного духовенства в провинции прошла успешно, и, несмотря на некоторые трудности организационного характера, священство с первых дней войны приступило к выполнению своего патриотического долга.

На фронте деятельность духовенства подразделялась на богослужebную и просветительскую. Богослужebная заключалась в исполнении необходимых обрядов и церемоний, проведении церковных служб и молебнов для военнослужащих. Просветительская – в совершении духовно-нравственных и патриотических беседы с личным составом. При этом полковым священникам приходилось выполнять много дополнительной работы, которая выходила далеко за рамки их основных обязанностей. Духовные лица помогали медицинскому персоналу в госпиталях, участвовали в процессе опознания, вели переписку с родными погибших и без вести пропавших офицеров и нижних чинов. Были и такие, которые совершали героические поступки, присутствовали на передовой в самый разгар сражения, с крестом в руках выводили солдат из окружения.

Как показало исследование, не все священнослужители проявили себя патриотами на войне. Некоторые отправлялись на фронт, чтобы повысить свое материальное благосостояние, так как денежное довольствие православного военного священника в условиях боевых действий в несколько раз превышало заработок рядового приходского клирика. Отдельные представители духовного сословия совершали поступки недостойные своего высокого звания: вели нетрезвый образ жизни, недобросовестно исполняли свою работу или взимали за нее слишком высокую плату.

Однако в большинстве своем военные священники достойно переносили все тяготы походной жизни и выполняли возложенные на них обязанности. За самоотверженный труд духовенство Центрально-Черноземных епархий было отмечено наградами, сведения о которых зафиксированы в дошедших до нас послужных списках.

Как ближайшие помощники командиров в деле морально-нравственного обеспечения православных воинов, священнослужители проводили назидательные

беседы с личным составом, в особенности это стало актуальным в конце войны, когда негативное отношение к происходящему нарастало с каждым днем, а в среде нижних чинов зрели брожение и недовольство.

Патриотический подъем провинциальной общественности на начальном этапе войны достаточно быстро сменился тревожными и пессимистическими настроениями. Последовавшие один за другом военные неудачи, экономический кризис, антиправительственная и антивоенная пропаганда левых партий, индифферентность крестьянской массы и начавшаяся революция совокупно сделали войну в глазах населения бессмысленной и ненужной. Народ перестает верить в ее целесообразность, а приток жертвований на нужды армии и флота резко сокращается.

Даже некоторые представители духовного сословия не скрывали своего критического отношения к событиям на Дальнем Востоке и приводили разумные доводы о неподготовленности России к войне в техническом отношении и недооценке Японии в качестве противника. Тем не менее большая часть духовенства, в силу своих убеждений, оперировала религиозными категориями, расценивая поражение как наказание за грехи, проявление гордыни и недобросовестности.

Проведенное исследование показало, что уровень религиозности населения в Центрально-Черноземном регионе в указанный период оставался довольно высоким по сравнению с крупными городами. И в большинстве своем, крестьянское население придерживалось веры своих предков, соблюдая христианские традиции.

Однако революционные события 1905–1907 гг. способствовали, некоторому снижению религиозности и духовности провинциального общества. Атеистические тенденции проникали на периферию различными путями, в первую очередь, через крестьян-отходников и революционеров-агитаторов, проводивших целенаправленную антиправительственную и антирелигиозную пропаганду. Попытки православной церкви и государства приостановит секуляризацию крестьянского сознания не принесли желаемых результатов. А хронологическое

совпадение негативных для страны явлений привело к еще большему падению престижа самодержавия и РПЦ в глазах народа.

События 1905–1907 гг. стали серьезным испытанием и для представителей духовного сословия, которые по большому счету не были готовы к такому повороту событий. Большинство из них не поддержали и не приняли революцию, несмотря на существующие разногласия с властью. Священники, выполняя свой долг, призывали протестующее население к порядку и благоразумию, жертвовали своей жизнью контактируя с бунтовщиками. Многие клирики и их семьи серьезно пострадали во время массовых волнений. В Центрально-Черноземном регионе были зафиксированы случаи убийства духовенства.

Меньшинство священнослужители вступило на революционный путь, движимое, в первую очередь, чувством жалости и сострадания к народу. Появлению «неблагонадежных» элементов в священнической среде способствовал также внутрицерковный кризис, несогласие некоторых клириков с нарушением канонического устройства церковного управления и острое желание его реформирования.

В Центрально-Черноземном регионе были лица духовного сословия, принявшие непосредственное участие в революционной деятельности. При этом чаще всего «диссидентами» становились дети священнослужителей и семинарская молодежь. В духовных учебных заведениях они попадали под влияние радикально настроенных воспитанников, которые проводили активную агитационную работу. Выражая свое возмущение существующими порядками, учащиеся отказывались отвечать и присутствовать на занятиях, совершали погромы, почти во всех семинариях дело доходило до серьезных столкновений.

Наблюдая с раннего детства все отрицательные стороны священнического служения, а также близость с крестьянской средой привели к чрезмерному обострению чувств социальной справедливости у выходцев из духовного сословия. К тому же в начале XX в. в семинариях обучались не только дети священнослужителей, но и представители других социальных классов, как правило, низших и крайне недовольных своим общественным положением.

Некоторые выпускники духовных семинарий в дальнейшем становились убежденными революционерами. Однако духовно-церковное происхождение и воспитание значительной части семинаристов явилось фактором, предопределившим их разочарование в новых революционных идеях и возвращение в лоно церкви.

Среди представителей духовного сословия как видных иерархов, так и рядовых клириков, встречались лица с прогрессивными взглядами. Сохраняя до самого конца верность своим мировоззренческим убеждениям, они тем не менее не отрицали положительные стороны многих революционных идей и находили их весьма полезными для народа.

Таким образом, в религиозно-общественной жизни Центрально-Черноземного региона в начале XX в. произошли серьезные изменения, при этом не всегда благоприятные для самой церкви. В духовно-нравственном облике населения наблюдалось заметное оскудение, антиклерикальные идеи все активнее проникали в сознание народных масс, авторитет и влияние духовенства на паству падали. Переживая глубокий внутренний кризис, Русская Православная Церковь оказалась не в состоянии и дальше выполнять свои охранительные функции. Вместе с тем, как показало исследование, духовенство в период русско-японской войны 1904–1905 гг. и революции 1905–1907 гг. все еще оставалось значимой общественной силой и продолжало служить людям и государству.

Список источников и литературы

Архивные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 806. Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства

1. Оп. 4. Д. 3755. О назначении священников в полковые церкви, в связи с военными действиями на Дальнем Востоке.

2. Оп. 4. Д. 4495. О назначении священнослужителей во вновь сформированные полки 56-й пехотной резервной бригады: в 221-й Троицко-Сергиевский – священника Василия Ягодина с званием благочинного 55 и 56 пехотной резервной бригады, в 222-й Шацкий – священника Сергия Георгиевского, в 223-й Коротоякский – священника Евгения Садовского, в 224-й – священника Стефана Зенина.

3. Оп. 4. Д. 4547. О представлении священнослужителей к наградам в 1904–1905 гг.

4. Оп. 4. Д. 5324. О самоотверженном исполнении пастырского долга священнослужителями Кронштадтской морской Богоявленской церкви во время бывшего в г. Кронштадте мятежа и о награждении их вне уставной нормы и срока наград.

5. Оп. 4. Д. 5341. По донесению священника Воронежского дисциплинарного батальона Тихона Попова о бунте заключенных и о пожаре.

6. Оп. 4. Д. 5354. По донесениям священнослужителей о возвращении полков из похода на Дальний Восток в Европейскую Россию.

7. Оп. 4. Д. 5085. По сообщениям о священниках раненых и контуженных во время войны с Японией.

8. Оп. 4. Д. 5090. По ходатайству Епископа Тамбовского и Шацкого о предоставлении командировки для сопровождения походной церкви-палатки для нужд действующей на Дальнем Востоке армии, диакону Аркадию Трунцеву, какого-либо места для обеспечения его положения в действующей армии.

Государственный архив Воронежской области (ГАВО)**Фонд И-1. Воронежское губернское жандармское управление**

1. Оп. 1. Д. 533. Материалы о забастовках воспитанников средних учебных заведений Воронежской губернии.

2. Оп. 2. Д. 135. Донесения уездных жандармских унтер-офицеров.

3. Оп. 2. Д. 197. Листок № 1 Социал-демократической группы «Воля» «К крестьянам и рабочим. Правда о войне русских с японцами».

4. Оп. 2. Д. 397. Документы по обвинению воспитанников Воронежской духовной семинарии.

Фонд И-6. Канцелярия Воронежского губернатора

5. Оп. 1. Д. 592. Рапорт губернского Новохоперского уездного исправника об учителе церковно-приходской школы Петре Пискунове, агитирующего крестьян против войны с Японией.

6. Оп. 1. Д. 641. Переписка с Нижнедевицким уездным исправником по вопросу выступления уездного воинского начальника при отправлении крестьян на войну.

7. Оп. 1. Д. 652. Сообщение в Казенную палату для внесения в отчет сведений о пожертвовании разных учреждений в казну по случаю военных событий на Дальнем Востоке.

8. Оп. 1. Д. 1019. Министерство внутренних дел. 18 января 1904 г. № 6. Циркуляр губернаторам и градоначальникам.

Государственный архив Курской области (ГАКО)**Фонд 33. Курское губернское правление**

1. Оп. 3. Д. 12644. Дело об утверждении проекта постройки молитвенного дома для старообрядцев в г. Льгове.

2. Оп. 3. Д. 12649. Дело по рапорту Щигровского уездного исправника о постройке старообрядческого храма в д. Воробьевка Щигровского уезда.

Фонд 43. Курское отделение Государственного банка Министерства финансов

3. Оп. 1. Д. 314. Дело о сборе пожертвований для усиления военного флота.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)**Фонд 580. Канцелярия Орловского губернатора**

1. Ст. 1. Д. 2523; Д. 2351.

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)**Фонд 4. Канцелярия Тамбовского губернатора**

1. Оп. 1. Д. 5634. Материалы к годовому отчету Тамбовского губернатора за 1904 г.

2. Оп. 1. Д. 5780. По отношению Епископа Тамбовского и Шацкого о беспорядках, произведенных крестьянами, села Тулиновки Тамбовского уезда.

3. Оп. 1. Д. 5927. Рапорты уездных исправников о появлении и распространении в селах и городах прокламаций «преступного содержания под заглавием «Порт Артур пал», о бедственном положении солдат на фронте.

4. Оп. 1. Д. 6088. Рапорты благочинных и настоятелей монастырей Тамбовской епархии о награждении священнослужителей за январь 1904 – январь 1905 годов.

Фонд 66. Прокурор Тамбовского окружного суда

5. Оп. 1. Д. 772. Дело о покушении на ректора Тамбовской духовной семинарии архимандрита Феодора.

Фонд 181. Тамбовская духовная консистория

6. Оп. 1. Д. 2421. Дело об обнародовании Высочайшего Манифеста о войне России с Японией.

7. Оп. 1. Д. 2437. Рапорты благочинных и настоятелей монастырей Тамбовской епархии о награждении священнослужителей.

8. Оп. 1. Д. 2422. Дело о нетрезвости и неблагоповедении священника тюремной г. Спасска церкви Николая Розова. Дело о нетрезвости и неблагоповедении диакона села Березнеговатки Усманского уезда Егора Богоявленского.

Фонд 186. Тамбовская духовная семинария

9. Оп. 113. Д. 1. Журнал педагогических собраний Тамбовской духовной семинарии за 1907 г.

Фонд 272. Тамбовское губернское жандармское управление

10. Оп. 1. Д. 298. Дело о проведении дознания по обвинению ученика Елатомской гимназии Сперанского А.Ф. в распространении воззвания «Ко всем запасным рядовым».

11. Оп. 1. Д. 312. Дело по обвинению крестьянина Станичной слободы Борисоглебского уезда А.Л. Иванова в оскорбительных взысканиях в адрес царя.

12. Оп. 1. Д. 335. Дело по обвинению сына священника села Ново-Юрьева Козловского уезда Ястребова В.И.

13. Оп. 1. Д. 349. Дело к руководству по описи № 35 Тамбовского губернского гражданского управления. Копии циркуляров министерства внутренних дел по делам религиозного свойства.

14. Оп. 1. Д. 382. Дело о проведении дознания по обвинению ученика Тамбовской духовной семинарии А. Топильского, сообщающего в деятельности Тамбовской группы «Крестьянского союза» партии социал-революционеров в своей переписке с лицами, проживающими в Шацком уезде.

15. Оп. 1. Д. 406. Дело о проведении дознания по обвинению ученика Тамбовской духовной семинарии Доброхотова А.И. в убийстве двух стражников.

16. Оп. 1. Д. 580. Дело о проведении дознания по обвинению псаломщика села Чащино Борисоглебского уезда Муравьева П.Ф. в оскорбительных высказываниях в адрес императора.

17. Оп. 1. Д. 619. Дело о проведении дознания по обвинению псаломщика Покровской церкви села Алехино Тамбовского уезда Юдина Е.Г. в оскорбительных высказываниях в адрес императора.

Официальные издания, сборники, статистические материалы

1. Адрес-календарь тамбовской губернии на 1905 год. – Тамбов, 1905. – 223 с.

2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. – СПб.: Синодальная типография, 1905. – 400 с.

3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1902 год. – СПб.: Синодальная типография, 1905. – 404 с.

4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1903–1904 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1909. – 501 с.

5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1910. – 572 с.

6. Краткий Статистический Обзор условий религиозно-просветительной деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Богословский сборник. – 1997. – № 1. – С. 195–235.

7. Обзор Воронежской губернии за 1900 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1901. – 60 с.

8. Обзор Воронежской губернии за 1901 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1902. – 59 с.

9. Обзор Воронежской губернии за 1902 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1903. – 64 с.

10. Обзор Воронежской губернии за 1903 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1904. – 70 с.

11. Обзор Воронежской губернии за 1904 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1905. – 81 с.

12. Обзор Воронежской губернии за 1905 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1906. – 78 с.

13. Обзор Воронежской губернии за 1906 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1906. – 80 с.

14. Обзор Воронежской губернии за 1907 год. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1908. – 120 с.

15. Обзор Воронежской губернии за 1908 год. – Воронеж: Типолиитография Губернского Правления, 1909. – 124 с.
16. Обзор Курской губернии за 1903 год. – Курск: Губернская типография, 1904. – 76 с.
17. Обзор Курской губернии за 1904 год. – Курск: Губернская типография, 1905. – 86 с.
18. Обзор Курской губернии за 1905 год. – Курск: Губернская типография, 1906. – 203 с.
19. Обзор Курской губернии за 1906 год. – Курск: Губернская типография, 1907. – 140 с.
20. Обзор Курской губернии за 1907 год. – Курск: Губернская типография, 1908. – 151 с.
21. Обзор Курской губернии за 1908 год. – Курск: Губернская типография, 1909. – 176 с.
22. Обзор Орловской губернии за 1901 год. – Орел, 1902. – 32 с.
23. Обзор Орловской губернии за 1902 год. – Орел, 1903. – 44 с.
24. Обзор Орловской губернии за 1903 год. – Орел, 1904. – 45 с.
25. Обзор Орловской губернии за 1904 год. – Орел, 1905. – 49 с.
26. Обзор Орловской губернии за 1905 год. – Орел, 1906. – 49 с.
27. Обзор Орловской губернии за 1906 год. – Орел, 1907. – 56 с.
28. Обзор Орловской губернии за 1907 год. – Орел, 1908. – 49 с.
29. Обзор Орловской губернии за 1908 год. – Орел, 1909. – 53 с.
30. Обзор Тамбовской губернии за 1900 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1902. – 60 с.
31. Обзор Тамбовской губернии за 1901 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1903. – 72 с.
32. Обзор Тамбовской губернии за 1902 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1904. – 58 с.
33. Обзор Тамбовской губернии за 1903 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1905. – 105 с.

34. Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1906. – 101 с.

35. Обзор Тамбовской губернии за 1905 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1907. – 83 с.

36. Обзор Тамбовской губернии за 1906 год. – Тамбов: Типолиитография Губернского Правления, 1908. – 77 с.

37. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В 2-х частях. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. Ч. 1. – 1040 с., Ч. 2. – 1056.

38. 1905. Хроника революционных событий Тамбовской губернии / [под ред. П. Крошицкого]. – Тамбов, 1925. – 39 с.

Материалы периодической печати

1. Антоний (Вадковский), митр. Настоящее горе России / Антоний Вадковский // Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 10. – С. 171–172.

2. Аполлосов М., свящ. Реформа церковной жизни нашего Отечества / М. Аполлосов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 1. – С. 10 – 26.

3. Белозоров Е. Война с христианской точки зрения / Е. Белозоров // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – С. 287–288.

4. Белозоров Е. Речь, сказанная после молебна в полночь накануне 1906 года в Павловском соборе / Е. Белозоров // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 3. – С. 109–114.

5. Бельский С., протоиерей. Слово в день рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны / С. Бельский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 23. – С. 593–599.

6. Васильев М.Г. Военные заметки / М.Г. Васильев // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 51. – С. 1665–1672.

7. Васильев М.Г. Одна из пастырских обязанностей во время войны / М.Г. Васильев // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 36. – С. 1007– 1015.

8. Внебогослужебные беседы по поводу появления в полку прокламаций // Вестник военного духовенства. – 1906. – № 17. – С. 465–473.
9. Врасплох // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 4. – С. 118–123.
10. Высочайшая благодарность // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 51. – С. 577.
11. Высочайший Манифест // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 140–141.
12. Георгиевский А., свящ. Из дневника Епархиального Миссионера / А. Георгиевский // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 12. – С. 369–381.
13. Грозящая нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 49. – С. 1539–1548.
14. Добрые пастыри на святой Руси. Священник Владимир Троепольский // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 12. – С. 387–389.
15. Довольно малодушествовать! Голос крестьянина // Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 12. – С. 228 – 229.
16. Духовенство и общество // Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 21. – С. 442–447.
17. Духовенству Тамбовской епархии // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 196–199.
18. Духовный подвиг сельского пастыря // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 25. – С. 704–710.
19. Журнал заседаний Общеeparхиального съезда депутатов от духовенства Воронежской Епархии, состоявшегося 8–14 июня 1905 года в г. Воронеже // Воронежские Епархиальные Ведомости. – 1905. – №15. – С. 308–327.
20. Забытые сокровища духа // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 45. – С. 1349–1354.

21. Зеленев М., протоиерей. Речь перед открытием кружечного сбора пожертвований на потребности войны с Японией / М. Зеленев // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 179–181.

22. Из современных вопросов // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 29. – С. 800–809.

23. Изразцов К., протоиерей. Сообщения из заграницы / К. Изразцов // Церковные ведомости. – 1904. – № 10. – С. 373–375.

24. К вопросу о свободе совести (вероисповеданий) // Орловские епархиальные ведомости. – 1901. – № 50. – С. 2248–2258.

25. Копия с протокола собрания «Тамбовского союза русских людей 27 ноября» // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1906. – № 1. – С. 22.

26. Корсуновский Г., свящ. Поучение на день Покрова Пресвятой Богородицы / Г. Корсуновский // Курские епархиальные ведомости. – 1904. – № 40. – С. 735–738.

27. К решению аграрного вопроса // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 6. – С. 189–195.

28. К событиям на Дальнем Востоке // Церковные ведомости. – 1904. – № 11. – С. 394–405.

29. Кто виноват? // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 35. – С. 972–978.

30. Курское сектантство. Сектантство мистическое. Хлыстовство и скопчество // Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 9. – С. 148–154.

31. Летопись войны с Японией. – СПб.: Д. Дубенский, 1904–1905. – 1630 с.

32. Михайлов Н., свящ. Голос сельского священника об аграрном движении среди крестьян / Н. Михайлов // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 1. – С. 3–9.

33. Мясичев С., свящ. Несколько слов к пастырям церкви, по поводу современных событий на Дальнем востоке / С. Мясичев // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – С. 348–352.

34. На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. – 1905. – № 7. – С. 185–191.

35. На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. – 1905. – № 9. – С. 256–261.

36. На войне. Дневник священника 51-го Черниговского драгунского полка о. Митрофана Васильевича Сребрянского // Орловские епархиальные ведомости. – 1905. – № 26. – С. 696–699.

37. Народные религиозно-нравственные чтения с световыми картинами // Воронежские Епархиальные Ведомости. – 1905. – № 13–14. – С. 14–28.

38. Наставление Иннокентия Епископа Тамбовского и Шацкого // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 3 – С. 53–58.

39. Наши пастыри на войне // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 42. – С. 2064–2069.

40. Несколько слов о заздравных и заупокойных помянниках // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 27. – С. 725–727.

41. Никольский П.В. В добрый путь! (Посвящается духовному юношеству) // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 11. – С. 485–495.

42. Никольский П.В. Церковная и общественная жизнь / П.В. Никольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1905. – № 14. – С. 575–585.

43. Никольский П.В. Церковная школа / П.В. Никольский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 1. – С. 1–10.

44. Никон (Рождественский), епископ. Год великих скорбей / Никон Рождественский // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 27– 32.

45. Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 13. – С. 615– 622.

46. Объявление // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 15. – С. 394.

47. Обозрение Его Преосвященством, Преосвященным Иннокентием, Епископом Тамбовским и Шацким, городских, сельских и монастырских церквей Козловского, Лебедянского, Усманского и Борисоглебского уездов в августе и сентябре месяцах 1903 года // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 4. – С. 100–104.

48. О новых религиозных учениях // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 35. – С. 982–988.

49. О порядке направления денежных пожертвований, поступающих по поводу событий на Дальнем Востоке // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 9. – С. 138–140.

50. Определение Святейшего Синода от 28 января 1904 года за № 398 // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 143–144.

51. Определение Святейшего Синода от 28 января 1904 года за № 418 // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 144–145.

52. Определение Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г. за № 12 о правилах, которые должны быть соблюдаемы при переходе из православия в инославные и иноверные исповедания // Курские епархиальные ведомости. – 1906. – № 5. – С. 39–41.

53. О современном положении православной церкви // Орловские епархиальные ведомости. – 1905. – № 15. – С. 424–437.

54. От Александровского комитета о раненных // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 9. – С. 136–138.

55. От Воронежской Духовной Консистории // Воронежские епархиальные ведомости. – 1905. – № 15. – С. 303–304.

56. Отношение Особого Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке, на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 29. – С. 601–602.

57. Отчет о поступивших в Воронежскую Городскую Управу пожертвованиях в пользу семейств Воронежского санитарного отряда Красного Креста в случае смерти или неспособности к труду по возвращении с театра войны, с 12-го февраля по 2 марта включительно // Воронежские епархиальные ведомости. – 1904. – № 6. – С. 270–272.

58. Отчет Совета Воронежского Братства святителя Митрофана и Тихона за 1904 год // Воронежские епархиальные ведомости. – 1905. – №14. – С. 17–32.

59. Отчет Тамбовского Епархиального наблюдателя за 1897–98 учебн. год // Тамбовские Епархиальные Ведомости. – 1900. – № 30–31. – С. 89–104.

60. Пастырь Церкви во время войны // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – С. 179– 182.

61. Письмо крестьянина священнику И. Ломакину // Курские епархиальные ведомости. – 1905. – № 13–14. – С. 296–297.

62. Пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 21. – С. 421–422.

63. Пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 32. – С. 681–683.

64. Пожертвования на нужды действующей армии // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 150–153.

65. Пожертвования воспитанников Тамбовской духовной семинарии на военные нужды // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 9. – С. 232– 235.

66. Пожертвования на санитарные и военные потребности на Дальнем Востоке // Курские епархиальные ведомости. – 1904. – № 11. – С. 240.

67. Пожертвования на санитарные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 7. – С. 65.

68. Пожертвования на санитарные нужды действующей армии на Дальнем Востоке // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 12. – С. 129.

69. Попов П., свящ. Наследие старого города / П. Попов // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 70–75.

70. Предложение Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого от 29 апреля 1904 года за № 3621 Тамбовской духовной консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 19. – С. 372–373.

71. Предложение Его Преосвященства Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого, от 31 мая текущего года за № 4665, данное Тамбовской духовной консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 24. – С. 479–480.

72. Предложение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого, Тамбовской Духовной Консистории // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 43. – С. 959–960.

73. Приезд Государя Императора в Тамбов // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 28. – С. 743–748.

74. Посещение города Брянска Его Преосвященством, Преосвященнейшим Серафимом, Епископом Орловским и Севским // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 20. – С. 585–592.

75. Поучение второе // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 19. – С. 486–488.

76. Поучение к воспитанникам, окончившим курс Тамбовской семинарии в 1904 году, произнесенное на последнем благодарственном молебне // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 26. – С. 706–800.

77. Рескрипт Его Императорского Высочества Государя Наследника Великого Князя Михаила Александровича на имя Его Преосвященства Иннокентия, Епископа Тамбовского и Шацкого // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 26. – С. 521.

78. Речь преосвященного Иннокентия, Епископа Тамбовского, по освящении тамбовского лазарета для раненых воинов // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 45. – С. 1337 – 1340.

79. Речь, сказанная в зале дворянского собрания 23 февраля 1904 г. перед чрезвычайным собранием курского дворянства // Курские епархиальные ведомости. – 1904. – № 8. – С. 137–138.

80. Рождественский П., протоиерей. По поводу доклада М.А. Стаховича о свободе совести, читанном на Орловском миссионерском съезде / П. Рождественский // Орловские епархиальные ведомости. – 1901. – № 42. – С. 1718–1727.

81. Русско-японская война // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 52. – С. 1714–1719.

82. Сведение о вещевых пожертвованиях на нужды военного времени, поступивших в канцелярию Его Преосвященства // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 51. – С. 583.

83. Священник-гражданин // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 4. – С. 109–118.

84. Склобовский Д., протоиерей. Новый 1906 год / Д. Склобовский // Воронежские епархиальные ведомости. – 1906. – № 2. – С. 65–69.

85. Спасский В., свящ. Как обезопасить нижних чинов от политического брожения / В. Спасский // Вестник военного духовенства. – 1906. – № 24. – С. 741–748.

86. Троепольский В., свящ. Добрые пастыри на святой Руси / В. Троепольский // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 12. – С. 387–389.

87. Указы Святейшего Правительствующего Синода // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 14. – С. 270–271.

88. Успенский П., протоиерей. Из воспоминаний о Тамбовской мобилизации / П. Успенский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 37. – С. 1047–1054.

89. Успенский П., протоиерей. К хронике военных событий / П. Успенский // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 43. – С. 2097–2099.

90. Церковно-общественная жизнь в наше время // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 3. – С. 67–75.

91. Чужимов П., свящ. Летопись села Уланка, Суджанского уезда / П. Чужимов // Курские епархиальные ведомости. – 1904. – № 30. – С. 562–566.

92. Шевалеевский В., священник. Что такое штунда? / В. Шевалеевский // Курские епархиальные ведомости. – 1904. – № 24. – С. 443–451.

Воспоминания, дневники, письма

1. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки / С.Н. Булгаков. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016 – 138 с.

2. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох / Вениамин Федченков. – Можайск: Отчий дом, 1994. – 448 с.

3. Владимир (Брговявленский), митрополит. О труде и собственности. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1912. – 16 с.

4. Воронский А.К. Избранная проза / А.К. Воронский. – М.: Художественная литература, 1927. – 254 с.

5. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания / Евлогий Георгиевский. – М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. – 621 с.

6. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 13.05.2018).

7. Дневники святого Николая Японского. Т. V. – СПб.: Гиперион, 2004. – 960 с.

8. Записки Георгия Гапона: (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). – М.: тип. Вильде, 1947. – 104 с.

9. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю / А.А. Игнатьев. – М.: Воениздат, 1986. – 752 с.

10. Из писем К.П. Победоносцева к Николаю II // Религии мира. История и современность. Ежегодник 1983. – М.: Наука, 1983. – С. 163–194.

11. Козлова Н.В. Под военной грозой (воспоминания сестры-волонтерки) / Н.В. Козлова // Исторический вестник. – 1913. – Т. 134. – № 11. – С. 533–562.

12. Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах / [отв. ред. О.А. Платонов]. – М.: Институт русской цивилизации, 2016. – 624 с.

13. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны / Е.И. Мартынов. – СПб.: Военная типография, 1906. – 176 с.

14. Моя жизнь во Христе. Дневник отца Иоанна Кронштадтского. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. – 800 с.
15. Новые грозные слова о. Иоанна Кронштадтского, произнесенные в 1906 и 1907 годах «О Страшном поистине Суде Божиим, грядущем и приближающемся». – СПб.: Статисъ, 2000. – 95 с.
16. Островитянов К.В. Думы о прошлом / К.В. Островитянов. – М.: Наука, 1967. – 315 с.
17. Служба Богу и России. Новый священномученик Феодор Волоколамский (Поздеевский). Статьи и речи 1904–1907 гг. – М.: Паломник, 2002. – 320 с.
18. Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий. Проповеди, слова, поучения. Т. 1. – Тверь: Булат, 2008. – 527 с.
19. Сребрянский Митрофан, протоиерей. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке / Митрофан Сребрянский. – М.: Отчий дом, 1996. – 352 с.
20. Станюкович В.К. Пережитое. Воспоминание зрителя войны / В.К. Станюкович. – СПб.: Типография СПб. Т-ва Печатн. и Издат. дела Труд, 1907. – 104 с.
21. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1 / Г.И. Шавельский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 410 с.
22. Шахновский И.К. Желтая туча (12 месяцев войны с Японией). Дневник корреспондента / И.К. Шахновский. – М.: Издание Д.П. Ефимова, 1905. – 382 с.

Литература

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: Взаимоотношения советского государства и религии / В.А. Алексеев. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.
2. Алленов А.Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917–1927 гг.: на материалах Тамбовской губернии / А.Н. Алленов. – Тамбов, 2004. – 288 с.
3. Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905–1916 гг. (на материалах

Курской губернии) / А.В. Апанасенко, К.В. Симоненков // Вестник Ленинградского государственного университета А.С. Пушкина. – 2012. – Вып. 3. – С. 109–118.

4. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева / [Под общ. ред. В.И. Марченкова]. – М.: Военный университет, 2003. – 896 с.

5. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М.А. Бабкин. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. – 530 с.

6. Безгин В.Б. Религиозность тамбовского крестьянства на рубеже XIX – XX веков / В.Б. Безгин // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2017. – Вып. 4. – С. 203–213.

7. Безгин В.Б. Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века / В.Б. Безгин // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2015. – Вып 2. – С. 189–196.

8. Бендин А.Ю. Испытание свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи / А.Ю. Бендин // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. XII. С. 178–209.

9. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные атеистические произведения / В.Д. Бонч-Бруевич. – М.: Мысль, 1973. – 343 с.

10. Василенко В.О. Офицеры в рясах / В.О. Василенко. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 112 с.

11. Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. / Н.С. Гордиенко, П.К. Курочкин // Вопросы научного атеизма. – 1969. – Вып. 7. – С. 313–340.

12. Дамаскин (Орловский), игумен. Житие архимандрита Сергия (Сребрянского) / Дамаскин Орловский // Журнал Московской Патриархии. – 1999. – №3. – С 39–55.

13. Ершов Б.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Воронежской губернии в XIX в. / Б.А. Ершов // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4/2. – С. 81–85.

14. Ершов Б.А. Русская Православная Церковь в структуре государственного управления в XIX – начала XX в. / Б.А. Ершов. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2013. – 245 с.

15. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1984. – 224 с.

16. Канаев И.Н. Особенности деятельности органов контрразведки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. / И.Н. Канаев // Вестник ТГУ. –2008. –Вып. 5(61). – С. 353–356.

17. Кандидов Б.П. Религия в царской армии / Б.П. Кандидов. – М.: Безбожник, 1929. – 92 с.

18. Кандидов Б.П. Церковь и 1905 год / Б.П. Кандидов. – М.: Атеист, 1926.– 123 с.

19. Капков К.Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы / К.Г. Капков. – М.: Летопись, 2008. – 752 с.

20. Котков В.Н., Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории: Учеб. пособие / В.Н. Котков, Ю.В. Коткова. – СПб., 2005. – 187 с.

21. Котков В.Н. Полковой священник – главный организатор духовного, нравственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии / В.Н. Котков // Журнал московской патриархии. – 1999. – № 8. – С. 70–80.

22. Крывелев И.А. Русская Православная церковь в первой четверти XX века / И.А. Крывелев. – М.: Знание, 1982. – 64 с.

23. Кузнецов В.Д. Религиозные основы подготовки будущих офицеров Российской Империи в 1890–1917 гг. / В.Д. Кузнецов // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 12. – С. 62–64.

24. Ледовских Е.А. Православное духовенство Центрально-Черноземных губерний на фронтах русско-японской войны / Е.А. Ледовских // Известия

Воронежского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (270). – С. 104–108.

25. Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX в. / Т.Г. Леонтьева // Вопросы истории. – 2001. – № 1. – С. 29–43.

26. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. / Т.Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 253 с.

27. Левин О.Ю. Лекции по истории Тамбовской епархии. Обновленческий и григорианский раскол в Тамбовской епархии // История Тамбовской митрополии: документы, исследования, лица. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/6668/> (дата обращения: 26.12.2018).

28. Лисюнин В.Ф. Общественно-политическая функция духовенства Тамбовской епархии во время революции 1905 г. / В.Ф. Лисюнин // Православная история и традиционная культура Тамбовского края: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С.76–81.

29. Лозовский А.Г. Тамбовские миссионеры в борьбе с религиозным сектантством: 1875–1917 гг. / А.Г. Лозовский // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – Вып. 2(46). – С. 151–155.

30. Лукин Н.М. Революция и церковь / Н.М. Лукин. – М.: Государственное издательство, 1923. – 40 с.

31. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Лори Манчестер. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

32. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 568 с.

33. Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви 1900–1927 гг. / Г. Митрофанов. – СПб.: Статис, 2002. – 442 с.

34. На пути к свободе совести / [сост. и общ. ред. Д.Е. Фурман]. – М.: Прогресс, 1989. – 496 с.
35. Никольский Н.М. История Русской церкви / Н.М. Никольский. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
36. Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений: 1917–1938 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
37. Орлова В.Д. Духовно-нравственное воспитание в условиях модернизации общества / В.Д. Орлова // Тамбовские епархиальные ведомости. – 2010. – № 9. – С. 14–17.
38. Орлова В.Д. На рубеже эпох. Мнения отцов благочинных о нравственности прихожан в Тамбовской епархии в конце XIX – начале XX в. / В.Д. Орлова // Тамбовские епархиальные ведомости. – 2014. – № 3. – С. 25–27.
39. Орлова В.Д. Проявление религиозности тамбовского купечества в XIX – начале XX в. / В.Д. Орлова // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2016. – Вып. 3. – С.174–184.
40. Орлова В.Д. Тревоги тамбовского духовенства о нравственности прихожан в конце XIX – начале XX века / В.Д. Орлова // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2015. – Вып 2. – С. 183–188.
41. Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917) / Н.Ф. Платонов // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – 1960. – Т. IV. – С. 103–209.
42. Победоносцев К.П. Государство и Церковь [отв. ред. О.А. Платонов]. М.: Институт русской цивилизации, 2011. – Т. 1. 704 с.
43. Поляков Г., протоиерей. Военное духовенство России / Г. Поляков. – М.: Творческий информационно издательский центр, 2002. – 536 с.
44. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 512 с.
45. Правда о религии в России / [ред. кол.: Николай (Ярушевич), митр., Г.П. Георгиевский, Александр Смирнов, протоиерей]. – М.: Московская патриархия, 1942. – 458 с.

46. Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru> (дата обращения: 13.10.2017).

47. Просветов Р.Ю. Тамбовская духовная семинария в годы первой русской революции / Р.Ю. Просветов // IV Питиримовские чтения. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 85–93.

48. Просветов Р.Ю. Тамбовская духовная семинария при ректорах Федоре (Поздеевском) и Семионе (Холмогорове) в 1904–1907 годах. [Электронный ресурс]. URL: <http://собор.narod.ru/txt/Feodor/index.html> (дата обращения: 17.05.2017)

49. Путинцев Ф.М. Контрреволюционная роль духовенства в революции 1905–1907 гг. / Ф.М. Путинцев // Антирелигиозник. – 1939. – № 7. – С. 28–34.

50. Путинцев Ф.М. Политическая роль сектантства / Ф.М. Путинцев. – М.: Безбожник, 1929. – 129 с.

51. Религии мира. История и современность. Ежегодник 1983 / [отв. ред. А.А. Кислова]. – М.: Наука, 1983. – 255 с.

52. Русское православие: вехи истории / [науч. ред. А.И. Клибанов]. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.

53. Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников Т. 1. 1900–1917. Конец Синодального периода. Кн. 1 / [отв. ред. А. Богословский]. – М.: Эксмо: ПСТГУ, 2014. – 860 с.

54. Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников Т. 1. 1900–1917. Конец Синодального периода. Кн. 2 / [отв. ред. А. Богословский]. – М.: Эксмо: ПСТГУ, 2014. – 752 с.

55. Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А.А. Сафонов. – М.: Проспект, 2017. – 350 с.

56. Сафонов А.А. Правовые аспекты политики российской власти по отношению к старообрядцам в период третьей ионьской монархии / А.А. Сафонов // Вопросы правоведения. – 2015. – № 2. – С. 140–161.

57. Сафонов А.А. Правовой статус религиозных конфессий в Российской Империи на рубеже XIX – XX вв. / А.А. Сафонов. – Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2006. – 184 с.

58. Секирин А.А. Статистика сектантства и старообрядчества в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Курского губернского статистического комитета) / А.А. Секирин // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3. – С. 253–263.

59. Село Вирятино в прошлом и настоящем [отв. ред. П.И. Кушнер]. – М: Издательство академии наук СССР, 1958. – 279 с.

60. Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999.– 383 с.

61. Сергей (Петров), архиеп. История Воронежской епархии от её учреждения и до 1960-х годов / Сергей Петров. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. – 644 с.

62. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России / Ю.Ю. Синелина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 1 (69). – С. 85–91.

63. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России / [под общей редакцией д-ра филос. наук В.П. Култыгина]. – М.: Академия, 2004. – 216 с.

64. Смолич И.К. История Русской церкви. 1700–1917. Кн. 8. Ч. 1 / И.К. Смолич. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1997. – 798 с.

65. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. / Н.Д. Тальберг. – М.: Сретенский монастырь, 2009. – 960 с.

66. Тальберг Н.Д. Русская быль. От Екатерины II до Николая II. Очерки истории Императорской России. / Н.Д. Тальберг. – М.: Правило веры, 2006. – 1023 с.

67. Тележников А.Ю. Образ Японии накануне Русско-Японской войны / А.Ю. Тележников // Молодой ученый. – 2018. – № 46. – С. 229–233.

68. Титлинов Б.В. Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений / Б.В. Титлинов. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 166 с.
69. Титлинов Б.В. Церковь во время революции / Б.В. Титлинов. – Пг.: Былое, 1924. – 195 с.
70. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В.А. Федоров. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
71. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия / С.Л. Фирсов. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 526 с.
72. Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С.Л. Фирсов. – СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1996. – 660 с.
73. Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II / С.Л. Фирсов. – СПб.: Сатисъ, 2007. – 460 с.
74. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Благотворительная деятельность населения Центрально-Черноземных губерний в период русско-японской войны / В.Н. Фурсов, Е.А. Ледовских // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2014. – Вып. 31. – № 15 (186). – С. 123–127.
75. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Духовные семинарии Центрально-Черноземного региона в период революции 1905–1907 гг. / В.Н. Фурсов, Е.А. Ледовских // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (283). – С. 174–179.
76. Фурсов В.Н., Ледовских Е.А. Миссионерская деятельность духовенства в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской и Воронежской губерний) / В.Н. Фурсов, Е.А. Ледовских // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 712–717.
77. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005) / В. Цыпин. – М.: Сретенский монастырь, 2012. – 816 с.

78. Чемаров С.Ю. Русская Православная Церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. / С.Ю. Чемаров. – СПб.: Нестор, 1999. – 272 с.

79. Шерстнев С.С. Официальные и личные оценки состояния морального духа действующей армии в годы русско-японской войны / С.С. Шерстнев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара – 2009. – № 6. – С. 244–248.

80. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX в. / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

81. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. / П.П. Щербинин. – Тамбов: Юлис, 2004. – 508 с.

82. Щербинин П.П. Православное духовенство и провинциальное общество Центрального Черноземья в период войн начала XX в. / П.П. Щербинин // Провинциальное духовенство дореволюционной России. Сб. науч. тр. Вып. 1. – Тверь: Тверской государственный университет, 2005. – С. 147–155.

83. Щербинин П.П. Социальная ориентация православного духовенства в городах черноземного центра в период первой русской революции / П.П. Щербинин // IV Пителимовские чтения. – Тамбов: Изд. ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998. – С. 79–85.

84. Щербинин П.П., Радецкий С.В. Тамбовская епархия накануне и в период Русско-японской войны 1904–1905 годов / П.П. Щербинин, С.В. Радецкий // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2015. – Вып 2. – С. 164–172.

85. Curtiss John Shelton. Church and State in Russia: The Last Years of the Empire, 1900–1917 / J. Sh. Curtiss. – New York: Columbia University Press, 1965. – 460 p.

86. Cunningham W. James. A Vanquished Hope, the Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906 / James W. Cunningham. – New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1981. – 384 p.

Диссертации и авторефераты

1. Алленов А.Н. Власть и церковь в русской провинции в 1917–1927 гг.: на материалах Тамбовской губернии: автореф. дисс. ... к. ист. н. / А.Н. Алленов. – Тамбов, 2004. – 26 с.
2. Байдаков А.В. Православное духовенство русской армии и флота (Вторая половина XIX – начало XX века): дисс. ... к. ист. н. / А.В. Байдаков. – М., 1995. – 287 с.
3. Дробышев А.В. Православная Церковь и русская армия в XIX веке: дис. ...к. ист. н. / А.В. Дробышев. – Воронеж, 2018. – 194 с.
4. Ершов Б.А. Русская Православная Церковь в системе государственных отношений в XIX – начале XX вв. (на материалах Центрально-Черноземных губерний): автореф. дис. ...д. ист. н. / Б.А. Ершов. – Воронеж, 2012. – 21 с.
5. Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии (1859–1917 гг.): автореф. дис. ...к. ист. н. / Е.М. Есикова. – Челябинск, 2010. – 24 с.
6. Зарембо Н.Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга: дис. ...к. ист. н. / Н.Г. Зарембо. – СПб., 2011. – 239 с.
7. Иконников С.А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика: дис. ...к. ист. н. / С.А. Иконников. – Воронеж, 2015. – 416 с.
8. Ковалева М.Г. Учреждения социального призрения России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний): дис. ...к. ист. н. / М.Г. Ковалева. – 2006. – 179 с.
9. Курбатов О.А. Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.: дис. ...к. ист. н. / О.А. Курбатов. – СПб., 2003. – 263 с.
10. Лисюнин В.Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в.: дис. ...к. ист. н. / В.Ф. Лисюнин. – Тамбов, 2006. – 284 с.

11. Павленко Т.А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период первой российской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. ...к. ист. н. / Т.А. Павленко. – СПб., 2009. – 22 с.

12. Платонов Г.М. Православная церковь и общественно-политическая жизнь провинциальной России. 1900–1914 гг.: На материалах Саратовской губернии: дис. ...к. ист. н. / Г.М. Платонов. – Саратов, 2003. – 241 с.

13. Шуклина Л.А. Культурно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в конце XIX – начале XX вв.: По материалам Курской губернии: дис. ...к. ист. н. / Л.А. Шуклина. – Курск, 2005. – 228 с.